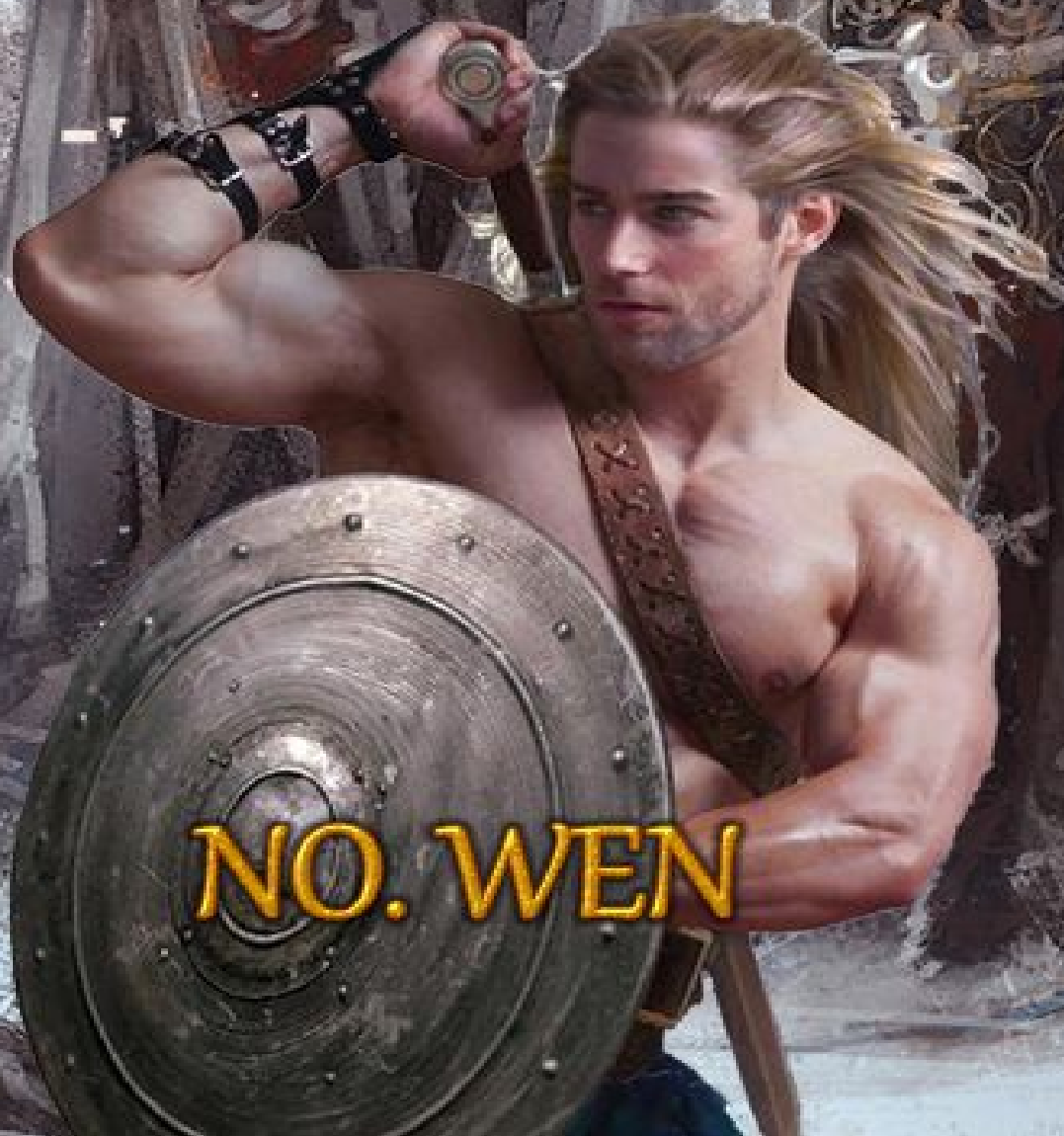

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

БЕРСЕРК

ЛЕГИОН "ПРОКЛЯТЫХ"

NO. WEN

Множество ходит легенд о берсерках. В разных народах, разные представления о них. Кто-то считает, что они воплощение душ свирепых животных, кто-то детьми богов, а кто-то порождениями сил зла, но есть у всех этих легенд одна общая черта, они сходятся в том, что берсерки грозные воины. Они гордость народа и его же проклятье. И повествование пойдет о молодом парнишке, толи волею судьбы, толи вследствие жизненных испытаний ставшим одним из этих легендарных и в тоже время ужасных представителей человечества.

No. Wen

Легион «Проклятых»

Глава 1

Что ж давайте познакомимся. Меня зовут Мор Биндж, мне не повезло родиться гордым и острым на язык. Дома меня в шутку называют ходячей катастрофой, а сверстники «жирком» или «холодцом». Есть пара вещей, которые сделали мою жизнь весьма не скучной. Первая из них, это мой отец, бывший в молодости лихим рубакой и вспыльчивым как вулкан. Казалось бы, при таком родители и сынок пойдет по стопам отца, но вот в чем загвоздка. Отец, встретив мою маму, сменил доспехи на плащ ученого и с тех пор проповедует превосходство интеллекта над грубой силой, что в принципе не мешает ему одним ударом успокаивать обидчика. В семье у нас ситуация не простая, и понять кто верховодит очень трудно, чаще всего происходит по сценарию — «как папа скажет, так по маминому и поступит», но в некоторых вопрос его не переубедить. Уж не знаю почему, но мой родитель решил воспитать из своих младших сыновей учеными и отказался обучать меня с младшим братом сражаться. Я не раз просил об этом, но он аргументировал отказ тем, что мы, дескать, пусть побольше книг читаем и думаем головой, а не отбиваем её в потасовках.

Знаете, возможно, так оно и было бы, но вот незадача, потасовки находили меня ежедневно в виде группки молодых парней с охотой занимавшиеся отбиванием моей драгоценной головы. А все начиналось с мелочи... Я действительно пристрастился к книгам, но не к тем. Меня больше привлекали романы с рыцарскими похождениями и славными битвами, а не научные дебри, хотя и в учебе я имел весьма хорошие успехи. Однако начитавшись романов и наслушавшись отцовских историй я не мог сносить оскорбления молча, как прочие мои сверстники, к тому же я был гораздо умнее их и общаться с ними мне было скучно.

Сидячий образ жизни наделил меня небольшой полнотой, а дети крестьян и ремесленников, много работавшие руками, были все как на подбор сильными и худыми. Как я уже ранее упоминал, я был гордым и не сносил оскорблений и потому на каждое обидное слово отвечал десятком гораздо более острых и как следствие бывал бит. Поначалу все это носило легкий характер и не особо беспокоило меня, ведь, несмотря на свою полноту, я дрался яростно и победить меня в схватке один на один, было трудновато. Вот только время шло, а интеллектуальная пропасть становилась все больше и слова становились все острее, когда начинали смеяться над моей полнотой, я начинал высмеивать их глупость и трусость. И как закономерный итог, между мной и моими сверстниками разгорелась самая настоящая война. Меня вылавливали по подворотням и переулкам, за мной охотились целыми группами, у них даже появилась соревнование, в котором вашему покорному слуге отводилась главная роль — роль жертвы. Вот только жертва была кусачей и брали её не меньше чем впятером, к тому же «жертва» не признавала «честной драки» и пускала в ход все что могла: зубы, ногти, палки, камни, в общем все, до чего могла дотянуться. Я постоянно ходил в синяках, но отцу не жаловался, для этого надо было сломать свою гордость мужчины, а это противоречило моей упрямой натуре. Для чего я все это рассказываю? А для того что бы как можно яснее показать тот путь и те причины что привели меня в данную ситуацию и к последующим событиям.

— Карх! Где этот ублюдок! — я сидел в маленьком переулке, спрятавшись за горкой хлама.

— Брукх его знает! — крикнул Карх в ответ, и его голос был всего в нескольких шагах от меня, я приготовился к рывку.

Меня в очередной раз ловил Гил с его компанией, мне пришлось выбраться из дому и идти за покупками к кузнецу. Отец вчера отнес ему затупившиеся и попорченные ножи, а мне поручил их забрать. Вот на пути к кузнице меня и заметили. Началась обычная наша «игра» в погоню.

— Жирок! Выходи! Бить тебя сильно не будем! — насмешливо кричал Карх, идя в мою сторону. Шаг еще шаг и вот его голова показалась над моим убежищем. Я начал действовать. Резко рванув вперед, я схватил голову моего загонщика и с силой приложил её в каменную кладку стены. Мой противник не успел ничего осознать, когда его голова повстречалась с камнем. Бум!

— Сука! — заревел Карх, а я от испуга и удивления повторил удар. И еще раз, и еще.

Только после третьего удара, эта скотина перестала стоять на ногах и сползла по стене. То что меня обнаружили, было несомненно, больно громко заорал Карх и теперь помою душу идут еще четверо. Не сумев отказать себе в удовольствии пару раз пнуть сидящего на земле парня, в лицо, разбив при этом нос и выбив зуб. Да, я знал, что возмездие будет еще более тяжким, нежели обычно, но не насладиться мекстью я не мог. Рванув со всех ног из переулка, я помчался к противоположному выходу. Спасение было уже так близко, когда пламя моей надежды потушила тень от фигуры, заслонившей узкий проем. Я бежал очень быстро и потому не успел вовремя затормозить, следствием сего печального факта, стало еще более грустное событие, а именно — кулак Гила встретился с моим носом, их скорость и масса сложились, порождая совершенно новые для меня ощущения. Голову отбросило назад, когда ноги все еще продолжали двигать тело вперед, мои ноги буквально оторвало от земли. Я шмякнулся на землю, сильно и пребольно ударившись затылком о твердь. В глазах поплыло, толи от сильной боли в том месте, где был нос, толи от удара головой о каменистую дорожку переулка, да мне собственно все равно от чего, важен сам факт.

— Вот это удар!!! — вязко восхитился чей-то смутно знакомый голос — Карх ты где? Карх!

— Да вон он сидит. — Все звуки для меня были расплывчатые и не очень разборчивы, но этот голос я все же узнал, его хозяин так удачно прервал мое бегство.

— Вот же падаль! — наступив на меня, кто-то кинулся к силуэта Карха — Этот ублюдок сильно отделал его. Вставай дружище! Мы его поймали! Вставай, сейчас отомстишь.

Постепенно я стал приходить в себя, боль не стала меньше, но она словно отступила вглубь, вытесняемая волнами ярости и желания поквитаться с обидчиками.

— Ты смотри — наклонился надо мной вожак «стаи» — а он уже почти очухался!

В тоже время Карх с помощью Фаге (я наконец узнал третьего), покачиваясь встал и сплюнул в сторону кровь. К этому знаменательному событию подоспели и два брата Вил и Сох.

— Ну вот все в сборе — удовлетворенно констатировал Гил — Теперь можно и начать веселье. Первым будет Карх, как пострадавший, потом я а дальше определитесь. Только сильно не налегайте, а то сами знаете, проблем как бы ни случилось.

— Что-то как-то легко в этот раз вышло — с сомнение прогудел Сох, самых сильный из пятерки, но самый осторожный.

— Просто умеючи бить надо — горделиво заулыбался Гил.

Они стояли надо мной и разговаривали так, будто я безвольный кусок мяса, так словно меня не стоит опасаться. В душе бушевала буря чувств: обида, страх перед грядущим, ярость, желание причинить им боль. Во мне словно открылось второе дыхание, как всегда когда происходило подобное. Я вскочил и бросился на Карха и поддерживающего его Фаге. Они были самыми уязвимыми на данный момент целями и моей единственной надеждой на спасение.

Никто не ожидал от меня такого и потому, гады не успели подготовиться к моей атаке. Я успел врезать кулаком, по разинувшей от удивления рот роже Фаге и опрокинув обеих тварей на землю, ловко перескочил через них и рванул прочь.

Как часто бывает в жизни, мой план разрушила сушая мелочь, кровавый плевок Карха, на котором я поскользнулся. Попытка вскочить и бежать дальше была прервана сильным пинком по моей пятой точке.

— Бей суку!!! — закричал Гил и удары посыпались на меня со всех сторон.

Я рычал, катался, пытался кусаться, бить в ответ, иногда даже попадал, отчего удары, сыпавшиеся на меня, словно из рога изобилия, становились только сильнее и злее. Мой разум затянула пелена ярости и боли.

Когда наконец все закончилось я все еще тихо рычал и дергал руками и ногами в попытке отразить несуществующие удары или хотя бы смягчить их. Поднялся я далеко не сразу. Все тело словно набили тяжелыми острыми камнями, причинявшими мне сильную боль при каждом движении. Глаза заплыли, и потому видел я плохо. Лицо и руки были в крови, а разбитые губы постоянно норовили растянуться в злобном оскале. Так сильно меня еще ни разу не избивали. В голове билась только одна мысль «Вы не знаете, с кем связались, твари. Я покажу вам, я отомщу».

Именно в этот момент меня посетила «гениальная» мысль. Пойти и завербоваться в армию. Нашему королевству всегда нужны воины и вербовщики с распростертыми объятьями примут меня.

Я всегда довожу дело, за которое взялся, до конца, и потому мой путь лежал в кузню, за ножами. На ходу я пытался ощупать свой нос, вернее то, что от него осталось. Он явно был сломан. Я как-то видел, как мужику его вправляли, я взялся за мякоть, точнее попытался, боль прострелила все мое тело. Тихо взыв от ярости на свою трусость и боязнь боли, я резко схватился за нос и дернул его, вперед помогая другой рукой встать хрящам на место.

Наверное, мой крик был слышен далеко, в глазах потемнело, ноги подкосились, а я проклинал свой идиотизм. Выйдя из переулка, зашагал к кузнецу, прохожие меня не узнавали, и опасно косились. По пути я продумал все детали своего «плана».

Кузнец, увидев меня, не сразу узнал, а когда выяснил, кто перед ним, удивленно поднял брови и спросил:

— Что же это с тобой Мор, такое приключилось?

— Споткнулся, упал — буркнул я.

— Наверное, всю дорогу спотыкался — не поверив, хмыкнул дядя Бас, а кто бы, спрашивается, поверил? — На. Держи ножи. — И добавил, одобрительно взирая на меня — Молодец парень, не бежишь вытирать сопли о мамкину юбку. Так держать.

Ну уж нет. ТАК «держат» я больше не желаю. Наполненный решимостью до краев я двинулся домой.

Удача, наконец, соизволила обратить свой взор на меня, дома был только младший брат и на пути к моему счастью не встанут грудью родители. Наверное, я бы не решился на побег, если бы прошло чуть больше времени, но в данный момент меня жгло чувство обиды и желание кардинально разорвать этот порочный круг, прочно вписавшийся в мою жизнь. На вопрос брата:

— Опять?

Я лишь отмахнулся и буркнул:

— Это был последний раз — и помчался в родительский кабинет.

Схватив со стола бумагу и скрипя пером, стал сочинять прощальную записку. Когда я закончил и прочитал, то понял что звучит кривовато, но времени было мало, и исправлять я не стал. Получилось следующее:

— «Мам, пап. Я вас очень люблю, но я принял решение и уверен, что оно вам не понравится. Но! Я мужчина и поступаю так, как считаю правильным. Я выбрал свой путь и не вижу иной судьбы и призвания чем армия. Не пытайтесь меня найти, я сам вернусь, когда стану воином, и вы будете гордиться мной!»

Придав лист чернильницей, я с благоговением снял отцовский меч со стены, он оказался довольно тяжелым. Мне было сложно представить, как такой тяжестью можно сражаться, его-то и поднять за рукоять нелегко. Попытки пристроить его на спину не увенчались успехом и потому, закинув клинок в ножнах на плечо, я стал спускаться в конюшню.

Оседлав отцовского коня, и собравшись запрыгнуть в седло, я вспомнил о том, что до ближайшего крупного города с вербовщиками три дня пути и потому нужно взять провиант и немного денег, мало ли что может приключиться.

Вновь посетив кабинет и взяв из «тайной» шкатулки деньги, оставленные на повседневные срочные нужды, я пробрался на кухню и стал закидывать в небольшую кожаную сумку различную снедь, старательно отбирая ту, что относительно долго может храниться. В последний миг, вспомнив о том, что нужно умыться, я аккуратно привел свой внешний вид в относительный порядок. На выходе из кухни я столкнулся с младшим братом, внимательно и серьезно смотрящим на меня, своими серо-голубыми глазами. Не смотря на то, что он был ниже меня и был довольно худ, упрямства в нем было на четверых.

— Ты куда собрался? — перегородив проход и оперев руки в бока, насупился он.

— По делам — я тоже насупился.

— А родители знают? — подозрительно прищурился брат.

— Стэл, ты пойми, мне надо — едва не взмолился я — я все равно выйду, не заставляй меня применять силу.

— Я не боюсь тебя — не изменился в лице брат.

— Я знаю и очень люблю тебя, но ты встаешь на пути моей свободы, на пути моей мечты. Не стоит испытывать нашу братскую связь, даже если я не смогу ударить тебя, то никогда не прощу тебе этого.

Было видно, как в нем борется желание поступить правильно и стремление сохранить нашу дружбу... Нет, не дружбу — нечто гораздо большее, связь, которая бывает только между настоящими братьями, не только по крови, но еще и по духу.

— Я тебя не видел — сказал и, развернувшись, ушел.

Облегченно и грустно вздохнув, я бегом отправился на конюшню, где меня ждала оседланная кобылка.

Уже перед самым выездом, я захватил немного овса, для лошади и вот, наступил момент, я пересек границу, отделяющую наш двор от города. Обернувшись, я увидел в окне красноглазое, заплаканное лицо Стела и сердце мое сжалось, от нахлынувших на меня чувств.

Петляя по улочкам родного города, я вжимал голову в плечи, боясь, что меня могут случайно увидеть родители. Мои страхи едва не осуществились, перед самыми воротами, ведущими вон из Норвела стоял отец и увлеченно беседовал о чем-то со своим знакомым стражником. Поворачивать было поздно, я заметил его слишком поздно. Сжавшись в ожидании неизбежного, я закрыл глаза, мне казалось, что вот-вот услышу гневный возглас «Мор! Какого Брукха ты тут делаешь?!», но секунды текли, а отец все не кричал. Сначала открыл левый глаз, потом и правый, передо мной расстилалась дорога, на расстоянии пары километров начинал вздыматься лес, копыта-деревья которого, казалось, решили пронзить небеса. Меня охватил страх. Страх неизвестности. Весь мой план стал выглядеть не то что убого, а бердом больного на голову блаженного. Все обиды и злосчастья теперь казались незначительными и мелочными. Желание развернуть коня мчаться в город стало необоримым я даже потянул уздечку, но как только мой взгляд коснулся стен... как перед моим взором, предстала картина: вот я вернулся домой. Родители ругают меня, брат смотрит с пониманием и долей жалости, а Гил, и его компания, хохочут, держась за животы. И самое страшное. Я этого не забуду, и каждый день буду помнить о том, что не смог, не сумел победить свой страх. Ярость вспыхнула в груди ярким пламенем, сжигая в себе, преступные мысли. Резко рванув узду так, что лошадь жалобно заржала, я стукнул пятками по её ребрам, заставляя перейти кобылу с шага, на рысь. Лес быстро приближался.

Когда я въехал под кроны первых деревьев, то, кажется, понял, что чувствовали рыцари из книг, вступая в темную пещеру логова дракона. Дневной свет сразу померк, потускнел, в лицо дохнул сырой тяжелый воздух, густонасыщенный всевозможными запахами. В уши ворвались множество звуков, словно я пересек невидимую черту, треск веток, из-под копыт моей лошади, шорохи, несущиеся со всех сторон, шелест листвы, и еще боги знают что. Только теперь я понял, почему охотники, привозившие на продажу свою добычу, так надменно относились к нам, живущим за городскими стенами. Впервые в жизни я выбрался за эти самые стены, и понял, что еще ничего не знаю об этом мире. Мне раньше казалось, что попутешествовав по страницам книг, я узнал о мире все. Как же я ошибался, наверное, так себя чувствует улитка, в первый раз выглянувшая из своего убежища.

Меня в очередной раз стал сковывать страх, за каждым кустом казалось, поджидал дикий и опасный зверь, только и мечтающий как бы полакомиться человечинной. В густых кронах то и дело мерещились разбойники с луками, поджидающие одинокого путника, дабы свершить свое преступное дело. Быть в постоянном напряжении оказалось не так увлекательно, как это представлялось, читая очередные приключения какого-нибудь героя.

Постепенно я стал привыкать к окружающему меня разнообразию. До этого я постоянно оглядывался в ожидании погони, которой все не было, теперь же новые впечатления вытеснили эту мысль из головы. Поднял голову, проснувшийся голод. Недолго думая, а точнее вообще не думая, я полез в сумку и добыл оттуда кусок свежего, жареного мяса и хлеба, положив между ними ломтик, заранее нарезанного, сыра я принялся с

аппетитом поглощать бутерброд.

О том, какой я идиот, ко мне пришло откровение в тот момент, когда я захотел пить... Я взял многое, о многом вспомнил в последний момент, но о самом главном я не подумал... Я не подумал о воде.

В очередной раз, мне вспомнилось о том, как все легко и просто описывалось в книгах — «...собравшись, они отправились в дорогу...», у меня возник один закономерный вопрос: хоть один из тех авторов, кто писал подобные романы, сам хотя бы раз собирался в путешествие, которое длилось более трех часов? Нечто в глубине моего разума подсказывало мне — нет.

К вечеру я достаточно сильно натер свое сиденье, да и жажда, несмотря на влажный воздух и прохладу, доставала меня все сильнее. Вязкая слюна, наполняющая мой рот, не желала глотаться, и потому я занялся поисками места для ночлега. Побродив по приглянувшейся мне полянке, я нашел её вполне приемлемой и стал готовить стоянку.

Расседлав кобылу и привязав, недоуздок к дереву, я столкнулся с новой проблемой. У меня нет ничего для сна на природе, нет ни одеяла, ни подстилки. Скрипя зубами и ругая свою глупость, мне пришлось резать ветки и пытаться из них и листьев смастерить себе нечто вроде ложа. Это я тоже почерпнул из книг, там говорилось о том, что спать на такой подстилке весьма комфортно, а в чем-то даже приятно. Однако учитывая тот опыт, что я уже получил, сверяя книжные описания и реалии, меня одолевали сильные сомнения в достоверности сих сведений. Но другого варианта у меня все равно не было.

Костер разводить я не стал, все же было довольно тепло. Задав овса для лошади в торбу, я мучимый жаждой лег спать. Забегая вперед, могу сказать одно — сон, это слишком громко сказано.

Для начала, я, проснувшись среди ночи, понял, что замерз и к тому же искусан всякой жужжащей пакостью без меры. Все попытки снова заснуть, разбились об непрерывный зуд тела в местах укусов, а их было предостаточно. Однако, будто этого мало, вокруг по кустам раздавались подозрительные шорохи, шипение, тихое рычание и прочие, весьма нервирующие нормального человека звуки. Последней каплей стало то, что когда под утро стих этот лесной гам, меня стал раздражать тихий, едва слышный, мерный звук. Я вертелся с боку на бок, но словно мир ополчился на меня, жажда буквально сводила меня с ума. Не выдержав этой пытки, я вскочил и кинулся к источнику раздражающего меня звука...

Я, не веря своим глаза, стоял перед маленьким ручьем. Вечером прошлого дня, мне пришлось облазить всю полянку и прилегающие к ней территории в поисках воды, а она была у меня под носом. Спрятавшись под большим листом лопуха, из земли бил маленький родник, всего лишь струйка воды, но как же она было мне нужна. Рухнув на колени, я буквально впился в то место, откуда вытекала благословенная влага. Сколько я так простоял, прерываясь только для того чтобы вздохнуть — не знаю, наверное долго, потому как, подняв голову с блаженной улыбкой на лице я увидел занимающийся рассвет.

Когда я удовлетворил свою первейшую потребность, только тогда я понял, насколько лживы все те приключенческие романы, которые я читал, и зарекся верить им хотя бы на медяк. Все тело болело, задрав рубаху, я увидел, как на ребрах четко отпечатались ветки, на которых мне довелось спать. Шипя сквозь зубы, принялся искать емкость под воду. К моему величайшему горю, таковой не нашлось. Пришлось перекидывать еду в мешок для овса, в котором за ночь место освободилось достаточно. В пустую сумку я и стал набирать воду. Знаю, плохая замена меху или фляге, но иного варианта мною найдено не было, о том, как я

наполнял её водой можно сложить целую историю.

Сначала с помощью ножа, я выкопал достаточно глубокую ямку, в неё поместил сумку, а затем, проделал искусственное русло для воды. Дождавшись, когда она наполнится, я выругался, часть воды попала в яму и теперь вся сумка была в потеках грязи, да и несмотря на все мои усилия, русло не вышло столь гладким и твердым, чтобы в вода пройдя через него осталась кристально чистой. Оставалась надежда на то, что она отстроится и мне не придется употреблять её с землёй.

Весь оставшийся день, прошел без особых происшествий, очередное неприятное открытие ждало меня вечером. Еда испортилась. Вся. Совсем. То, что могло лежать у нас вне ледника по три дня, не перенесло испытания дорогой и протухло. Вам не понять, какой для меня это был удар. Жрать хотелось невероятно, словно решив меня добить, скрутило живот, видимо то, чем я перекусил в обед, было уже не совсем свежим. Сидя под кустом, я, по складывающейся привычке, поносил всячески авторов всех рыцарских и приключенческих романов. Хоть бы одна сволочь! Хоть бы одна!! Упомянула! О! Туалетной! Бумаге!!! Думать о том, что в отсутствии этого: незначительного, непрезентабельного, но О-О-ОЧЕНЬ нужного предмета, виноват я, совершенно не было желания. Как оказалось, лопухи не многим хуже того, чего у меня все равно не было.

Наученный горьким опытом, я таки собрался развести костер... Знаете, скоро ругательства прочно войдут в обиход моей речи. Причиной моего плохого настроения послужил факт отсутствия кремня и огнива, а так же амулета или любой другой вещи помогшей мне бы в добычи огня. Спать в холоде мне совершенно не хотелось, а заставить коня лечь и греться о его бок не вышло. Вот и новое разочарование в книжных «премудростях». Делать было нечего и я принялся готовиться ко сну, так как мог. В этот раз я не стал резать ветки, а попросту надергал травы и нарвал листьев, ложе получилось не в пример мягче и привлекательнее моего прошлого. Проблему с холодом так решить и не удалось. Осталось последнее дело, по моим прикидкам вода уже должна была отстояться. Нет, здесь нет подвоха, она отстоялась, но вкус! Более отвратной воды я не пил, меня мучило от одного только запаха, но жажда была сильнее брезгливости. Давясь и кашляя, я маленькими глотками пил эту тошнотворную жидкость.

Если коротко сказать, то спать я лег — в самом отвратном настроении. Эта ночь была немногим лучше предыдущей. Холод и влага, не давали мне заснуть, так дрема. Насекомые, к моему огромному счастью, не доставали, словно насытились еще в первый раз. И конечно вкус... этот вкус во рту, порожденный непередаваемым букетом воды из кожаной сумки, был, пожалуй, худшим из моих бед.

Утро застало меня с красными глазами, злого пьющего росу с листьев деревьев, пришлось делать это довольно долго, пока, наконец, ужасный привкус почти исчез. Прекратил я свой нелегкий труд по двум причинам. Первая — я выпил всю росу на полянке, вторая — остальная высохла или была впитана.

Конь в отличие от меня выглядел вполне довольным жизнью, травку пожевал, овса поел, а воду я ему свою отдал, решив, что жажда более привлекательна, нежели этот жидкий ужас.

Путешествие протекало спокойно, я часто думал о доме, а иногда о возможной погоне. Тело, отогревшись, стало чесаться. Я вспомнил о том, что вот уже как второй день не принимал ванну. Пока живешь в комфорте и спокойствии, ты не ценишь тех благ, что тебя окружают, мечтаешь о приключениях, о многодневных походах. Однако стоит лишиться всех

этих мелочей и окунуться в «романтику» походной жизни, как тут же начинаешь сожалеть об утраченном. Если бы вы знали, сколько раз я пожалел о поспешном решении, не о том, что я покинул дом, а о том, как это было сделано, сколько мелочей было не учтено, сколько важных моментов было упущено мною из виду.

Ближе к обеду меня стало клонить в сон, веки буквально слипались, и открывать глаза становилось все сложнее и сложнее. Когда я практически уснул, то подъехал к перекрестку. С трудом вспомнив что мне нужно свернуть направо, вяло потянул за узду кобылку и убедившись что, она пошла в нужном направлении, провалился в дерму.

Пробуждение было не из разряда приятных, падение с лошади во сне никому еще не приносило хорошего настроения. Соприкосновение с землей, выбило из меня дух, дезориентировало и в один миг сбросило дремотное состояние. Ругаясь, шипя и потирая ноющие ребра, я бросился догонять все также медленно плетущуюся кобылу. Поругавшись для профилактики на, безразличный к моим страданиям транспорт, я с трудом взобрался в седло, этому не способствовали ноги, прилично затекшие за время долгой езды.

* * *

Моему счастью не было предела, когда лес расступился, выпуская меня из-под своих темных сводов, и легкий воздух, лишенный сырости и запахов прелой прошлогодней листвы, наполнил мои легкие. Закатные лучи, щедро окрашивали стены города, поле и верхушки деревьев окружающего селение леса. Я впервые в своей жизни видел подобное великолепие живую, а не на картинах. Что тут можно сказать? Нет слов.

Из состояния созерцания меня вывело непонятное чувство, а когда я, наконец, понял, то оказалось, что краем сознания заметил как стражники, едва различимые с такого расстояния, засуетились, и явно стали готовиться к закрытию ворот. С меня мигом слетело восторженное состояние и дав своей кобылке несколько раз пятками по бокам, заставил её сорваться в галоп. Ветер свистел в ушах, ворота так медленно приближались, а створки начали смыкаться, причем довольно шустро...

Я УСПЕЛ!!! В последний миг успел, едва не сбив при этом блюстителя порядка с ног Мат, который понесся мне в след, был песней для моих, отвыкших от речи за эти дни, ушей. Шумный, местами, как оказалось, еще и весьма вонючий город, с его суетливым ритмом жизни. Мне оказывается, его так не хватало. В душе поселилась уверенность, что все мои злоключения остались позади. Я снова в своей стихии!

Я стал искать, где бы мне остановиться, все дела я решил отложить до завтра, а сегодня вымыться и отдохнуть как цивилизованный человек. Пока я оглядывался в поисках пристанища, вокруг сновали люди, так и не найдя желаемого, обратился к первому же прохожему:

— Уважаемый, не подскажете, где можно найти постоялый двор?

— Впереди, через два перекрестка на лево, увидишь «Горбатую Ведьму», тебе туда — не останавливаясь и даже не повернув головы, ответил мне он.

— Благодарю... — но тот уже не слышал.

Следуя инструкциям, я быстро нашел названное заведение. Соскочив с лошади, я стал искать место, куда её можно определить, однако желаемого не было обнаружено и мне пришлось обратиться к субъекту, видимо должного исполнять роль охранника.

— Позвольте поинтересоваться у вас, предоставляет ли сие заведение именуемое «Горбатой Ведьмой» услуги по уходу за транспортными животными — я немного нервничал и потому невольно перешел на витиеватую речь, частенько используемую рыцарями в различных романах.

— Чо? — вытаращив глаза, уставился на меня непонимающим и даже более того ошалевшим взглядом охранник.

— Лошадь куда поставить?! — скала я более понятным и простым языком.

— А-а-а! — уважительно взглянул на меня, сей субъект — На заднем дворе есть конюшня.

— Спасибо — и провожаемый задумчивым взором охранника я двинулся в обход здания.

Рассказывать о том, как я пристроил свою кобылку на конюшню не стоит, так как на удивление, ничего необычного не случилось. И вот, наконец, я толкнул входную дверь и вступил под крышу, моего первого за эти три дня пути дома. Шум, крики, хохот, все, что с наружи звучало как громкое гудение, обрушились на мои уши. На губы выползла глупая, счастливая улыбка:

— Парень не зевай! — крикнула промчавшаяся мимо меня служанка.

— Вали отсюда дурак! — крикнула другая, бегущая в противоположную от движения первой сторону.

Мне стало обидно. Почему меня дураком назвали?! Я стал осматриваться, в поисках свободного места. Словно назло мне, все лавки и столы были плотно облеплены посетителями, среди которых было большое количество воинов, я бы даже сказал подавляющее большинство. Жажда, отступившая под впечатлениями, нахлынувшими при выезде из леса, вернулась и срочно требовала её утолить. Когда я уже почти отчаялся и собрался обратиться напрямую к управляющему, мой взгляд зацепился за поистине чудесную вещь! В центре всего этого бедлама стоял пустой, чистый, свободный столик! Ни как боги смилостивились над моей исстрадавшейся душой и изможденным телом (я наверное даже похудел немного). Лавируя между столиками, мне удалось успешно добраться до своей цели и, с непередаваемым наслаждением, рухнул на удобное кресло.

Секунд пять я блаженствовал, пока не понял, что что-то случилось. Я огляделся и понял, что меня насторожило. В зале царил полная тишина, такая, что было слышно, как капает со стола пролитое пиво.

— Мужики! У нас тут новенький! Крут без меры и стальные шары вместо яиц! Надо уважить парня, а то как то нехорошо оставить без внимание сей подвиг вы как считаете?! — проревел вставая бородатый крупный мужчина, в кожаной куртке, рядом с ним был прислонен не малых размеров боевой топор.

— ДА!!! — дружный рев заставил воздух в помещении задрожать так, что даже кожа почувствовала его колебания.

Потихоньку до меня стало доходить, что это место было пустым неспроста.

— Ну парень ты и влип — тихо прошептал с соседнего столика молодой воин — зря ты сунулся в нашу таверну.

Я и без подсказки понял это. Повертев головой в поисках путей отступления, я обреченно застонал, все надежды на то, что мои злоключения остались в лесу, растворились как жидкий утренний туман, под палящим солнцем далекой пустыни.

— А может, пожалеем парнишку? — сказал, поднимаясь еще одни бородач — И он,

просто в знак извинения, поставит нам всем пива? Все же по незнанию, а не с намереньем оскорбить сел мальчик на это место! — Сказал, а сам смотри на меня хитрющим взглядом.

Представив на мгновенье, СКОЛЬКО!!! Мне придется заплатить, я рьяно замотал головой.

— Ого! А малец не из трúсов! — удивленно брякнул кто-то из задних рядов.

— Ну что, парниша, тогда готовься — улыбнулся первый бородач — Первое испытание бой на кулаках. Освободите место!

Не успел я как следует проморгаться от удивления, как в центре зала появился свободный от столов и лавок круг, даже мой стол утащили, как впрочем, и лавку из-под меня, для меня стало загадкой, как им это удалось.

— Э-э... а может я просто уйду? — робко спросил я — Я не знал, что это место ваше, иначе бы ни за что не посмел бы вторгнуться на вашу территорию и тревожить вас, своим невежественным поведением.

— Не позорься — шепнул мне все тот же молодой воин — тебя пока уважают за смелость, не стоит портить это впечатление.

— Э-э-э... да он в штаны наложил! — разочарованно протянул бородач — И жадный к тому же, такого стоит проучить.

Только сейчас я обнаружил отсутствие своих вещей, видимо их убрали вместе со столами и прочей мебелью. Страх ворвался в мою душу, мне некуда было отступить. Съездившись, я сделал шаг на встречу неизбежному. Бородач широко ухмыльнулся и раскинув руки пошел на меня, будто говоря: «Ну! Ударь меня!». Я не дурак и делать то, на что меня явно провоцируют, не стал. Противник тут же доказал, что я зря упустил такую «шикарную» возможность, его кулак, словно резкий порыв ветра, коснулся моего живота. Будь у меня в желудке хоть что-то, я бы точно заблевал бы все вокруг, но... я лежал, скорчившись на полу и безмолвно разевал рот. Вокруг слышались возмущенные крики и хохот, расплывающимся зрением я наблюдал за тем, как по толпе прокатилась волна какого-то беспокойства. Ряды «зрителей» раздвинулись, и в круг вступила тройка стражников.

— Что тут происходит? — нарочито грозно спросил тот из блюстителей порядка, что стоял впереди их группы.

— Да вот — словно, ему ни чем не грозило появление стражи, ответил бородач — народ честной баламутил, на драку подбивал.

— А-а-а! — протянул блюститель порядка — Ну если так, то мы обязаны его взять и проводить в камеру, а за ущерб, причиненный городу взять с него плату.

Я не мог понять, что происходит тут, какой ущерб? Кого я подбивал и на что? Решив, что городскую стражу ввели в заблуждение, я подал голос:

— Помогите — мне удалось кое-как просипеть — они напали на меня и ударили... кха-кха...

Я собирался сказать еще, но на встречу моему, и без того больному и сломанному носу, устремился сапог блюстителя порядка... В тот миг, когда траектория обуви стража порядка оказалась в своем кульминационном моменте, я понял две вещи. Первая — это когда ломают сломанный нос второй раз за три дня, настроение портиться окончательно и бесповоротно, второе — это когда твоя вера в справедливость и честность людей разбрызгивается вместе с твоей кровью, приходит осознание, в какой же... сложной ситуации мы живем. На место обиды, боли и разочарования, пришли ярость и бешенство, веки превратились в щели забрала, кровь забурилась, тихо зарычав, я стал ставать.

— Лежать тварь! — удар сапогом по ребрам я не то что бы не почувствовал, а скорее не воспринял должным образом. Меня немного качнуло, боль была странной, вместо того что бы сковывать, дезориентировать, она придала мне сил и упорства в достижении цели.

— Вот упорный говнюк! — удивленно рявкнул один из стражников — ну я сейчас его!

Мне удалось встать на одно колено, пинок пришелся ровно по колену и был довольно болезненным, я завалился на бок. Издав полу-крик полу-вой, я вновь принялся вставать.

— Ого!? А у парня есть яйца! — уважительно сказал начавший всю эту заварушку бородач.

Пошатываясь, я все же встал. Мой затуманенный бешенством взгляд скользил по лицам, остановился он, когда достиг блюстителей порядка. Их немного удивленные и раздраженные лица смотрели на меня, вот они шагают веред, расходясь полукругом с явным намереньем в этот раз уложить меня окончательно. Разбитые губы на моем лице растягиваются в веселый оскал.

— А теперь моя очередь! — голос звучит как-то странно, низко и хрипло. Шаг вперед, мой кулак с силой врезается в его кирасу. Странно, но я ударил так сильно, что на броне осталась глубокая вмятина от моего кулака. Тело блюстителя порядка оторвало от пола и кинуло на столпившихся вокруг людей. Поворот, нырок под удар другого стража и история повторяется. Последний стражник успел вытащить меч, но это ему не помогло, ударом ноги я заставил его тело перелететь через всю толпу воинов. Зрение стало туманным, ярость все сильнее теснила последние крохи разума, но я отчетливо запомнил, как все мои три удара достигли тела бородача, его искривленную рожу, в которой читалось удивление и боль. А дальше... темнота.

* * *

Пробуждение было тяжелым. Холодный камень изрядно вытянул из меня тепла и отдал бок. Холодный? Камень? Я открыл глаза и уставился на еле освещенную тюремную камеру. Вот почему так? Как что-то хорошее и приятное описано в книгах так в жизни зачастую все наоборот, а как темницы так прямо в точку. Камера была небольшой, сырой и очень грязной, из дыры в углу тянуло преотвратно. Сама камера представляла небольшую клетку справа и слева, насколько хватало видимости этого тусклого света, тянулись такие же клетушки. Между камерами, тянулся широкий коридор, истоптанный сапогами, местами на нем были еще хорошо различимы свежие пятна крови.

— Эй! — закричал я в сумрак — Стра-ажа! За что меня посадили!!!

— Заткнись сученок! — тихо прошипело некто, принятое мной сначала за кучу мусора — Если ты тут, значит, есть за что, в камеру смертников просто так не сажают.

— Куда? — мой голос словно пропал, во рту стало сухо, еле слышный сип вырвался из моего горла.

— Ха-ха — прокаркал новый голос — деточка еще не знает куда попал! Попрошу Сайни пересадить его ко мне, то-то будет потеха — говорившего было не разглядеть.

— Заткнись Физ — ответил первый — если кто и заслужил самой мучительной смерти, так это ты.

— Аха-ха-ха-ха — смех под конец перешел в булькающие стоны — рассмешил ты старика, за это я тебя сначала убью, и только потом трахну и съем... а не в процессе, как

всех прочих.

По мере этого жуткого диалога, у меня выступал холодный пот, и начали стучать зубы. Руки затряслись, взгляд начал сам по себе бегать в поисках путей бегства или на крайний случай оружия. Увы, ни того ни другого не было. В наступившей тишине, мне стало жутко, я так сильно захотел домой, что стал молиться о том, чтобы все мое путешествие оказалось сном. Вот сейчас я открою глаза и окажусь в своей постели, услышу мерное сопение брата, и никогда-никогда не покину свой город. Однако мои молитвы не были услышаны, или им не вняли боги, я все так же сидел в смердящей камере для смертников. Чем дольше я сидел, глядя в скудный свет, что давал факел, висевший в конце коридора, тем более ужасным мне казалось мое положение.

— ... - раздалось ругательство из соседней камеры — раз уж разбудил, то давай парень, рассказывай, за что сюда попал.

— Э-э... — растерялся я — да не помню.

— Как так?! — возмутился сосед — Или по пьяне было дело?

— Нет — покрутил я головой, забыв, что тут ничего не видно — вроде я зашел в «Горбатую Ведьму», а потом меня стали бить, а... дальше не помню.

— Ого! Так это ты искалечил тех троих стражей? — удивился заключенный — А по тебе не скажешь. Ну что ж, плохи твои дела малец. За вооруженное сопротивление представителям стражи полагаются соляные рудники. А ты, судя по тому, что говорили эти говноеды, одного ты как минимум отправил в мир иной, а двух на преждевременную пенсию, по состоянию здоровья. А знаешь, что все это значит? Лично для тебя?

— Н-нет — я начал заикаться, когда услышал о своих «подвигах».

— Четвертование — каким-то торжественным голосом заключил смертник.

В наступившей тишине я тупо пялился в темноту, как-то отреагировать на подобную новость я был не в силах. В какой момент ко мне пришел сон, не знаю.

Причиной побудки послужили громкие голоса, разлетевшиеся по коридору, будоража находящихся тут заключенных.

— Вы видимо решили избывать нас от дармоедов? — насмешливо поинтересовался один из голосов.

— Нет, просто в данный момент страна срочно нуждается в солдатах и из кого они будут набраны, нас не сильно волнует. И так! Я думаю, что все заключенные уже поняли, я предлагаю вам альтернативу. Или вы гниете на соляных рудниках и теряете свои жизни на плахах, или идете в новый формирующийся полк, созданный из вас и вам подобных. Выжившие получают полную амнистию, а что бы вам не думалось о побеге, маги на всех вас поставят «Печать Смертника». Поясню более подробно, любой, кто попытается бежать или не исполнит приказ командира, умрет, сгнив заживо в течении пары часов. После окончания компании, выжившие, как говорилось ранее, получают полную амнистию, какие бы преступления у них не были, разумеется, печать тоже снимут. Желаящие есть?

Моя рука, словно обретя собственную волю, взлетела вверх, прежде чем я успел хоть чуть подумать о том, что меня будет ждать после вступления в полк.

Глава 2

— Стройтесь отбросы, высеры мамыши Брукха! Лучше б вы все передохли на плахе, крысиная блевотина — перед нами расхаживал наш инструктор, его лицо украшал длинный шрам от правого глаза, наискось к правому же углу губ, из-за этого создавалось ощущение, будто он постоянно усмехается. Коротко стриженные волосы, торчали седым ежиком, а серые глаза скользили по нам, лучась неприкрытой ненавистью.

Из камер смертников ни кто не отказался вступить в полк Приговоренных, именно так нас прозвали, разумеется в документах шло иное название — «Полк Искупления». Сейчас шло первое построение. Буквально вчера мы все получили магическое клеймо, а сегодня ночью ни кто не спал. Сразу трое безумцев пошли в побег, их крики раздавались до самого утра, а те немногие кто выходил поглядеть, возвращались мрачные и немного побледневшие. Только один из всех смертников и прочей братии, пришел довольным — Физ. На его подбородке была кровь, он весело скалил зубы, встретившись со мной взглядом, он плотоядно улыбнулся и подмигнул, отчего мне весьма сильно поплохело. Всю ночь я молился о том, что бы мои родители отыскали меня, и как-нибудь выручили, не могли ведь они меня бросить вот так. Вот только разум твердил мне, что искать меня можно долго, очень долго.

— Мне приказали, научить вас хотя бы меч держать так, чтобы враг не умер со смеха, хотя по мне, так от вас и то будет больше толку. Короче, те, кто не будет справляться, пусть молятся и сожалеют, что выбрали этот путь. Жалеть никого из вас, сколь бы он не был юн — взгляд инструктора уперся в меня — я не стану, а если умрет во время тренировок, ну что ж, такова воля богов. На пра-во! Бего-ом марш!

Не стройно повернувшись, кто куда, мы начали бежать по кругу большого тренировочного поля. Многие из преступников были сильно ослаблены долгим пребыванием в сырости, темноте и отсутствием нормальной пищи, поэтому регулярно то один, то другой бегущий валился на землю. Таких упавших быстро поднимал сапог бегущего в конце нашей колонны инструктора, поднимал, да вот только не всех. Тех, кто так и не смог встать, тут же оттащивали в сторону и вздергивали на виселицах, что располагались на краю лагеря в больших количествах, ну я насчитал три десятка. Мне тоже приходилось худо, бегун из меня аховый, выдохся я на третьей сотне шагов и дальше бежал на одном страхе стать соседом одного из «плясунов». После окончания первого круга, я оказался в конце колонны, с трудом переставляя ноги, все больше отставал от последних бегущих преступников. Вот и настал момент, когда нога оступилась и мое лицо со всего маху «поцеловало» землю. Внутри меня все сжалось в ожидании удара, и он не заставил себя ждать. Окованный ободок сапога крепко, до хруста, приложился к моему левому боку. Тело дернулось в попытке приподняться... Топот все удалялся, а кроме тщетных подергиваний, я ничего не добился и тут... меня схватили за ноги и потащили прочь. Страх. Желание жить. И ярость. Все это смешалось во мне в дикую какофонию, словно открылось второе дыхание. Извернувшись словно змея, я вырвался из цепких рук и со всех ног помчался вслед за своей колонной.

— О! Сало нас догнало! — поприветствовал меня радостным голосом Физ — А я так надеялся, что мне удастся полакомиться свежей свининой!

— Отставить разговоры! — заорал инструктор, бросив в мою сторону злобный взгляд — А тебе Мясо, за опоздание наказание, круг с бревном, по окончанию занятий.

Я сосредоточенно бежал, стараясь поддерживать в себе состояние, которое достиг. Как это было бы не смешно, но через круг я растерял его и снова рухнул на землю, все повторялось с одним отличием. Я встал и побежал после удара по ребрам. Под оскорбительные сравнения и злые шуточки, мне вновь удалось пристроиться в конце колонны.

— Мясо еще круг с бревном! — проорал явно довольный таким поворотом событий инструктор. И... на следующем круге все повторилось вновь. Падение. Удар. Вспышка боли. Ярость. Бег. Плюс круг с этим не понятным бревном. Наблюдавшие за нашей колонной солдаты хохотали во всю и делали ставки, упаду ли я вновь. К их разочарованию, это был последний круг. На виселице не осталось свободных мест.

— Стройся! Как видите отсев за право называться солдатом королевства Норвэл большой и до конца дня, многие из вас попадут туда, куда с самого начала стоило вас всех определить. А пока у вас есть пять минут на отдых.

Развернувшись, инструктор зашагал к полосе препятствий, которую проходили такие же как мы несчастные изможденные люди.

Стоит пописать наш лагерь более подробно. Десять квадратных километров, расчищенной от леса земли, отвели для нашего проживания и тренировки. На одной половине стоял палаточный лагерь, кухня отхожие места, на второй было оборудовано тренировочное пространство. Здесь было созданы десятков различных полос препятствий, достаточно большой кусок был отведен для строевой подготовки и тренировочных сражений группами до трехсот-пятисот человек, также было не мало места для индивидуальных занятий, и множество непонятных вещей и устройств, назначения которых я не понял и, конечно же, виселицы, с которых в данный момент снимали тела и скидывали их в неподалеку вырытую яму.

— Подъем! — вырвал меня из созерцательного состояния голос вернувшегося инструктора, которого про себя я называл Покоцонным. — Бегом марш к полосе!

Со стонами и ругательствами, наш отряд встал и побежал в указанном направлении. Страх притупился оставляя место обреченному послушанию.

Полоса издали пугала, но когда я подошел ближе, то пришел в ужас, казалось создатели сих маршрутов и препятствий, задались целью угробить как можно больше народу. Начиналась наша дорожка с оптимистичной тонкой жердочки, проложенной над полутораметровой ямой на дне которой были навалены большие глыбы камня с острыми выпирающими гранями, только и ждущих, когда неосторожный человек сорвется, дабы впиться в его плоть.

— Эт-то чт-то? — заикаясь, от нахлынувших на меня воображаемых картин, невольно спросил я.

— А-а-а! — расплылся в счастливой улыбке Покоцанный — Это для вас Мясо, для вас родимых, моя идея. Здесь сразу отсеется большинство негодного материала.

Такое отношение к живым людям, пусть и самым отвратительным из них, меня покорило, но я счел разумным промолчать.

— Вперед! Бегом марш!!! — заорал инструктор, увидев, что народ впечатлился открывшейся ему картиной.

Стоит ли говорить, что я упал прямо в эту яму? Не знаю, проклятие это или благословение, но место падение оказалось столь удачным, что кроме покаянных рук и ребер все остальное осталось в относительной норме. Выбравшись из ямы, я таки прошел эту

жердочку, а потом были лесенки с шипами на перекладинах, ямы со столбами, по которым следовало пропрыгать на другую сторону, в то время как на дне торчали мелкие острые колышки. Как мне удалось пройти полосу трижды... я не представляю. На кольях осталось трое, в яме с камнями один и один на лестнице с шипами. К концу дня наша группа лишилась пятнадцати человек, единственным кому я желал согнуться на ней — Физ, был бодрым и довольным своим положением, по какой-то причине регулярно поглядывая на меня.

— И так, результаты соития мамыши Брукха и гоблинского дерьма, к моему сожалению, не все сегодня сдохли — ну почему он так упорно смотрит на меня? — на сегодня тренировка закончена, марш на ужин.

Едва мы двинулись в сторону кухни, раздался крик инструктора:

— А ты Сало куда? — По наитию я обернулся — Да ты, тебе еще четыре круга вокруг поля с бревном бегать.

Из моей груди вырвался стон тоски и обреченности, а Покоцанный заулыбался еще шире, что с его шрамом выглядело, мягко говоря, жутковато. Подгоняя пинками, инструктор погнал меня к тому полю, вокруг которого мы бегали ранее. Когда мы остановились, я стал догадываться, что меня ждет и вот тут я едва не начал жалеть, что не дал себя повесить. Передо мной лежала не маленькая горка из шершавых, плохо вытесанных балоков, которые даже на вид, словно слепили из заноз, а по краям виднелись кожаные ремни-захваты.

— Бери — скомандовал мне этот изверг, видя, что я не тороплюсь с выполнением приказа начал — еще од...

Та скорость, с которой я оказался у бревен и выхватил первое попавшееся от туда, поразили меня, да видимо и инструктора до глубины души, он даже не закончил, а так и стоял с открытым ртом и изумленно поднятыми бровями. Отойдя от удивления, он зловеще хмыкнул и продолжил давать указания:

— Закидывай на спину и хватайся за ремни, четыре круга бегом марш! — я выполнил все, что он сказал, и едва тут же не скинул его обратно, точнее почти скинул, так, как даже сквозь одежду, мне в спину вонзилось множество тонких щепок. Меня остановило только одно...

— Если уронишь его плюс еще один круг! — почти упавшее бревно было трудно удержать, очень трудно, но я справился с этой задачей, расцарапав всю спину, пока тащил его обратно. Ноги тряслись, руки едва удерживали ремни, а в одежде было множество заноз, которые доставляли поистине адские муки. То, что я вытворял, можно было назвать как угодно: плелся, полз, тащился, шкандыбал, чапал, но только не бежал. Мое тело выворачивало, руки все время норовили выпустить кожаные ремни, бревно терлось, с каждым шагом загоняя в мою спину все новые и новые занозы. Как я выдержал все четыре круга? Не помню, я потерял ориентацию, после пятого шага, а способность соображать после седьмого. Все. Дальше черно-красный туман беспамятства.

Утро. Я никогда не любил утро. Теперь же я точно его возненавидел всей душой. Я очнулся от воя труб, а голос инструктора добавил свое лепту к моей ненависти. Спина горела огнем, руки, и ноги были словно набиты алмазием, пошевелить ими я попросту был не в силах. Точнее я думал, что не в силах, пока не услышал:

— Тащите это мясо к яме, нечего заразу всякую плодить, её и так тут предостаточно.

— А вот и х... вам — хрипло, словно тысячелетней ворон каркнул я — вы все сдохните, а я нет.

Под удивленные взгляды, я встал, точнее, скатился, а потом встал... на четвереньки,

опираясь на колени, мне удалось принять нечто, что можно было назвать с большой натяжкой «вертикальным положением».

— Смотри! — раздался, незнакомый голос — А Дэрак выиграл-таки свои десять монет. Придется тебе, друг мой Фрайн раскошелиться.

Так вот как зовут нашего живодера!

— Заткнись — зло ответил Покоцанный — значит, дольше промучается, мне ради такого десяти монет не жалко.

— Да что ты на парня взъелся-то? — удивился собеседник инструктора — Мальчишка как мальчишка, ну попал в передрагу, кто знает, что он там натворил, всякое бывает.

— Я знаю!!! Он моего племянника убил! — заревел Фрайн — Так что засунь свое мнение куда подальше, эта падаль отсюда живой не выйдет!

ЧТО!!!? Мало того что я по вине этих корыстных тварей оказался в этом аду, так еще и родственник, этих семенных жидкостей Брукха, меня сжить со свету пытается!!! Убью гада! Всех убью!!!

— Ого! — удивился второй голос — А паренек силен, убить грозиться!

Видимо я сказал это вслух. Ярость поднималась во мне волнами, придавая сил, вот я смог разогнуться и расправить плечи, боль ушла, усталость, словно растворилась в наполнившей меня жажде разрушения. Подняв от пола глаза, я столкнулся с заинтересованным взглядом молодого офицера. В них не было не ненависти, что я видел в Покоцанном, ни презрения, которое сквозило в взглядах преступников. И так поразило это выражение лица, легкого, скучающего интереса, что ярость отступила и потихоньку пропала совсем.

— Что застыло Мясо?! А ну марш, в строй! — заорал пришедший в себя от моих невольных мыслей вслух. — Убьет он, как же, молись своему папаше Брукху, что бы сдох ты не сильно мучительно.

Я резко повернулся, в груди начало разгораться хорошо знакомое мне пламя.

— Ну! Давай! — от нетерпения аж притопнул инструктор, и тут я вспомнил о печати наложенной магами, и мне сразу поплохело от мысли, что чуть не произошло.

Развернувшись, под разочарованный выдох Покоцанного и негромкий смешок «гостя», направился прочь из казармы. Так легко я не сдамся! Я всех вас переживу! Вот моя цель.

В лагере ничего не изменилось, только виселицы были пусты, дул сильный ветер, не отягощенные грузом веревки раскачивались, словно в нетерпении ожидая очередную свою жертву. Вчерашней суеты и сутолоки не было, все непокорные или через чур упрямые уже покоились на дне могильных ям, те что остались, поняли, что слову «жизнь» тут синоним слово «покорность». То, что я до сих пор жив, иначе как удачей и не назовешь.

Заняв свое место в строю, я заметил, как изменилось ко мне отношение в отряде, в одних глазах я видел злобу, в других интерес, а в третьих уважение. Изменилось главное, больше не было брезгливого равнодушия. Радоваться переменам или печалиться, я не знал.

— Стройся! — инструктор был зол, но не более чем и всегда, во всяком случае, внешне — Сегодня у нас пополнение, так как многие выбыли из строя, и не только в нашем отряде, то такое пополнение будет происходить регулярно — по его лицу расплзлась радостная и предвкушающая улыбка — а теперь... Бегом марш!

Мы синхронно сорвались на бег. Круг проносился за кругом, а я все так же бежал, не могу сказать, что это было легко, но я не падал без сил как вчера, а четко бежал в конце хвоста. Сегодня количество кругов увеличили вдвое, словно командование задалось целью

угробить как можно больше людей, а не обучить воинов. На виселицу отравились трое, меньше чем вчера. К концу пробежки, я увидел, что остальные отряды уже заканчивают прохождение полосы препятствия, и в мою непутевую голову стало постепенно закрадываться подозрение, что угробить нас желает не командование, а персонально Покоцанный.

— Перерыв пять минут! — сказал инструктор и отошел к компании таких же инструкторов-офицеров, там стоял стол с едой и вином. Взгляды, которые кидали в сторону пищи рекрутированные бандиты, были более чем красноречивы, любой из них перебил бы всех офицеров за то, что стояло на столе, если бы нас не сдерживало магическое клеймо. Нас? Я подумал нас? Неужели я считаю себя частью этих отбросов общества? Прислушавшись к себе, я понял, что объединил себя с ними потому, что и сам готов убить этих зажавшихся живодеров за кусочек нормальной человеческой пищи. Из-за того что мне приходилось наблюдать, как эти палачи набивают свои животы и заливают жажду прохладным вином, у меня стало сводить скулы и журчать в животе.

— Все! Стройся! — вернулся к нам Покоцанный — Вас ждет полоса препятствий!

Проклятий и стонов, кои слышались в большом обилии вчера, не было. Люди достаточно сильно вымотались за пробежку, что бы так глупо тратить и без того не великие силы. Все молча плелись вслед за инструктором. Однако когда тот озвучил приказ, кто-то все равно не сдержался и смачно выругался. Конечно, после удвоенного количества кругов, ожидали примерно того же и на полосе, но... ДЕВЯТЬ КРУГОВ!!! И тут прозвучала реплика из глубин нашего отряда:

— Да мы же все тут подохнем! Вам и обучать некого будет, сил и так нет, девять кругов никто не потянет!

— Отставить разговоры! — заорал взбесившись Фрайн — Вы все годитесь только на корм воронам, и не вашими подлыми руками лапать честное оружие! — и внезапно успокоившись закончил — Тем более, после пробежки вы неплохо разогрелись и потому, думаю вы легко потяните и двенадцать кругов.

Наступила мертвая тишина. Немногие офицеры имевшие сомнительное удовольствие наблюдать сию сцену, только осуждающе смотрели на Покоцанного, однако отнюдь не из жалости к нам, как я догадываюсь, а из расчета чрезмерной траты «материала» коим они нас всех считают.

Круг проходил за кругом, в полнейшем молчании и даже когда на пятом один из «новичков» сорвался на камни, он тоже не кричал, не из-за храбрости или мужества, а просто потому, что потерял сознание. Он как раз бежал передо мною. Я как-то отстраненно отметил тот факт, что его голова с гулким стуком ударилась о камень. Я едва не сорвался на колья, это было на восьмом или девятом кругу, точнее не могу сказать. На двенадцатом, последнем кругу, кто-то преднамеренно столкнул крикуна, из-за которого мы бежали на три круга больше, напрямиком на колья, правда и сам тут же последовал за ним, потому как, падая, парень ухитрился вцепиться в рукав своего убийцы. Я пропрыгал над ними, слушая их сипящие крики-стоны, сил не было на то чтобы сочувствовать, кому бы то ни было. Сегодня наши ряды покинуло пятеро. Вот последний на этот день приказ выполнен, и мы отправились на ужин. Как ни странно, но аппетита не было, этому не способствовал и отвратительный вкус тех помоев, коими нас «потчевали», и дикая усталость, что навалилась на меня после непривычных для меня физических нагрузок. Однако... голод и сосущая пустота в желудке заставили меня, буквально насиловать свой язык и пищевод, глотая плохо

разжеванные куски каши.

— А как тебя зовут? — раздался неожиданный для меня вопрос с лева от меня.

Медленно повернув голову я отстраненно уставился на говорившего. В моей голове не укладывался тот факт, что кому-то захочется пообщаться после столь «бурного» время препровождения. Рядом со мной сидел парень чуть старше меня. Редкие зеленые глаза, смотрели на меня с интересом, взъерошенные короткие волосы, делали его похожим на неугомонного воробья, этот образ дополнял по-птичьему острый нос.

— Мор — немного подумав, ответил я, не то что бы это было великой тайной, но сблизиться с кем-то тут? Не знаешь, будет ли твой сосед сидеть завтра тут же или отправиться на дно ямы, да и обстановка не располагает к доверительному, душевному общению.

— А меня Салек — как-то неуместно-радостно улыбнувшись мне, ответил паренек.

— А ты за что сюда попал? — спросил я, удивившись собственному возникшему интересу.

— Вообще-то об этом спрашивать не принято, но тайны в этом нет — ответил парень — прикончил стражника, уж больно он был приставучим, на мальчиков поглядывал, если ты понимаешь, о чем я.

— Не-а — мотнул я головой — не понял.

— Ахаха!!! — громко засмеялся Салек — Твое счастье, что не понял.

— А почему ты со мной заговорил? — задал я еще один вопрос — Ведь я жирный, и не пользуюсь каким-либо авторитетом?

— Ну, ты даешь! — удивленно уставился он на меня — Да ты же уже почти легенда, единственный кто пробежал четыре круга с «щкуродеркой» и не отправившийся после на дно ямы!

— Э-э-э — растерянно протянул я — и что?

— Как это что? — опешил мой сосед — Ты что, не понимаешь?

— Нет — искренне не понимая, что я должен был понять, ответил я.

— Ты тут самый удачливый или самый живучий, — как маленькому мне стал разъяснять Салек — а значит если держаться тебя, то шансы на выживание будут выше.

Я покрутил головой, пытаясь понять логику этого утверждения, но так и не понял, скорее всего, какое-нибудь суеверие, впрочем, меня это особо не касается, хочет верить в подобную чушь, пусть верит, может эта уверенность действительно поможет ему выжить. Хотя... какое мне дело до его жизни? Тут бы свою попытаться сохранить. Встав из-за того, что по недоразумению являлось столом, я прямиком отправился к месту своего сна, в расчете использовать его по прямому назначению. Однако моей мечте не было суждено сбыться. Когда я зашел внутрь, то смена относительно свежего воздуха, на ту субстанцию что заменяла его здесь, насыщенной изрядным количеством пота, испарявшегося из набитых соломой подстилок, была столь разительна, что закашлявшись, я выскочил обратно. Тихие и редкие смешки были хуже громового хохота, если уж обессиленные люди развеселились, то, как комично это должно было выглядеть со стороны? Или насколько глупо? И как я сам не догадался последовать их примеру и отдохнуть под открытым небом?

Тяжело опустившись на землю, поодаль от палаток и лег. Блаженное бездействие пронизало меня, в мыслях воцарился порядок и пустота. Глаза мои закрылись, и пелена дремоты обволокла меня.

— Сынок!!! — ко мне бросилась мать и заключила меня в крепкие объятия — Ты не представляешь, как мы волновались!!! О боги! Как ты похудел, отощал!

— Мама! — только и смог выдавить я из себя — Мама!

— Не бойся сынок! — утешала меня мать — Теперь ты в безопасности!

— Женщина отойдите от этого преступника — появился позади мамы Покоцанный — он осужден на смерть и его место среди таких же отбросов как и он!

Грубо схватив её, Фрайн потянул маму прочь. Она закричала и протянула ко мне руки, я рванул к ней, но меня схватили солдаты и поволокли назад, к вонючим палатка и той жуткой жизни, в которую я окунулся с головой.

— Нееет! — холод окутал меня.

Я вскочил. Вокруг было темно и холодно, моя одежда местами покрылась инеем и стала твердой. Несмотря на морозец, я был весь покрыт холодным потом. Тишина, царившая в ночи, нарушалась редкими криками часовых. Меня била дрожь, зубы стучали, но все это было не от охлаждения, а из-за сна, он был столь реалистичен, что просто невыносимо захотелось попасть домой. Левое плечо кольнула клеймо, напоминая мне о том, кто я и где я. Минута слабости прошла, и ко мне вернулось прежнее состояние легкой отупленности и отчужденности. По памяти и на ощупь, мне удалось добраться до палатки. Терпкая вонь не смогла надолго меня задержать на пороге, кусавший за голые пятки мороз был хорошим поводом для примирения с этим жизненным неудобством. Добравшись до лежака, я упал и, быстро согревшись, уснул.

Утро, как и весь последующий день не отличался от предыдущих, разве что за мной по пятам таскался Салек. Покоцанный в очередной раз немного увеличил нагрузки. Так тянулись дни, очередная неприятность поджидала нас на шестой день нашего пребывания в лагере.

Утро как и всегда началось со стандартной пробежки, а потом Фрайн «обрадовал» нас:

— И так продукты пищеварения Брукха, сегодня у нас появляется новое развлечение, специально для вас, соорудили новую полосу препятствий — со своей фирменной ухмылкой заговорил Покоцанный.

Перед нами предстала необычайно простая и легкая полоса. Двое длинных и достаточно толстых бревен шли параллельно друг друга, на расстоянии полутора метров. Они находились на высоте полуметра от земли, а под ними валялись достаточно крупные камни. Однако на фоне того с чем мы имели дело каждый день, все это выглядело достаточно смешно, ведь даже если кто вдруг и упадет, заработает максимум пару ушибов. Мы непонимающе переглядывались, у всех на лицах читалось одно и то же — «в чем подвох?».

— Задание простое, пять раз пробежаться по этим бревнам, перепрыгивая с одного на другое — зловеще приказал Фрайн.

Хоть это было и не просто, но мы выполнили задачу, конечно с непривычки многие спиной прочувствовали насколько жесткой подстилкой, являются камни при падении, в том числе и я. Возглас про «шкуродерку», не оказался для меня неожиданностью. Самое примечательно, что «удостоился» этой «чести» только я. Завершив задание мы выстроились в шеренгу в ожидании последующих приказов и они не заставили себя ждать.

— А теперь, разбирайте палки и разбейтесь по парам — оставаясь внешне спокойным,

дал нам указание инструктор. Когда эта часть была выполнена, он продолжил: — а теперь проходить бревна вы будете парами, причем следует сбить вашего соседа с бревна, того кто удержится, ждет небольшой приз, все последующие упражнения сокращаются на треть, питание будет улучшено и полоса препятствий будет заменяться через день на тренировки с оружием.

Волна удивленных вздохов прошла по нашим рядам, а мой «партнер» Физ (силой поставивший меня с собой в пару) заулыбался во все свои шестьдесят четыре зуба. Мне стало как-то нехорошо, по не понятной мне причине этот людоед частенько поглядывал на меня с отвратительным желанием. Каждый раз когда я ловил его взгляд на себе, то мне начинало казаться будто Физ видит во мне деликатес.

— Ну что Мясо, будем делать из тебя отбивную, мясо тогда становится мягким и нежным.

— Зубы о кости переломаешь! — огрызнулся я зло, предстоящий мне круг со «шкуродеркой», в конец испортил настроение, которое и так можно было охарактеризовать — жизнь говно, а люди в ней понос.

— Что храбрость прёт? — зловеще поинтересовался трупоед — Так это исправить не сложно.

Я не стал отвечать, чувствуя, как начинаю звереть с каждым произнесенным им словом, слова бы только впустую потратили бы мою ярость. Подобрал первую попавшуюся палку, встал в очередь.

Наблюдать за сражающимися было не то что бы интересно, скорее необходимо. Приходилось следить за всякого рода мелочами: насколько сильно вибрирует бревно при прыжках на них, какие приемы особо опасны и как от них надо уклоняться. Конечно, хотелось бы заметить и выучиться на чужих ошибках, но, увы, я не был ни профи, ни обладал талантом к боевым искусствам. Только одно удалось мне понять, блокировать удары тухлое дело, на бревне и так не легко устоять когда движешься, а уж в сражении... В общем, всех умников пытавшихся сделать это ожидало не ласковое приземление. На моих глазах, в пятой паре приземистый мужичек пошел на риск, специально пропустив удар в бок, сумел подсечь противника и свалить вниз. Неудачное падение породило очередной труп, в прочем теперь это стало для всех чем-то обыкновенным и незначительным, словно кто-то подвернул ногу или потянул кисть. Все же человек может привыкнуть ко всему, наверное, во всяком случае, я уже почти привык к своему новому положению.

— Мясо! — окликнули меня — Поторопись, а то Трупоед кого другого схарчит вместо тебя.

Раздались тихие смешки позади меня. Запрыгивая на «свое» бревно, я успел встретиться взглядом с Фрайном, в нем таилась надежда, что я сегодня стану самым настоящим мясом, мертвым и готовым безропотно отправиться к сотням предшествующим мне неудачникам. «Ты сдохнешь раньше меня — мелькнула у меня мысль — я не доставлю тебе такого удовольствия». Решимость и ярость — вот что мне требовалось и этого, у меня теперь было в избытке.

Я почти развернулся, когда Физ завершил свой удар, я покачнулся и стал падать, голова кружилась, перед глазами плавали красноватые блики. Каким-то чудом мне удалось упасть на бревно, а не на камни. Вот, какой-то заблудившийся кривой муравей прополз под моими правым глазом, и что он тут забыл? Далее мне стало не до размышлений, чей-то сильный удар ноги, едва не скинул мое тело вниз, лишь в последнее мгновение, мне удалось

ухватиться руками за ствол и повиснуть в паре сантиметров от поражения. Подняв глаза, я встретился с веселым взглядом людоеда, на жутковатом, неправильном лице, кривой трещиной родилась ухмылка, просто кричащая о его превосходстве над всеми и мною в частности. Как же мне захотелось стереть выражение удовольствия с его рожи, стереть вместе со всеми зубами. Руки налились силой, в теле появилась свирепая легкость, одним рывком я забросил свое тело на бревно, оставив немало кожи на его шершавой поверхности. Низкий рык пробился сквозь сведенные от ярости связки. Палка была потеряна, но она была мне без надобности, нет большего удовольствия, чем чувствовать кожей как плоть врага твоего сминается под ударом. Резкий удар пришелся в пустоту, Физ отпрыгнул в бок и сам ударил в ответ, сбив мою правую ногу с бревна. Однако вместо того что бы упасть, мне удалось удержать равновесие и в ответ я вложил весь свой вес и силу в удар по бревну, так будто пытался раздавить букашку на земле. Ногу отсушило, и на какой-то миг мне почудился треск бревна, словно оно надломилось внутри. Людоеду не повезло, так как он в этот момент сам наносил удар и колебания опоры под ногами, сыграло с ним плохую шутку. Словно поскользнувшись на льду, Физ упал между бревнами, ухватившись за них, ему почти удалось спасти положение, но я ударил еще раз и отнюдь не бревно. С яростным криком, трупоед упал камни.

Наступила полная тишина, все — от преступников, до офицеров, не веря в произошедшее пристально смотрели на меня. Это чудесное мгновение длилось недолго, пришедший в себя поле удара, Физ с ревом начал подниматься.

— Отставить! — крикнул Покоцанный и наслаждаясь моментом добавил — Все «разногласия» решать в личное время. А ты, Мясо, не задерживай остальных, марш на ту сторону.

Упоение от победы и ярость уходили, взамен оставляя осознание того, что меня ждет, не в таком уж и далеком будущем.

Встав рядом с теми, кто прошел бревно, я смотрел как с залитым кровью лицом из сломанного носа, из ямы выбирается Физ. Бросив на меня, многообещающий взгляд, он отправился к остальным претерпевшим неудачу. Отбор не затянулся надолго, прошла где-то треть, не редки были случаи когда, противники в пылу схватки оба падали в яму. Салек провалился на испытании, и к моему некоторому облегчению я был предоставлено самому себе, ну как самому себе, инструктору.

По окончанию этого «турнира» к нам подошел невысокий седой мужчина, явно не благородных корней, правую сторону его лица расчертили два параллельных коротких шрама, небольшая щетина придавала ему суровый вид.

— Это ваш инструктор по бою с оружием! — громко объявил Фрайн — до конца вечера вы принадлежите ему.

— Строй! Налево! Шагом марш! — тут же скомандовал нам наш новый инструктор — Меня зовут мастер Грен. Правила просты, если я говори что-то делать, вы делаете и не задаете глупых вопросов. Тех, кто будет плохо работать, я отправлю обратно к остальным.

Разумеется, желающих вернуться под контроль Покоцанного не нашлось и все прям таки просто воспылали желанием оказаться примерными учениками.

По прибытию на отведенный нам участок, Грен выдал нам тяжелые палки и заставил выйти по очереди против него. «Бой» редко продолжался больше двух ударов. По окончанию этой проверки наших способностей, мы были разделены на три группы. Тех, кто отличился и смог сделать больше чем, замахнуть и попытаться ударить — поставили в первую группу,

во вторую попали как раз те, кто успел сделать хотя бы это, ну а в третьей оказались мы, не сумевшие хоть как-то отреагировать на движение инструктора. Как мне стало горько и смешно от осознания всей своей наивности, когда я мечтал стать великим воином, пойдя по стопам отца. Хотел превзойти и стать легендарным мечником, войти в отряд «Стальных Лисов», о которых рассказывали невероятные истории, кумиров большинства мальчишек, живых легенд. Очередная иллюзия, созданная моим разумом, обратилась в прах на моих глазах. Судя по тому, как на нас смотрел мастер Грен, он едва ли надеялся на то, что к концу обучения мы сможем сделать хотя бы пару взмахов мечом, не угрожая при этом, задеть своих соседей или себя.

Первой группой он занялся всерьез, и гонял их на протяжении двух часов до тех пор, пока мечи в их рука не стали мелко подрагивать. Наши группы в это время бездельничали, ну как бездельничали, выполняли те упражнения что он нам задал, но не столь тяжелые и не так уж и рьяно.

— И так — промолвил Грен, когда посмотрел на наши «достижения» — мечников из вас сделать, не получится. Разбирайте копьа!

Видимо «копьями» были те не очень прямые палки, с обмотанными тряпьем концами. Разобрав наше «оружие», мы построились.

— Поскольку с мечами вы будете представлять для противника угрозу не больше чем без них, то вам выпала доля встать в первых шеренгах с копьями. Именно на вас придется первый удар, именно вы будете останавливать разбег конницы или атаку пехоты. Для этого не обязательно владеть копьем на уровне мастера, все что нужно это мужество, не побежать при виде надвигающейся на тебя лавины противника. Ну, думаю в этом вам поможет ваше клеймо, пусть среди тех, кто стоит в первых рядах самая большая смертность, но шанс выжить все-таки есть, в конце концов, ваша смерть будет быстрой, а вот если вы не подчинитесь приказу... — В тишине кто-то громко сглотнул. Мда, оказались мы между молотом и наковальней — К вашему счастью научиться, как правильно держать копье и встречать первый натиск не так уж и сложно и тем, кто захочет выжить будет не сложно освоить эти азы. И так, начнем с того...

Весь оставшийся вечер мы отрабатывали стойку и нужный наклон копья. Мастер Грен метался между нашими группами. В конце вечера, он объявил о том, что переход из группы в группу возможен в течении двух недель. Потом, все изменения в составах станут не возможными, и рассказал в каком порядке, мы будем стоять. Третья группа первая линия обороны, вторая группа вторая и третья соответственно первая. Подозреваю, это было сделано специально, дабы подстегнуть наше желание учиться.

Возвращаясь обратно к палаткам, меня, да думаю и остальных членов третьей группы терзал страх. Быть в первой линии практически верная смерть, отец рассказывал, что даже среди опытных ветеранов смертность составляет четыре из пяти при самом удачном раскладе, а уж среди новичков...

Еда действительно оказалась лучше, чем на прежний рацион, в каше даже попадалось самое настоящее мясо, а не как раньше запах от него. Завистливые взгляды, которые на нас кидали менее удачливые рекруты нашего отряда, заставляли меня чувствовать себя неудобно. Пожалуй, единственный кто довольно скалился из проваливших испытание на бревне, был Физ. Его взгляд был прикован ко мне, предвкушение, скользившее в его глазах заставляло сжиматься мое сердце в предчувствии неизбежного.

Едва закончился ужин, я поспешил оказаться как можно дальше от трупоеда. Искать

защиты у офицеров было столь же бесполезно, как и молить Брукха о помощи в добрых делах. Петля меж немногочисленных палаток нашего отряда, я пытался оттянуть встречу с Физом на как можно больший срок, хотя и понимал что это глупо. Разум подсказывал, что лучший вариант это решить эту проблему как можно быстрее, а не мучить себя страхом, но... мое и без того невеликое мужество оставило меня совсем. Крадучись двигаясь между двух небольших палаток я свернул и столкнулся с ухмыляющимся трупоедом. Сердце скакнуло, остановилось и взяло бешеный темп.

— Ну вот, мы и встретились, мое мясо! — ощерившись в своей жуткой ухмылке произнес Физ.

— Я... да я... не надо... — с первой встречи, это существо в человеческом облики вызывало во мне омерзение и страх, но теперь они достигли своего апогея.

— Не бойся миленький мой, я не буду тебя убивать... сегодня — ухмылка стала еще шире — сначала я позабавлюсь.

Трупоед приблизился ко мне вплотную, его зловонное дыхание стало непереносимым, заставляя меня выгибаться назад. Грязный палец с длинным ногтем коснулся моей щеки, с какой-то противоестественной нежностью.

— А знаешь — тихо проговорил он, горящие дыхание обжигало, его лицо оказалось столь близко, что даже в сумерках я смог различить кусочки каши, застрявшие между его клыков — у меня очень давно не было женщины, а ты довольно милый.

Пока я пытался понять смысл сказанного, рука Физа грубо схватил меня за плечо и... тут я понял суть вопроса не так давно заданного мне Салеком о стражнике и его интереса к мальчикам. Описать всю глубину омерзения попросту невозможно, у меня появилось ощущения, сказать, что меня словно облили дерьмом из солдатского нужника, значит промолчать. Ярость вспыхнула внутри меня. Моя ладонь сама метнулась к руке Физа и так стиснула кисть трупоеда, что раздался тихий скрежет, резкий удар головой в сломанную переносицу, заставил отшатнуться людоеда.

— Ах ты высер Бру... — договорить я ему не дал, желание разорвать голыми руками эту тварь было столь велико, что противиться ему было не возможно. Удар в солнечное сплетение выбил весь воздух из Физа, оставив так и недосказанным ругательство.

— Уничтожу! — прохрипел я, горло сжимала железная хватка ненависти — Разорву!

Эта мимолетная задержка дала прейти в себя трупоеду и наступила его очередь. Удар в колено раскаленной иглой пронзил мое тело, я падаю, а сверху на меня наваливается это чудовище. Нет! Мой бой еще не окончен. Мы словно дикие звери, сцепившись в тесных объятиях, катались по земле, стремясь укусить и вырвать плоть зубами из тела ненавистного врага. Пальцы сводила судорога, из горла ничего кроме рычания не выходило, мою шею обхватили мощные когтистые пальцы людоеда, зубы клацали в паре сантиметров от моего уха. Силы были не равны, как я не пытался удержать его зловонную пасть вдали от себя, Физу все же удалось достать меня.

— Агрх!!! — мой вой разнесся по лагерю. В зубах торжествующего трупоеда торчала половина моего правого уха. Боль прибавила мне сил. Одной ногой я приподнял над собой тело противника, а второй ударил из всех сил. Перелетев через меня, людоед ударился спиной о землю, мои руки все еще сжимали его плечи, совершив невероятный для меня рывок, я приземлился коленями ему на грудь, напрочь выбив весь воздух из него. С рыком, под стать раненому медведю и принялся месить кулаками его лицо. Зверья все больше от вида крови с каждым ударом, выкрикивая непонятные самому слова, я пытался расколоть череп

Физа кулаками. Когда моя ярость достигла пика, я нагнулся и отгрыз с начало правое ухо, а потом и левое, и в тот момент, когда я вознамерился впиться зубами в горло, по затылку ударили чем-то тяжелым. Я обернулся и поплывшим взглядом успел увидеть, как какой-то солдат заносит древко копья для очередного удара. Удар скинул меня с тела Физа, но ярость, что осталась не растроченной, требовала завершить начатое, я даже начал вставать, но третий удар отправил меня во тьму.

Все это я вспомнил, когда очнулся, так как в тот момент я не был способен соображать хоть как-то связно.

Медленно открываю глаза. Боль пульсирует в висках. Поврежденное ухо горело огнем. Взгляд плывет, но мне все же удается рассмотреть низкий земляной потолок и такие же стены. С трудом повернув голову направо, коморка в которой я находился, была мала, тонкий лучик света проникал сквозь щели грубо сколоченной двери. Тело замерзло и не желало слушаться. Попытавшись сесть, обнаружил на своих запястьях кандалы, кое-как приняв сидячие положение, придвинулся к стене и оперся на неё. Мелко стуча зубами, я стал осторожно двигать руками и ногами в жалкой попытке хоть как-то согреться. Догадаться о том, где я нахожусь, было не сложно. Карцер. Нас предупреждали, что за драки на первый раз нас посадят в него, а если повториться, то оправят танцевать на веревку. Командование не желало терять будущих бойцов еще и из-за разборок между заключенными, нас и без того неплохо проредили на тренировках.

После получаса безрезультатных попыток хоть как-то вернуть тепло в тело, я натер кандалами кожу и прекратил ворочаться. Пожалуй, единственным приятным моментом стало то, что головокружение уменьшилось и стало практически незаметным. Живот бурчал, жутко хотелось есть, не знаю, сколько я уже тут валяюсь, но долго мне тут не продержаться, от голода загнусь.

Сырость и холод не лучшие спутники сна, но усталость, сумрачное освещение и сотрясение мозга сделали свое дело.

Во второй раз я пришел в себя, когда открыли дверь, сняли с меня кандалы и приказали выметаться наружу. Сначала на карачках, а потом, приняв таки вертикально положение, я выбрался наружу. Яркий солнечный свет, после сумрака карцера слепил и приятно грел мою заледеневшую кожу.

— Смирно! — рявкнул смутно знакомый голос. Вбитые рефлексы сработали как надо, и я вытянулся в струнку, не смотря на мое плачевное состояние.

Сквозь прищуренные веки мне удалось узнать мастера Грена. Я был более чем удивлен и потому сказал недодумавши:

— А где господин Фрайн?

— Рот закрой! — прикрикнул на меня инструктор по оружию. — Следуй за мной.

Когда мы немного отошли от карцера, снаружи выглядящего как землянка, мастер снова заговорил.

— Теперь вы подчиняетесь мне, ты пробыл в карцере три дня, но за это послаблений не жди, если будешь отставать от остальных, тебя спишут. Все ясно?

Двух толкований тут быть не могло, списывали в «Полку Искупления» только одним способом. Однако страха не было, человек привыкает ко всему, и к угрозе постоянной смерти тоже, остается только рвать жилы, сосредотачиваясь лишь на цели.

На мое счастье сегодня был банный день, о нашем здоровье заботились не слишком рьяно и потому, мы мылись раз в две недели. И то, по большей части лишь потому, что к концу это срока, офицеры не могли находиться рядом с нами из-за вони идущих от наших немых тел. Едва успев к концу омовения, я с удовольствием стал отдиравать от кожи слои грязи и земли. Сложнее всего было справиться с волосами, которые слиплись от крови.

Последовавший ужин показался мне королевским обедом, и даже Смотрящий на меня Физ был мне не интересен, воистину, голод лишает разума. Собрав последние крошки и

вылизав тарелку до скрипа, я обвел взглядом стол в поисках если уж не порции, то хотя бы крошек на столе, но, увы, сытых тут не было.

С сожалением покинув стол, я двинулся к палаткам. Все же удачно, что меня освободили вечером, вряд ли бы у меня хватило сил утром, на то что бы заниматься вместе с остальными, а так хоть выплусь в тепле. Встретив по дороге Физа я испугался, его лицо было... как бы это сказать... деформированным. Смятый нос, желто-синие потеки, заплывшие глаза. Нет, это было заметно и во время ужина, но вблизи... мне стало жутковато. Я испугал в первую очередь за себя, что же он со мной теперь сделает в отместку? Но по-настоящему жутким был его взгляд, до этого он смотрел на меня как на хорошую отбивную, которую так приятно съесть, а теперь... легко читалось огромное желание вкусить моей плоти, словно перед гурманом выставили изысканное блюдо, возможность вкусить которого, представляется лишь раз в жизни. Однако, я прошел мимо, и ничего не произошло, сердце дало сбой и сжалось, ожидание беды подчас хуже случившегося.

Дойдя до палатки, я прилег на свой лежак и уснул.

Утро началось практически стандартно. Рев труб, маты рекрутов и желание поспать. Наверное, единственное, что заставило меня встать, так это желание поесть. Кряхтя как столетний дед, я доковылял до места приема пищи и принялся усердно питаться. К моему удивлению в место изнуряющей полосы препятствий, нас ожидала легкая пробежка и следом тренировки с оружием. Фрайна нигде не было, было как-то не привычно и легко. Правда я потом понял, что эти тренировки пусть и не столь опасны и трудны, однако отнюдь не менее утомительны, а ну-ка попробуйте отрабатывать одно и то же движение в течение часа, а потом следующее и снова это же. К обеду мышцы налились тяжестью, мысли все выскочили куда-то, и осталось только одно упереть копьё в землю, наклонить, пригнуться и снова по кругу. Или почти тоже самое, но с имитацией удара, наклонить ударить с одновременно с коротким шагом вперед и на исходную. Монотонная работа весьма быстро заставляет скучать, а потом так же быстро вводит тебя в какое-то непонятное состояние. Ты словно превращаешь в какого-то голема, и тупо следуешь заложенной в тебя программе.

Приказу на перерыв я подчинился почти механически, не сильно вдумываясь в происходящее вокруг. Только спустя минут десять стал оглядывать вокруг себя и все выглядели как я несколько минут назад, тупо смотрели перед собой. В их глазах не было мыслей, они просто сидели и ждали следующего приказа. Мне невольно подумалось, насколько сильно всех нас изменил этот лагерь. Шли сюда испорченные пороком и жизнью люди, а теперь сидят живые статуи, которые оживали немного лишь к вечеру. Раньше в их глазах мелькали разнообразные чувства и желания, не важно похоть или жажда убийства, а теперь вся эта шелуха слетела и остались мы обнаженными. Нас всех объединили те самые простые желания, что есть у каждого живого существа. Есть, спать, жить. Мы оловянные солдатики в руках у могущественного существа под название государства, по его приказу мы выстроимся в линию, и будем ждать смерти, и вряд ли найдем в себе силы воспротивиться ему, нас сломали и теперь склеивают для своих нужд. Где прежняя гордость в глазах теневых пшиков, убийц, воров? Она была лишь пшиком, где мои мечты о славе? О героических подвигах? О почете? Они теперь тоже пшик. То, что не удалось группе моих сверстников из нашего городка, играючи сделали в этом лагере.

— Я думал, что тебе конец — внезапно раздался усталый голос у меня за спиной.

Медленно повернув голову, я уставился на парня. А, точно это же Салек.

— Ну, все думали, что тебя Физ прикончил — пояснил он, отвечая на мой немой вопрос

— а вас оказывается, в карцер кинули.

Больше он ничего не сказал, толи сил не было, толи желания, а возможно ни того не другого.

— Подъем! — скомандовал мастер Грен и мы встали.

* * *

— Стройся! Копья наклонить! — раздавались команды мастера Грена.

Прошел уже месяц с тех пор, как мы перешли под командование мастера. Сегодня был первый раз когда он решил испытать нас в деле. На нас неслась конница, мы стояли плечом к плечу, наклонив «острия» в их сторону, все как нас учили. По началу, когда двенадцать всадников только начали разгон, наша полусотня не сильно опасалась столкновения с ними. Но вот, всадники все ближе, все больше и приближаются все быстрее, и в сердце каждого из нас стал вползать страх. Отдаленный грохот копыт нарастает, и в тот момент, когда до удара остались считанные секунды, мы дрогнули и стали пятиться, а некоторые и вовсе показали спину. Как же мне стало стыдно, когда всадники буквально перед нашим строем свернули в сторону.

— Трусые! Засохшее семя Брукха! — неистовствовал Грен — будь это настоящий бой, вы были бы уже все мертвы! Конницу не остановят ваши спины, её остановят только копья!!! Стройся!!!

Мастер конечно прав, но все же, это страшно, стоять на месте и смотреть, как на тебя надвигается лавина всадников. Пусть их там было всего двенадцать, но это не умаляло их грозного вида.

— Копья наклонить!!! — мы синхронно опустили наконечники, оперев пятки копий в землю. Ситуация повторилась практически один в один. Мне страшно хотелось отступить, а еще лучше побежать, но что-то мне подсказывало, что и в этот раз нас не атакуют в серьез. Когда до удара осталось совсем чуть, я зажмурился лишь бы не видеть мчащегося на меня коня с седоком, вооруженным таким же копьём, как и у меня. Копыта прогрохотали рядом, но удара так и не последовало, и я осмелился открыть глаза. На месте остались стоять лишь тринадцать человек.

— Да что же вы творите!!! — разорялся мастер — Еще раз такое случиться, и я задействую Печать!

Солдаты возвращались в строй, хмурые и красные, и не понятно от чего больше, толи то стыда, толи от злости на мастера.

— Стройся! Копья наклонить! — снова слитное движение, но в этот раз воздух словно насыщен какой-то злой решимостью. Грохот копыт, напряжение в последние секунды и снова конница пронеслась мимо. Так было еще три раза, а потом Грен продолжил с нами отрабатывать знакомые нам упражнения.

Как ни странно, но если раньше мы представляли из себя кучку оборванцев, преступников и просто неудачников, то теперь мы стали больше походить на солдат. Дисциплину в нас вбили, все слабые или строптивые погибли, остались лишь те, кто ценил свою жизнь больше всего остального. Мы ходили строем, ели вместе, спали в одной палатке и умирать будем вместе. Все это сближает людей, волей или не волей. Мне порой становилось смешно, ведь именно тут я перестал быть толстым неуклюжим растяпой, много

мнящего о себе и мечтающий стать великим героем. Мое тело стало стройным и загорелым, весь жир, что был на мне, теперь пропитал эту землю. В банный день мне было приятно видеть свое отражение, правда, при виде огрызка на месте правого уха, меня всегда передергивало. Это не шрам, который возможно даже украшает мужчину, это уродство.

Ужин, немного времени на отдых и сон. Все как всегда.

Последующие пять дней, мы тренировались, стояли в ожидании удара конницы, как выразился Грен, учились не бояться вида мчащихся на нас всадников. Но вот настал день х, час ч, минута м.

Мы снова стояли строем, плечом к плечу наклонив копья, на нас, как и десятки раз до этого мчались всадники, но все было иначе. Сегодня они не отвернут. Да скорость была небольшая, дабы при столкновении избежать гибели и серьезных травм. Вроде бы, мы все это уже проходили и страха быть не должно, но он был. Ладони вспотели и скользили по древку, веки часто моргали, тело напряглось. Боковым зрением было заметно, как один из солдат попытался отступить, но стоящие за его спиной соратники не позволили ему разрушить целостность строя. Все ближе и ближе к нам конница и удар!..

В первое мгновение мне показалось, что нам пришел конец, наши копья длиннее, нежели у всадников, пусть и немного, но это оказалось весьма значительным моментом. Из двенадцати в строй вломились только трое. Можно сказать, это моя судьба, получать все плюхи из возможных, так как один из прорвавшихся наездников оказался напротив меня. Удар конской груди, отшвырнул меня назад и я оказался бы под копытами коня, если бы не наш плотный строй. Грудь коня вдавила меня в позади стоящих солдат, весь воздух выдавило из моей груди, а новой не было возможности вдохнуть. Еще бы чуть-чуть и я бы задохнулся, но напор ослаб и конь, награждаемый со всех сторон тычками, всхрапывая, попятился назад. Всадники, под победные крики нашего отряда, взбирались на коней и отправились на исходную позицию. Наша радость была искренней, мы наконец смогли это сделать! Мы победители!

Вот наездники построились и снова ринулись на нас, но в этот раз страха не было, было лишь упоение победой и какое-то нервно-радостное предвкушение.

* * *

— Стройся! Смирно! — мы вытянулись, перед нашим строем встал мастер Грен — Я обучил вас всему, чему было возможно за столь короткий срок. Вы отправляетесь в поход. Для кого-то это станет первым и последним сражением в его жизни, для кого-то просто последним. Многие из вас погибнут, но остальные получают в награду за храбрость — свободу. Помните, то чему вас здесь обучили, не показывайте врагу спину, защищайте соратников, и ваши шансы на выживание повысятся. Налево! Шагом марш!!!

Синхронно развернувшись и печатая шаг, мы направились к общему построению. Наш легион готовился к отправке, то тут то там, очередной отряд занимал свое место в походной колонне. Туда направлялись и мы, гармонично вливаясь в поток. Наше дыхание вырывалось в мир жидкими клубами пара. Лето уже закончилось, и наступила осень, и стало ощутимо прохладнее, не смотря то, что утро было уже в полном разгаре, иней на земле только-только начал таять. Наша подготовка длилась всего четыре месяца, но как мы все сильно изменились за этот краткий срок. Теперь в одном строю шли бывшие убийцы, воры,

обманщики — ставшие солдатами. Мы переродились, остался маленький, последний шажок и мы обретем свободу, с нас снимут клеймо. Теперь я понял, почему наше название «Легион Искупления». Меня наполняла гордость от этого факта, ведь я выдержал все трудности и испытания. Я солдат. Моя мечта исполнилась пусть и таким нелицеприятным способом. Утро было чудесным.

— Стой!!! — вырвал меня из раздумий зычный голос. Перед нами стоял офицер. Грен передав нас ему по все форме, пошел прочь, — Меня зовут лейтенант Ларс, обращаться ко мне только так и по уставу. С этого мига я являюсь вашим непосредственным командиром, исполнять мои приказания незамедлительно и без раздумий. За мной шагом марш!

И снова мы отбиваем ногами общий ритм. Ритм войны. За спиной будто выросли крылья, и тяжесть походного мешка была практически не ощутима. Пройдя еще немного, мы встали на свое место в общей колонне. То и дело на мое лицо выползала улыбка, радость так и рвалась наружу, дни тяжелых тренировок окончены, настало время действовать и это наполняло меня энергией.

Я ждал чего-то. Чего именно? Наверное, напутственных речей, выступления высокого командования, чего-то что торжественного. Но ничего подобного не произошло, все были в сборе, поле, бывшее нашим лагерем, снова пустовало. Последние палатки складывались и грузились на телеги и только виселицы остались стоять на своих местах, правда, веревок на них уже не было. Мы стояли в томительном, напряженном ожидании. Вот всего было готово к отправке, и... сигнал горна сообщает нам команду выступить. Я испытал разочарование, ни какой тожественности не было и в помине, но хорошего настроения этот факт не сильно убавил. Ощущать гул земли, которую мы заставляли стонать под нашими ногами, было приятно. Появлялось ощущение могущества, значимости, ведь поодиночке мы никто, но зато вместе — несокрушимая сила!

Шагать было приятно, тяжесть рюкзака не доставляла особых неудобств, и потому, я погрузился в размышления.

За проведенное мною тут время, я сильно изменился внешне. Мое тело теперь стало стройным и мускулистым, не так как у многих, но все же. Появились шрамы, откушено ухо, да и лицо вроде стало немного иным. Интересно узнает ли меня мама, когда я вернусь домой с наградами? Что она скажет, когда увидит, как сильно я изменился? Да и мое отношение к моим соратникам тоже претерпело изменения. Раньше я смотрел на них, как на отбросов общества, не заслуживших ничего кроме смерти и забвения. Но узнав истории некоторых из них, я поменял свое мнение, их путь в темницы, на дно общество не редко были схожи с моим. Жер — кузнец по профессии, ударил мелкого аристократа, поскольку он был в подпитом состоянии и не смог выдержать тех ругательств, которыми тот «заплатил» за его работу. Нет. Все правильно, за такие дела стоит наказывать, но не смертной же казнью! Жер всего лишь сломал ему нос. Могли бы штраф наложить, заставить работать на рудниках, однако он идет вместе с нами в строю.

Изначально хорошее настроение, постепенно стало приходить в норму. Этому весьма способствовала пыль, поднимаемая тысячами сапог, утром её удерживали иней и влага, но теперь от неё не было спасу. Наш отряд шел где-то в середине строя, дышать было нелегко, на зубах хрустело, глаза приходилось прищуривать. Тяжелый рюкзак начинал давить на плечи, а пыль, что в обилии проникала под одежду, вызывала дискомфорт. Именно эти простые и самые обычные детали, были упущены мною из виду. Поход, казавшийся в начале пути настоящим приключением, быстро превратился в скучную, унылую и к тому же

нелегкую работу. Наверное, единственная причина, которая поддерживала меня в относительно хорошем настроении, мысль о том, что нам повезло не оказаться в конце колонны, вот кому приходится действительно худо.

Когда солнце добралось до своей наивысшей своей точки, я уже прилично устал и ожидал, что с минуты на минуту дадут сигнал к остановке, но километр ложился за километром, а мы все шли. Мимо проплыли поля, и начался лес, пока жиденский и поляны попадались частенько. Меня волновал вопрос, как мы расположимся на ночлег и когда? Ведь нас не менее четырех с половиной тысяч человек.

Солнце уже скрылось за кронами деревьев, становилось сумрачно. Плечи ныли, а одежда настолько пропиталась пылью, что хлопнув по ней, можно было наблюдать целое облачко. И вот прозвучал столь долгожданный рог, приказ остановиться и располагаться на ночлег.

Я крутил головой, силясь понять, где же мы остановимся. Вокруг были лишь деревья и не единой полянки. Наш командир разрешил все мои вопросы, приказав сдвинуться с дороги на левую сторону леса и готовиться к ночлегу прямо там. Палатки тут поставить было решительно не возможно и потому, нам предстояла ночевка под открытым небом. Я зябко передернул плечами, сейчас и днем-то не слишком жарко, а уж ночью, будет более чем прохладно.

Меня отрядили на поиски сушняка, а его надо было много, так как сотню человек обогревать всю ночь не просто. И вот вдесятером мы отправились в глубь леса. Работенка затянулась на битый час. Когда посреди нашего отряда стал возвышаться приличный холм из веток и бревен, работу посчитали выполненной. Ужин был уже готов и я с удовольствием вытянув ноги принялся жевать кашу, с настоящим мясом, которого было в ней много! Набив живот, я осоловел, и сон стал стучаться в мою голову все настойчивей. Однако я заставил сделать еще одну ходку в лес и в потемках с трудом отыскал примеченную мною раньше елку, я нарубил маленьким топориком валежника и стал счастливым обладателем относительно теплой и мягкой «постели». Когда я стал обустраиваться на ночлег, то ловил на себе сонные завистливые взгляды, своих менее догадливых соратников. Едва моя голова коснулась сумки, как потрескивание костра и тепло усыпили меня почище любой колыбели.

Ночь прошла относительно спокойно, но весьма прохладно. Холод разбудил меня еще до звуков горна, как и большинство легионеров, мы занимались примерно одним и тем же делом. Подкидывали в костер ветки и выплясывали вокруг него неведомые танцы, разгоняя кровь по телу. К тому моменту, как запела побудка, почти все солдаты проснулись и предприняли различные способы для согревания. В общем, мы построились и двинулись в путь с большим энтузиазмом, пыль, усталость и ноющие плечи уже казались мелкими неудобствами по сравнению с холодом.

Второй день молчаливого движения наскучил всем, шагавший подле меня Салек вдруг тихо затянул песню, которая через миг подхватили соседи, и она разнеслась по всей колонне:

— Шаг! Шаг!

Идет за рядом ряд

Шаг! Шаг!

И нет пути назад

Шаг! Шаг!

И смерть нам не страшна

Шаг! Шаг!

А жизнь так коротка!
— Нам предстоит тяжелый бой
Не все вернемся мы домой
Но блеск монет и славы гром
Пленили нас и мы идем! Вперед!
И вот настал тот самый час
Враги стоят напротив нас
Блестят мечи, гремит броня
И кружат стаи воронья. Мы ждем!

— Шаг! Шаг!

Идет за рядом ряд

Шаг! Шаг!

И нет пути назад

Шаг! Шаг!

И смерть нам не страшна

Шаг! Шаг!

А жизнь так коротка!

Вот голос рога прозвучал

Клинки из ножен! Миг настал!

Земля дрожит от тысяч ног

Застыл раскрытый в крике рот. Тут бой!

И кровь струиться по земле

И запах смерти здесь везде

И крики тысячи людей

Плетут симфонию смертей. Быстрее!

— Шаг! Шаг!

Идет за рядом ряд

Шаг! Шаг!

И нет пути назад

Шаг! Шаг!

И смерть нам не страшна

Шаг! Шаг!

А жизнь так коротка!

Окончен бой. Погас огонь.

Лишь ветра свист и трупов вонь

Да крики радостных ворон

Имеют власть на поле сем. Здесь Смерть!

Печален друг и плачет враг

Здесь звон мечей, победы смрад

Наградой выживших манят

Плечом к плечу лежим с тобой. Мой Брат!

Я слышал эту песню и ранее, где-то пару раз, но она мне тогда не понравилась. В ней не было ни героизма не красоты. Так мне тогда казалось, но теперь я ощутил нечто странное, какой-то отклик в своей душе и потому подпевал в меру своих сил и талантов. Видимо мои таланты не очень впечатлили, или же наоборот более чем впечатлили моих соратников, так

как они стали коситься на меня странными взглядами. Пришлось снизить громкость и поубавить свой энтузиазм. Идти стало не в пример веселее, когда песня была допета, то и дело начинали звучать другие, но такого же единодушного исполнения более не случилось. Офицер Ларс, морщился, но не пытался нас остановить, впрочем, как и другие командиры.

После получаса «концертов», народ выдохся, так как идти и петь не самое легкое занятие.

Под вечер все мы были вымотаны долгим переходом, а лес все не кончался. На этот раз мне выпала иная доля, я был отряжен на копание ям для отходов. Дело не самое приятное, но и не самое худое, так что управился я как раз к ужину и голоден был, как волк после месячного поста. К концу ужина мною было замечено, что лапник раздобыли все те, кто ходил за хворостом, а особо умные, принесли его намного больше, чем нужно одному человеку и охотно меняли его на часть пищи. Я опечалился тем фактом, что сам оказался слишком прожорливым и все уже съел.

— Держи. Раззява! — сказал, протягивая мне часть своего лапника Салек, — Только в следующий раз, про меня не забудь, а то я сегодня подмерз.

— Прости — покраснел я от стыда, нехорошо это, забыть о единственном человеке, которого я могу назвать тут другом.

— Прощаю. — парень подсел ко мне, — А чем ты займешься после победы? Я вот собираюсь пойти в ученики к Жеру, мы уже договорились.

— Не знаю, — ответил я растерянно, — не задумывался еще.

А ведь и вправду, для меня, с тех пор как я попал в «Легион Искупления», было только сегодняшней день, о будущем я почти не думал. Нет, конечно иногда возникали мысли о том, как я возвращаюсь домой, на коне с мечом на бедре, покрытый шрамами и славой, но это были лишь мечты.

— А пошли к нему вместе! — обрадовался непонятно чему Салек, — Думаю от тебя он не откажется, да и у кузнеца всегда будет кусок хлеба на столе, и в селе все уважают да с почтением относятся!

Я еще не успел что-либо ответить, как он вскочил, видимо не сомневаясь в моем ответе, собирался тут же пойти договариваться.

— Пстой! — остановил я его, — Извини Салек, но не тянет меня к этому делу, чувствую — не получится из меня хорошего кузнеца.

На лице друга проступило плохо скрываемое разочарование.

— Я и вправду пока не знаю, чем буду заниматься. — Попытался объяснить ему то, что чувствую, — Для начала вернусь домой, а потом... Знаешь, я всегда мечтал стать великим воином, попасть в отряд «Стальных Лисов», но сейчас я на такое даже не надеюсь. — На лице парня проступило легкое удивление вперемешку с добродушной понимающей усмешкой. Вспоминая себя прежнего, впору присоединиться к нему и посмеяться вместе над своими глупыми мечтами, но все же, это были мои мечты. — А теперь... не знаю. Великим воином мне не стать, но и к мирному делу у меня душа не лежит.

— Да что ты заладил! — вдруг взорвался Салек, — Не знаю, не знаю! Ты что оправдываешься передо мной? Так не надо, я вообще-то подбодрить тебя хотел, а то ты какой-то грустный сидел! Не надо раскисать и хоронить себя раньше времени. Поверь, по личному опыту знаю, если опустить руки, то даже боги тебе не помогут, а пока ты борешься, шанс у тебя есть. Знаешь, почему я тогда подошел к тебе в лагере? В нашу первую встречу?

— Нет — ошарашенный его вспышкой ответил я.

— Да потому, что именно твой пример заставил меня воспрянуть духом. Ведь по всем прикидкам, ты не мог пробежать с бревном столько кругов, и тем более выжить после такого, но твое упрямство и то, как ты цеплялся за жизнь, показали мне, что и я имею шанс, пока буду бороться за неё.

— Э-э-э... знаешь, это как-то пафосно звучит, — буркнул ему в ответ.

— Чего? Что ты сказал? — настала его очередь удивляться.

— Ну как бы объяснить — задумался я, оказывается, объяснять обыденные вещи не так просто как может показаться, — ты расписал обычные вещи чрезмерно возвышенно и напыщенно.

— А-а — понятно протянул парень, — ну может быть, но все равно так оно и было.

— Давай спать ложиться — решил свернуть со столь философских тем я, — а то завтра не свет ни заря опять вставать.

— Ну, давай — слегка неохотно согласился Салек, видимо в последнее время успел соскучиться по общению.

— Кстати — внезапно вспомнил я, — а про кого была та песня, ну которую пели утром.

— Да про битву за Красную Долину.

— Но как, ведь я слышал про эту битву другую песню!? — удивлению моему не было предела. Песня о том знаменательном сражении не знал, разве что младенец или впавший в беспометство дряхлый старик, но она была совершенно иной!

— Э-э-э друг — жалостливо, словно на малого дитя посмотрел на меня Салек, — та которую поют барды, написали они же, а эту сочинили сами участники того сражения, но она «чем-то» — при этих словах парень зло усмехнулся — очень не понравилась королю и её не очень любят петь. Ладно давай на боковую, поздно уже.

Я лег на свою подстилку, но сон не шел. Я вспоминал все, что читал о сражении за Красную Долину. Собственно именно после этой битвы она и получила свое прозвище. А дело обстояло так.

В тот год между нашим королевством и баронством Вранар произошло столкновение. Спор за земли, где находилась Красная Долина шел уже давно, но он был вялотекущим. Ценного в них ничего не было, и тянулся этот долгий спор просто из нежелания уступать своему соседу, даже столь бесполезный кусок земли. Однако, когда в находящихся неподалеку от долины горах, внезапно была обнаружена золотая жила, конфликт перестал носить формальный характер. Обе стороны понимали, что тут дело миром не решиться и потому войска были собраны в рекордный срок. Барон при поддержке империи смог нанять множество наемников и его силы превосходили наши более чем вдвое. В тот день на поле столкнулось двадцать тысяч солдат. С нашей стороны выступило семь тысяч отборных войск. Бой был жаркий, у противника было превосходство и в магах и лишь, благодаря гению военачальника — герцога Гравена, мы смогли одержать победу. И что же могло породить такую песню?

Так и не найдя ответа, я уснул.

* * *

Мы находились в пути уже двенадцатый день. Из лесу мы вышли вчера. Постоянный сумрак и шелест ветвей, под конец стал производить на меня угнетающее впечатление.

Наверное, не я один надеялся передохнуть в палатках, пусть и вонючих, но все же теплых. Как же я пожалел о том, что лес закончился! Словно боги решили поиздеваться над нами, несколько телег сломались и наш обоз застрял надолго. В итоге, пища была более чем скудна, а спать пришлось в продуваемом холодными ветрами поле. А уж как я взвыл, узнав о том, что мне выпала участь стоять в карауле!!!

В общем, мы все шли злые, замерзшие, хорошо хоть сытые, обоз таки догнал нас к утру. Песни петь ни кто уже не желал, впервые дни напелись до хрипоты, а потом, молча, маршировали по дороге. Солдаты стали угрюмы, единственной, пусть и сомнительной радостью в эти дни, для нашего отряда стала лесная речушка. Не обращая внимания на собачий холод, мы, стуча зубами, забирались вводу и старательно отдирали налипшую пластами грязь. Правда подобных нам безумцев, оказалось немного, и большая часть потешалась с берега, взирая на наши страдания. Чем это было вызвано, мне стало понятно чуть позже, когда я стал устраиваться спать. Не успевшее согреться тело, окутал вечерний мороз, и заснуть оказалось дело весьма проблематичным. Получасовая пляска вокруг костра в компании с Салеком, согрела нас достаточно для того что бы уснуть.

В общем скучным наш переход я назвать не могу. Утомительным? Да. Однообразным? Да. Сегодня я даже стал подумывать, о том, что быть кузнецом очень даже неплохо. Всегда тепло, хлеб на столе, бегать по лесам, мерзнуть по ночам и голодать не придется.

— Знаешь — шепотом обратился ко мне Салек, — поговаривают, что скоро мы придем.

— Да уж скорее бы — ответил я.

— Э-э-э не скажи — покачал головой парень — мы ведь не на прогулку вышли, а на войну. Еще говорят, что завтра-послезавтра будет битва.

— А это-то, откуда известно — засомневался в достоверности известий я.

— Так командиры поговаривают — уверенно ответил Салек.

— Ну-у... мало ли что говорят, поживем, увидим — а внутри, в районе живота стало как-то пусто и холодно, сердце сжало. Сердито взглянув на друга, я продолжил топтать молча.

Бой. Как я мечтал в детстве, сесть на коня, взять копьё в руку и ринуться лавиной на врага. Мне представлялось грандиозное сражение, где враги будут падать сраженные моими ударами, и как они побегут в страхе перед силой наших мечей. А теперь, вспомнив о том, зачем нас учили и куда мы идем, будто все переменялось. Засосало под ложечкой, вроде моя мечта даже частично исполнилась, но предстоящее вызывало во мне противоречивые чувства. Страх и ожидание предстоящей битвы будоражили кровь. Зубы стали тихонько постукивать, хотя было лишь немного прохладно. Бросив взгляд на Салека, я с неким удовлетворением заметил, что он и сам слегка побледнел, глаза лихорадочно поблескивают, а пальцы нервно теребят ремни походного рюкзака.

Я стал осматриваться, многие из тех лиц, которые я видел, тоже были напряжены и хмуры. А может слухи и правдивы.

Едва время перевалило за полдень, как раздался звук горна. Остановка и разбивка лагеря. Заученным движением мы стали занимать свое место в поле и ставить палатки. Едва мы закончили это благое дело, как поступил новый приказ и наш отряд отправился копать место для частокола. Это могло означать только одно. Мы тут встали надолго.

— Ну вот, я же тебе говорил! — довольно ощерился Салек, — Точно биться будем.

— Да лучше бы ты ошибся! — в сердцах рявкнул я.

— Отставить болтовню! — прикрикнул на нас Ларс, как раз проходивший мимо нас.

Соседи украдкой погрозили нам кулаками. Этот офицер, в отличие от Фрайна или мастера Грена, не наказывал в привычном для нас понимании, он не затруднял себя поиском правых и виноватых, не применял телесных наказаний. Все было гораздо проще, весь отряд получал лишний час работы. И надо сказать, такой метод воздействия оказал чудодейственный результат, все конфликты умирали еще в зародыше. Самым непонятливым грозило, обстоятельное объяснение его неправоты в составе всего отряда.

Мы подошли к небольшому холму, на котором разбило палатки наше начальство. Судя по тому количеству бревен, то их хватит только как раз на то, что бы обнести эту возвышенность. Посмотрев на начавшую жухнуть и желтеть травку, я тяжело вздохнул. Пусть работы для трехсот человек не так уж и много, все же более чем достаточно. Потерев руки, друг о друга, я взял с телеги лопату и воткнул в твердую землю. Начало положено.

Вскоре по периметру ставки вырос приличный вал из земли. Руки устали и просили отдыха, а сделано было едва ли половина работы. Видя, что солдаты стали терять и без того не великий энтузиазм, Ларс решил нас подстегнуть и крикнул:

— Если не успеете закончить до ужина, то останетесь голодными — и довольно улыбнулся, узрев с каким усердием, мы принялись вбивать в землю частокол и засыпать его землей.

— Побери Брукх этого Ларса — бурчал под нос Салек, засыпая бревно, которое держал я, — почему именно наш отряд? Все остальные уже давно сидят и отдыхают, и только мы тут горбатимся.

— Э-э нет — не согласился я с ним — нам еще повезло, вон семнадцатый отряд ямы выгребные копает, а в них тут же гадят, представляешь какой там «аромат»?

Еще бы ему не представлять, сами каждый божий день туда ходим, и как можно выносить этот смрад более пары минут, мне представить было сложно.

— Все! — с облегчением изрек я, когда последний столб был установлен.

— Ага! — не менее уставшим голосом ответил друг.

На большее нас не хватало, хотелось одного упасть на лежак и не двигаться, но тот аппетит, что мы «нагуляли» требовал своего.

Нестройной толпой наш отряд потопал по направлению к ожидающим нас палаткам, где уже давненько стыл ужин и мерзли наши лежаки.

Утром я проснулся сам. Не от холода, не под звуки горна, а именно сам. Тихий гомон просыпающегося лагеря, такой знакомый запах в палатках и сонное бормотание Салека, окунули меня в какое-то странное состояние безмятежности и покоя. Я потянулся. Мышцы болели, но не так что бы и сильно, за то это, уже забывшееся, движение, доставило настоящее удовольствие.

— Как хорошо-то! — протяжно сказал я.

— И чего тебе не спиться? — ответил мне, донельзя сонным голосом Салек, — Замолчи и дай поспать.

Я послушно заткнулся и стал от нечего делать рассматривать потолок палатки. Ко мне пришла мысль о том, что я раньше не обращал на то, в каком состоянии находилась ткань. Грязная, затертая, со следами умелой шпопки, то тут, то там виднелись качественные заплаты. На лицо сама собой выползла глупая улыбка.

— Чего лыбишься? — раздался сердитый голос друга, я повернул голову, Салек лежал все в той же позе, слегка приоткрыв левый глаз.

— Да вот подумал о том, что впервые заметил как выглядит наша палатка — мной

овладело ленивое счастье, даже войди сюда Покоцанный и начни орать, я бы обратил на него столько же внимания, сколько и на муху летающую в другом конце палатки. И как она тут оказалась? Ведь уже прошло их время.

— Нашел чем заняться — буркнул друг, — сам не спишь и другим не дал.

— Да ладно тебе — миролюбиво ответил я, — я уже и забыл, как это проснуться самому, а не под звуки горна.

— Эк тебя разморило — сказал Салек принимая сидячее положение, — ты, поди, и забыл, что нам скоро в бой.

— Нет! Ну, надо тебе было все испортить! — возмущенно воскликнул я, все хорошее настроение как рукой сняло. И тут зазвучал горн. Подъем.

— Мечтатель, твою за ногу, — ответил на мою реплику парень — вставай давай, а то по шапке получим и без завтрака останемся.

Это было серьезна угроза, после его упоминания о еде, в животе забурчало.

Быстро вскочив, я двинулся к выходу, переступая через не до-конца еще отошедших от сна соратников.

Завтрак был великолепным. Честное слово. Я так не ел с тех пор как попал в тюрьму.

— Последний завтрак перед смертью — недовольно сказал Салек, отложив ложку.

Я чуть не подавился, услышав это и прокашлявшись, злобно уставился на парня.

— Салек! Успокойся уже, если у тебя плохое настроение, то не стоить портить его всем остальным. И если это действительно мой последний завтрак в жизни, то я хочу получить удовольствие от него.

Мы оба хмуро смотрели друг на друга. Я словно заразился его обреченностью и в голову стали лезть унылее мысли о том, что нам действительно скоро идти в бой, а так как мы стоим в первом ряду... Общеизвестный факт того, что в первых рядах выживают едва ли считанные единицы, был веским поводом для печали. Так хорошо начавшийся день, прошел тоскливо. Работой нас особо не загружали, давая отдохнуть, но и не позволяли празднично шататься, то тут, то там, возникали мелкие проблемы и нас отравляли на их устранение.

Даже хорошая пища не помогла справиться мне с унынием, передавшимся мне от Салека, и мы были не одиноки в это чувство.

Вечером, опустившись на лежак, я долго не мог уснуть, мучимый невеселыми думами.

— Салек — шепотом обратился я, — мне страшно.

— Не тебе одному — так же шепотом ответил мне он, — ты прости меня, что я испортил тебе настроение.

— Да ладно — тихо отвечаю ему, — и ты меня прости за то, что наорал.

— Хи-хи-хи — стал вдруг давиться смехом друг.

— Ты чего? — обеспокоился я.

— Да, хи-хи, просто вдруг понял, хи-хи, что мы как в балладе, хи-хи, прощаемся, хи-хи-хи.

После секундного замешательства мне стало понятно, о чем вел речь Салек и тоже стал хихикать с ним вместе.

— Да заткнитесь вы наконец!!! — крикнул нам кто-то из темноты — Дайте поспать нормально! Выкидыши мамаша Брукха!

— Чшшш — приложив палец к губам сказал я, и мы снова прыснули от смеха.

— Если это не прекратиться!.. — начал один голос, а продолжил другой, — То набьем вам морды!

— Что бы спалось лучше — закончил третий.

Как ни странно. Но это подействовало, и мы затихли, а потом пришел сон.

* * *

Резкий вой горна толчком выбросил меня из сна. Привычка, ввевшаяся уже в кровь, сработала раньше разума. Руки сами собой затягивали ремни на одежде, проверяя все ли в порядке. Боевая тревога. Вот о чем возвещал не умолкающий рог. Выскочив из палатки, я схватил свое копьё, небольшой круглый щит и подпоясался перевязью с коротким мечом. Закончив вооружаться, я занял полагающееся мне место в начавшем формироваться строю. Спустя миг, рядом возник предельно серьезный и сосредоточенный Салек. Вглядываясь в лица соратников, я видел те же чувства, кои одолевали и меня. Скрытый страх, решимость и желание покончить с этим долгим ожиданием своей судьбы.

Как только последний воин занял свое место, Ларс отдал приказ на выдвижение и мы скорым шагом двинулись к начавшему формировать построение легиону. В царящих густых сумерках, было плохо видно, но наши взгляды до рези в глазах всматривались вдаль, стараясь увидеть объявившегося врага.

Не перестывающий играть, известные лишь офицерам команды, горн, тревожил душу. Не в первый раз мы поднимались по боевой тревоге, но, то было в лагере, когда была уверенность в том, что это учения, но теперь... такой скорости и четкости построений мне раньше видеть не приходилось. Вот все готово, наконец, замолк горн, и наступила тягостная тишина. Рядом можно было различить частое, нервное дыхание друга, и от этого звука мне стало спокойнее. Не знаю почему, но когда рядом с тобой твой друг и ты знаешь, что ему так, же страшно, как и тебе, это придает мужества.

Сначала возникло какое-то непонятное чувство, что-то странное привлекало мое внимание, но вычленишь, что именно не получалось. Спустя пару минут, когда я стал заметно нервничать, пришло понимание. Едва различимо доносился звук, похожий на тот, что я слышал все двенадцать дней похода. Топот, издаваемый армией на марше, только пока еще едва различимый.

Глаза уже начали болеть, от безуспешных попыток разглядеть врага. Небо стало светлеть, а тело стало подмерзать, когда, наконец, стало возможным различить далекую слегка колыхающуюся полоску в сумрачной дали. Расстояние было велико, но уже сейчас становилось понятно, что врагов не меньше чем нас. Ноги стали затекать, но мне было страшно даже переступить, что бы хоть чуть разогнать кровь, словно это мелкое движение могло разрушить строй и единство всей нашей армии. Боковым зрением, мне было видно, что и остальные солдаты словно превратились в изваяния и только облачка пара, вырывающиеся из ртов, доказывали то, что все же это живые люди, а не чей-то грандиозный парк скульптур.

Линия противника приближалась, медленно и неотвратно вырастая, первые лучи солнца пронзили небо, окрашивая горизонт красноватым сиянием. Мой взгляд прикипел к этому зрелищу. Как он прекрасен, этот рассвет. И почему я раньше этого не замечал?

— О чем думаешь? — шепотом осведомился Салек.

— О том, как красив этот рассвет — грустно ответил я.

— Да. — согласился друг и добавил, — Словно боги всю кровь, что прольется сегодня,

разом плеснули на край небес.

— А ты поэт — немного удивленно сказал я — знаешь, когда все закончится, стань бардом. Кузнецов и без нас хватает.

— А что, — задумался на миг друг, — так и сделаю. Сложу песнь о «Проклятом Легионе» и каждый мальчика, бедный ли, богатый ли, будет знать её. А кем же станешь ты?

— Ну, раз ты станешь поэтом, то я стану легендой, что бы ты без работы не остался, — усмехнувшись, ответил ему, — и будешь складывать песни обо мне.

Оторвав взор, от ставших терять свои кровавые краски небес, я понял, что все стоявшие рядом соратники смотрят на нас и внимательно прислушиваются к нашему разговору.

Снова запел горн, отдавая приказ начать движение вперед. Нога сама сделала первый шаг. Легион, словно одно единое существо, медленно и неуклонно начал свое движение. Уже полностью рассвело, да и противник приблизился настолько, что стали видны отдельные фигуры людей.

Их было много, очень много, как минимум вдвое больше нашего легиона, и это только пехоты. Тяжелой конницы на глаз, было где-то сотни три-четыре, против нашей неполной. Расклад не просто сложный, а по-настоящему бедственный. Один удар конницы в любое место строя и остановить прорвавшегося врага станет практически не возможно.

Мышцы подрагивали от нервного напряжения, не смотря на прохладу и порядком замершее тело, я вспотел. Метр ложился за метром, расстояние между нашими войсками уменьшалось очень быстро. Вот уже осталось меньше километра и тут над нашими головами со свистом пронесся первый огненный шар. В дело вступили маги.

За первым заклинание последовали и другие, как с нашей стороны, так и со стороны врага. Первый шар достиг рядов противника и рассыпался безвредными искрами. Прямо на нас мчался точно такой же снаряд, вот осталось всего с десятков метров и мы загоримся. Сердце сжалось от страха, но... заклинание не достигло нас, рассыпавшись также просто искрами, словно ударившись о незримую преграду. Магия. Она представлялась чем-то чудесным и прекрасным, когда я читал, а сейчас она мне внушала ужас.

Пока я отвлекся, на огненные шары и прочие магические эффекты, упустил момент, когда до противника осталось всего ничего, пара сотен метров. Запел горн за спиной и господин Ларс отдал команду перейти на бег. Вцепившись в копьё, что есть мочи я ринулся на врага, отчаянно что-то вопя. Кричали и справа и слева. Вот я увидел лицо бегущего на меня мужчину, выбритый подборок, небольшие усики, загорелое лицо и копьё, направленное на меня. Миг и мы столкнулись. Приподняв щит в момент удара, как нас учили, и ударил копьём врага, так же поступил и он. Наконечник смертоносного железа с глухим звуком скользнул по краю щита, и прошел над моим плечом. Мое же копьё, направленное дрожащей рукой, повторило почти такой же путь, но лишь с тем исключением, что наконечник соскользнул прямо ему в лицо. А у него карие глаза, подумал я, стараясь выдернуть оружие из глазницы врага. А дальше был полный ад и сумасшествие. Кто-то пытался колоть меня, кого-то я пытался колоть в ответ, плече взорвалось болью и я закричал. Отступить было некуда, сзади монолитной стеной стояли свои. Ранил ли я кого-нибудь еще? Убил ли? Я не знаю, все мое стремление было направленно, лишь на одну цель — выжить. Что-то пел горн, но все звуки заглушало биение моего сердца, в какой-то непонятный миг, враг вдруг дрогнул и побежал назад. Я бы пожалуй не отправился в погоню, но напиравшие сзади, и торжествующе кричащие соратники, не оставили мне выбора. Не столько догоняя врага, сколько стараясь убежать от собратьев, я слишком поздно понял суть происходящего.

Казалось метавшиеся в хаосе враги, резко разбежались в стороны и в нескольких десятках метров, на нас неслась конница. Это конец, только и успел подумать я. Остановиться и принять нужное положение не было возможности, свои затоптали бы. Все что мне удалось сделать, это в последнее мгновение упереть пятку копья в землю, но не направить ни прикрыться щитом, не вышло. Удар!

В мою грудь пробило копьём, подняв в воздух, а потом, конь смял меня, словно соломенное чучело и печатал в задние ряды. В первый миг боли не было, было лишь ощущение острого холода внутри, боль пришла потом, вместе со страхом, отчаянием и безвыходной злобой. Горечь и ярость родились в глубинах моей души, на всех и вся, на тех из-за кого я оказался тут, на глупых соратников, подставивших меня под удар, на это копьё и даже на родителей породивших меня на свет. В глазах потемнело, из груди рвался хрип. Пусть я умираю, но хоть постараюсь отомстить моему убийце. Из руки выпало копьё, ухватившись левой за древко, а правой с трудом выдернув свой меч, я проталкивая сквозь себя пополз навстречу убийце. С моих губ падала клочьями кровавая пена. Но всадник не замечал меня, он бросил копьё, так как стряхнуть меня с него возможности не было. Ноги мои коснулись земли, и не удержав меня подкосились. Ярость с головой захлестнула меня, меч упал на землю, и ухватившись двумя руками за древко я сломал его по полам. Из глотки вырвался крик-рык.

Дальнейшее я помню с трудом. Глаза залиты кровью, внутри ревет огненная буря, руки сами стягивают с лошади моего убийцу, вцепившись зубами в глотку, я рву её, и глотаю мясо. Откинув в сторону труп, я рвусь вперед, и только одно желание осталось у меня, убивать, уничтожать, заплатить врагам сторицей за свою жизнь.

Кто-то ткнул в меня мечем, хватаюсь за его руку и потягиваю к себе, разрываю доспех и достаю его сердце, боль только подхлестывает меня, со всех сторон на меня сыплются удара, я кручусь и реву, кого-то хватаю и рву, грызу и рвусь вперёд. Передо мною появляется рыцарь-гигант, кидаюсь на него, крушу его кулаками, внутри он каменный, это приводит меня в еще большую ярость, и потому стоящие за ним люди в каких-то балахонах и мантиях стали моей целью. Я почти добрался до них, когда в лицо ударил огонь, в тело впились множество ледяных шипов, и отбросили меня назад в толпу. На меня накинулись словно стая собак, схватив кого-то воина за ногу, я стал отбиваться им. Вскоре в моих руках осталось только одна нога, с рычание я крутился вокруг, но никого не было, ярость стала гаснуть, а вместе с ней меня покидали и силы. Ноги подкосились, в ушах грохотал барабанный бой, и без того паршивое зрение почти пропало. Какой-то звук настойчиво пробивался ко мне, что-то схватило меня за плечо. Вот и все — подумал я, но на тебя меня хватит, дернувшись, схватил недруга за руку и крутанул её, отрывая напрочь. Дикий крик, полный неверия и отчаяния стал мне наградой. Последнее что я увидел, это кровь, залившая мне глаза окончательно.

Я медленно приходил в себя. Дикая слабость во всем теле и тупая боль, словно вернули меня в мои первые дни учебы в лагере. Открыв глаза, я увидел матерчатый потолок больничной палатки, если судить по его цвету. С трудом перевернувшись набок, я предпринял попытку сесть, в прочем, ничего путного из этой затеи не вышло. Подломившаяся рука, в самый ответственный момент, стала причиной моего падения на пол. Слабый глухой стон вырвался из моей груди.

— Он очнулся — послышался громкий голос из-за стены, спустя миг внутрь вошел невысокий лекарь.

Это был мужчина, лет семидесяти, скупые движения, ярко-зеленые любопытные глаза, тонкий нос, имевший форму, отдаленно напоминавшую птичий клюв и мантия мага-целителя, придавали ему вид, эдакого молодого светила науки.

— Как себя чувствуете, господин Мор? — обратился ко мне, врач, помогая подняться с полу.

— Не очень — признался я, поморщившись от боли в руке, — слабость во всем теле.

— Этого следовало ожидать — кивнул головой доктор и добавил, — не стоит в ближайшие пару часов предпринимать попыток передвигаться самостоятельно, а еще лучше вообще полежать.

— А... — тут я вспомнил, как мою грудь пробило копьё и руки сами по себе стали шарить по телу в поисках раны или хотя бы повязки, — а... как это? Меня же проткнули!!!

— Успокойтесь, пожалуйста — попросил меня маг, — раны нет, для вас такие ранения опасны, но не смертельны.

— Для меня? — я не мог ни как понять, что происходит. По всем прикидкам выходило, что я должен сейчас находиться в повозках для трупов.

— Ну берсерка не так-то легко убить, — усмехнувшись ответил мужчина.

— Берсерка? — я не как не мог понять, о чем он говорит, — Какого берсерка?

— Вас, господин Мор, вас — улыбкой наблюдая за мной, произнес врач.

— Кто позволил вам разговаривать с... ним! — ткнул в меня пальцем ворвавшийся в палатку тощий маленький мужичок, прической смахивающий на мокрого воробья.

— Я бы не советовал в таком тоне разговаривать с этим юным господином — усмехаясь, ответил маг.

Глова закружилась, толи от известий, свалившихся на меня, толи от слабости, в глаза потемнело, и я провалился в беспамятство.

Второе пробуждение было гораздо более приятным. Голова была ясная, в теле все еще была небольшая слабость, но оно хотя бы не болело. Открыв глаза, я понял, что уже вечер, так как в палатке было темно, а из щели между тканью пробивался сумеречный свет. В месте со светом ко мне проникали и слабый звук разговора. Диалог велся на повышенных тонах, но происходило это довольно далеко от а пребывания.

— ... не ваше это право, Ланс, вести такие разговоры и контактировать с ним! — звучал, незнакомы мне голос.

— Да-а-а?! А что мне оставалось еще делать? — этот голос принадлежал магу-целителю, — Он очнулся раньше вашего приезда, и к тому же ему требовалась помощь. Да и вообще, вы же меня неплохо знаете Фальц, я всегда мечтал исследовать живого берсерка!

— Пфф, а то вам мертвые встречались? — насмешливо спросил неизвестный.

— Нет, но едва не встретился, заметьте, что именно благодаря моим действиям, этот парень жив и даже вполне здоров.

— Это будет обязательно учтено и доложено наверх — насмешка стала еще более явной.

— Да плевал я на ваши доклады и прочую чушь, мне хотелось бы сопровождать его в столицу — словно не замечая явных насмешек, ответил Ланс.

— А может тебе его еще вообще отдать на исследования?! — искреннее удивление вперемешку с оторопью, звучало в голосе неизвестного мне Фальца.

— К несчастью мне это точно не светит, поэтому я и прошу то, что могу получить реально, — маг был сердит, в его тоне появились резкие нотки.

— Все. Разговор окончен — оборвал начинающийся зарождающийся скандал Фальц, — со всеми жалобами и претензиями к королю.

Вскоре послышались шаги, и я прикрыл глаза, по чему-то мне не хотелось попасться на подслушивании. Веки сквозь веки пробился свет и внутрь кто-то вошел. Походив немного по палатке, неизвестный сел. Полежав еще чуть, притворяясь спящим, я, наконец, решил что достаточно и, открыв глаза, повернул голову.

— Здравствуйте — поприветствовал я немолодого мужчину.

— Очнулся — утвердительно сказал Фальц, я узнал его по голосу, — это хорошо. Позвольте представиться, граф Фальц, доверенное лицо короля Грегора. Вас проводят до столицы, для награждения.

— Какого награждения? — брови против моей воли поползли вверх.

— Какой именно будет награда, мне неизвестно, но она будет немалой — поведал мне с легкой, доброжелательной улыбкой, граф Фальц.

— А за что меня награждать? — мне было совсем неясно, что происходит, о какой награде идет речь? Награда за что?

— За выдающийся и неоценимый вклад в победу над врагом — все также спокойно и доброжелательно, словно дитю малому объяснил Фальц.

— А что я такого сделал? — и словно боясь забыть, поспешно задал второй мучивший меня вопрос, — А я в правду берсерк?

— Ну, вряд ли обычный воин способен разметать кавалерийский строй, прорваться к магам сквозь все войско и голыми руками сокрушить голема. — с усмешкой поведал мне граф, — Именно то, что ты отвлек магов на себя, и решило исход битвы. А разве ты не помнишь этого?

— Нет... — упав на спину, я растерянно уставился в потолок. Меня охватило такое чувство, будто я сплю и все происходящее мне снится — этого не может быть! — я резко обернулся к графу Фальцу — я простой парень из простой семьи, я не могу быть берсерком. Вы ошиблись, кто-то другой бился там, а вы просто перепутали!

— Успокойся — поднял граф руки раскрытыми ладонями ко мне — все хорошо. Мы не могли ошибиться. Ты берсерк.

— Но как!?! — хруст привлек мое внимание. Я растерянно взирал на кусок дерева в руке, точнее щепу и покореженный край кровати.

— Думаю, все твои сомнения окончены? — став в миг серьезным сказал граф.

Я был... я был... я просто был. В моей голове не укладывалось происходящее. Как мог простой парень, мечтающий о славе и великих подвигах, оказаться в лагере, полным смертников, преступников, воров. Как мог этот парень подружиться с ними и выжить в

битве, где это было почти не возможным, и как он мог оказаться одним из легендарных несокрушимых воинов? И даже если это возможно, то, как им оказался я? Нет я не испытал страха перед свалившейся силой или ответственностью, ничего подобного, что встречалось в переживаниях героев книг. Мне просто было сложно в такое поверить.

— Ты в порядке? — из ступора меня вырвал голос Фальца.

— А? Да все нормально, просто все это так необычно.... словно я оказался в сказке! — меня стало охватывать возбуждение, — а мы поедим в столицу? Я там никогда не был, говорят красиво. А короля я увижу?

Меня, что называется, понесло. Вопросы сыпались словно из рога изобилия, граф поначалу немного растерялся от такого напора, а потом понимающе усмехнулся, и отцепив от пояса протяну фляжку протянул мне.

— Спасибо — сказал я по инерции и сделал глоток. Это было вино, правда намного лучше того что я когда-то пробовал, но на мой вкус слишком сладкое. Странно, но отпив, я почувствовал себя практически нормально, язык больше не нес всякую чушь, да и в голове немного прояснилось.

— А можно мне немного прогуляться? — самый обычный вопрос, вызвал странную реакцию у графа.

— Можно-то конечно можно, но я бы не советовал, народ сейчас взвинченный после битвы и могут быть неприятности — поглаживая свою небольшую бородку ответил Фальц.

Тут я кое что вспомнил и покраснел от стыда.

— А вы не знаете, что там случилось с мой другом? — забыть о единственном друге, даже при таких обстоятельствах было большим свинством.

— Ваш друг жив, он потерял руку, но его жизни, ни что не угрожает — незамедлительно ответил Фальц.

Вот так. Не быть ему бардом, не играть на лютне, а ведь я уже предвкушал как войду, объявлю что стал легендой и жду песен о своих будущих подвигах.

— А можно мне его проведать? — граф, словно ожидал этого вопроса.

— Лучше бы вам оставить эту затею в покое. Не думаю. Что после случившегося он пожелает вас видеть — отведя взгляд в сторону, сказал Фальц — Вы не виноваты в случившемся, берсерки зачастую не различают в бою кто свой, а кто нет.

Мое сердце замерло, во рту стало сухо, с трудом проглотив застрявший в горле комом слюну, я спросил:

— Что я сделал?

— Когда бой уже был окончен, он поспешил к тебе и попытался помочь, но ты еще не отошел до конца и оторвал ему руку.

Едва прозвучали последние слова, как в моей памяти прорезалась картина. Вот я сижу на земле, и кто-то хватает меня сзади, я хватаю руку врага и отрываю её, и как был сладок этот крик.

Видимо поняв все по моему лицу, граф молча, встал и вышел.

Откинувшись на спину, я пялился в потолок. Слишком много событий в один день, слишком много новостей за краткий час. Взлететь на вершину мира, оказавшись живой легендой, и упасть на землю осознав что ты повинен в увечье друга. Я все понимал, в этом действительно нет моей вины, какого Брукха он полез ко мне? Кто просил его распускать руки? Вот и поплатился за свою глупость рукой, я тут причем?

Именно такие вопросы крутились в голове, но от этого становилось только еще

паршивее. Ведь в глубине души я знал, зачем он полез и что им двигало. Я понимал, что пытаюсь оправдаться перед самим собой, понимал так же что моей вины в том, что случилось тоже не так много, но... почему же мне так плохо? Проворочавшись с боку на бок еще полчаса я не выдержал и вскочив с кровати отправился наружу.

— Простите господин Мор — преградил мне дорогу на выходе из палатки воин, — граф Фальц не велел вас отпускать без его ведома.

В груди колыхнулось раздражение, мне стоило не малых запасов смелости, что бы решиться на то, что бы встретиться с Салеком. Но не драться же с солдатами, навалеют будь здоров, это не наш полк, где только узнали каким концом копьё держать.

— А можно его позвать? — хмуро спросил я.

— До утра беспокоить графа не положено — все так же четко, по военному, ответил воин.

Вернувшись в палатку я со злостью пнул стул на котором сидел граф, и упал на кровать. Сон пришел не так скоро, как хотелось бы.

Ночью меня тревожили смутные сны, но запомнился мне только один. Я решил прокатиться на отцовском коне и все шло хорошо, но потом он понес меня все быстрее и быстрее, а впереди виднелся обрыв, именно за миг до того как мы должны были сорваться вниз я и проснулся.

Переводя дыхание, и глупо хлопая глазами, я услышал, как неподалеку происходит нечто странное. Тихий крик если можно так выразиться доносился до моих ушей:

— Надо было послать за мной! — голос мне показался смутно знаком.

— Ваше Сиятельство, но был, же приказ не беспокоить вас по пустякам — немного оторопело отвечивал второй.

— По пустякам!!! — так это же граф Фальц! Вот почему он показался мне знакомым, — Значит препираться с берсерком и заступать ему дорогу это у нас пустяки! В рядовые разжалую, к «Проклятым» сошлю!!! По пустякам! Да понимаешь ли ты, гнойное порождение Брукха, что из-за тебя лагеря к утру могло уже не быть!? С глаз долой, увижу, точно к «Проклятым» сошлю!

Судя по топоту ног, приказ был выполнен со всей поспешностью. Тяжелое дыхание и раздраженно отброшенные в сторону полотняные «двери» палатки, сказали мне о том, что граф прибыл и настроение его не в лучшем состоянии.

Я сел и посмотрел на Фальца, мое намерение посетить Салека не ослабло, почти. Граф застыл в странной позе, правая рука все еще держала полог палатки, а глаза смотрели в одну точку не отрываясь. Посмотрев туда же, я почувствовал жар стыда, в углу палатки лежал сломанный напололам моим пинком стул.

— Извините меня, я не хотел его ломать — глядя в пол, и стыдясь содеянного, пролепетал я.

Как-то странно крикнув, граф обратился ко мне:

— Мне передали, что ты хотел повидать все-таки своего друга перед отправлением в столицу — звучало это не как вопрос, а как утверждение.

— Да — сказал я твердо и поднял взгляд.

— Я предупредил — коротко сказал он и крикнул — Крам!

В палатку вошел здоровый воин, таких больших людей я еще не видел:

— Проводишь господина Мора в лазарет, помоги найти сержанта Салека.

— Будет исполнено Ваше Сиятельство — басом ответил Крам.

Встав с постели, я направился вслед за солдатом. Свежий, от утренней прохлады, воздух ударил мне в лицо, принося с собой чувство трепета в груди. Как и всякий человек перед жизненно-важным делом, я ощущал холодные пальцы страха в своей груди.

Поначалу я не сильно смотрел по сторонам, сосредоточившись на борьбе с самим собой, было не просто решиться на подобный поступок, взглянуть в глаза человеку который был тебе дорог, доверявшийся тебе, и лишившийся из-за этой самой дружбы руки. Отчаянно стараясь подавить страх, я попытался отвлечься и начал крутить головой по сторонам. Первое что бросалось в глаза, это повсеместное оживление, люди ходили, бегали, ругались, но с их лиц исчезла обреченность, поселившаяся там, с момента попадания в лагерь. Суета и постоянное движение обтекали нас стороной, Крам одним своим ростом отбивал всякое желание вставать на его пути и потому мне, пристроившемся позади него, двигаться по лагерю оказалось не трудно. Путь, который наверняка, отнял бы у меня немало времени и нервов, занял всего десять минут.

Я стоял перед входом в лазарет. Воин шагнул внутрь, сделав знак ждать снаружи. Спустя минуточку-другую, он появился вместе с каким-то мальчишкой и повел меня вдоль белых палаток.

— Он тут — ткнул пальцем мальчишка и развернувшись побежал обратно.

Взглянув на Крама, словно ища поддержки с его стороны, я наткнулся на взгляд, мечтательно направленный в небо. Зрелище было столь не ординарным, что впору было приглашать художника, дабы он запечатлел сей момент в картине. Не решившись потревожить гиганта, я набрал в грудь побольше воздуха и шагнул вперед. Медленно отодвинув ткань, я нырнул внутрь, сумерки окутали меня, воздух был тяжел и пропитан запахом крови и лечебных трав, и почему эти травы всегда так тревожно пахнут? Тишина встретила меня, и лишь прислушавшись, я различил тяжелое дыхание. На узкой кровати лежал, Салек. Но узнал я его с трудом, если бы не искал знакомые мне черты, то прошел бы мимо и не заподозрил бы в этом, исхудавшем мужчине, с частой сединой в шевелюре, своего некогда веселого друга. Правая рука отсутствовала по локоть, культя была перевязана, белая ткань местами сменила цвет на бурый. Осторожно, стараясь не шуметь, я сделал пару шагов и склонился над ним. Ресницы слегка трепетали, глаза под ними двигались часто и быстро. Внезапно веки распахнулись и на меня уставились глаза, полные боли и отчаяния.

— Ты! — сколько было чувств в этом слове — Опять пришел просить меня о прощении?

Взгляд, лихорадочно-горячие дыхание, явственно показывали, что Салек находится в бреду.

— Я тебе скажу то же, что и в прошлые разы — лицо исказилось горечью и злобой — Проваливай отсюда, твое раскаяние не вернет мне руку, не быть мне не кузнецом, ни бардом, я стал калекой и не от оружия врага. Исчезни!!!

Последнее слово он прокричал так сильно, что забрызгал слюной мне лицо. Каждое слово его хлеста не хуже кнута, я вздрагивал при каждом звуке его голоса, а когда он крикнул из всех сил, то я развернулся и выбежал не в силах сдержать слез. Глаза горели, губы немного тряслись. Чего я ждал от нашей встречи после содеянного? На что мог надеяться? На прощение и распростертые объятия?

Поглощенный переживаниями я не заметил, как выскочил на улицу и врезался в спину Крама. Отвернувшись в сторону, я уставился в небо, часто моргая, и стараясь незаметно смахнуть навернувшиеся слезы.

— Господин Мор, вы закончили с делом? — спокойно спросил меня воин.

Захотелось развернуться и ударить этого... мужика, ни какого сочувствия, только служебные обязанности в голове. Злость немного отрезвила меня, ни в чем не виноват этот солдат, да и плохая мысль бить того, кто в пять раз больше и сильнее тебя. Да и вообще, жалеть буду себя в свободное время, берсерк я или кто?!

— Господин Мор? — уже обеспокоенно спросил Крам.

— Все в порядке — почти не дрогнувшим голосом ответил я — возвращаемся.

Повернувшись к нему, я посмотрел прямо в глаза гиганту. Чего я ждал? Незнаю, но он просто развернулся и зашагал в ту сторону, откуда мы пришли.

Как я не отгонял мысли от слов Салека, они все время возвращались обратно. Да это был бред, но так он не мог солгать мне, а сколько злобы было на его лице! Внезапно мне захотелось увидеть свой прежний полк, узнать, кто выжил, а кто пал. Зачем? Кто знает.

Моя попытка незаметно отстать от Крама, с треском провалилась, казалось, он и вовсе забыл о том, что я следую за ним, но стоило мне свернуть вправо, как раздался его голос:

— Что случилось господин Мор? — я обернулся, в двух шагах от меня стоял воин, такой же невозмутимый, как и при нашей встрече.

— Хочу проведать свой отряд — угрюмо ответил ему, с вызовом уставившись в его глаза.

— Как пожелаете, но я вас буду сопровождать, а то потеряться можете — пожав плечами, ответил гигант.

Скопировав его жест, я развернулся и продолжил свой путь, иногда уточняя направление у солдат.

Найти свой отряд не составило особого труда, непредвиденные сложности начались, когда я отыскал его. Попа на территорию где стояли палатки и сновали до боли знакомые лица. Я даже немного приободрился, вот только радость оказалась преждевременной. Стоило кому-то меня заметить, как этот человек сразу уходил с пути, сворачивая куда угодно, лишь бы ненароком не пересечься со мной. По началу, это не бросилось в глаза, но с каждым мгновением чувство одиночества и какой-то обиды стало расти внутри меня. Наконец я случайно заметил человека, который при взгляде на меня, не спешил отводить его в сторону и убрать с моего пути. Этим человеком оказался тот самый кузнец Жер.

— Привет Жер — постарался завязать с ним разговор я.

— И тебе здравствовать — задумчиво разглядывая меня, поприветствовал меня мужчина.

— Как тут у нас дела, кто погиб? — начинать надо с неприятного, что бы вырвать, так сказать, больной зуб с корнем.

— Да почитай все кто стоял в первом ряду — немного растягивая слова, произнес Жер — а ты зачем явился?

— Как это зачем? — я аж опешил от такого вопроса — Узнать как у нас дела, кто жив остался, да и вообще...

— А раз вообще, то шел бы ты отсюда Мор, не рады тут тебе — сказал, как отрезал кузнец.

Мой рот открывался и закрывался, не в силах произнести не звука. Как так не рады? Почему, мы ведь вместе кровь проливали! Плечом к плечу стояли перед конной атакой. Да я спиной закрывал его — Жера! Меня обуревало несколько желаний, ударить по это спокойной морде, плюнуть в землю и убежать и расплакаться от обиды.

— Почему не рады? — справившись с нахлынувшими на меня противоречивыми

чувствами тихо поинтересовался я.

— А чего радоваться? — принявшись чистить под ногтями ответил Жер — Ты опасен, да, ты прикрыл нас и обратил в бегство противника одним своим видом, но ты же и оторвал руку своему другу. С тобой страшно находиться рядом, никто не знает, что ты сделаешь в следующее мгновение, улыбнешься или убьешь.

— А почему ты не боишься? — мне было уже все равно, причина всеобщего бегства с моего пути стала ясна, но почему не ушел он?

— А чего мне бояться — как-то безразлично ответил кузнец — мой сын погиб вчера. Мой единственный сын.

Я стоял как громом пораженный. Никогда раньше не слышал, что Жер попал к нам не один, я уверен, такая новость обязательно облетела бы всех, если только он не хранил это в тайне.

— А почему ты молчал? — невольно вырвался у меня вопрос.

— А я и не знал — глядя мне в глаза, сказал кузнец — мне об этом сообщили сегодня. Выпить бы, да нечего.

Последняя фраза была произнесена в пустоту.

— Пойдем — махнул я рукой — у наших поваров всегда найдется выпивка.

— И как ты её получишь? — не двинувшись с места, все же спросил Жер.

— А кто посмеет отказать берсерку? — на мое лицо выползла злобная ухмылка.

* * *

Пиво удалось раздобыть достаточно быстро и просто, нужно было только грозно сдвинуть брови и чуть рыкнуть, как словно по волшебству у меня в руках оказался небольшой бочонок с этим напитком. Поначалу меня сильно раздражал маячивший в пределах видимости Крам, но после третьей кружки я перестал обращать на него внимание. Некоторое время мы с Жером молча пили, каждый думая о своем. Первым нарушить тишину решился я:

— А как так вышло... ну это... с сыном? — получилось как-то грубо и мне стало стыдно, за то, что я полез в душу к человеку.

Ответа все не было, и я уже решил, что кузнец не слушал меня, и даже порадовался такому повороту событий.

— Дурак он, вот как вышло — угрюмо всматриваясь в кружку промолвил, наконец, Жер. Я молчал, что-то мне подсказывало, что прерывать его будет большим свинством, я бы даже сказал преступлением, — когда меня осудили на смертную казнь, он еще не знал, что я попал в этот полк и пошел мстить судьбе. В общем, сильно помял лицо этой тощей крысе, и тот отправил его сюда. Вот так. Говорят, Бранд просился перевести его в мою группу не единожды, но ему все время отказывали. Может если бы он был с нами, то остался бы жив?

В голове начало понемногу шуметь, и я только кивал в нужных местах, но при последней фразе у меня вырвалось.

— Конечно выжил бы, я бы его защитил! — кузнец поднял на меня мутный взгляд и глаза его гневно сверкнули:

— Так же как ты защитил Салека?

Я дернулся в сторону, как от удара хлыстом, а рот наполнился горькой слюной, с трудом проглотив я хрипло ответил:

— Да. Так же. Лучше иметь живого сына без руки, чем мертвого, но с нею.

Лицо Жера закаменело и начало краснеть, он словно расширялся изнутри, вот привстав с тюфяков, рука складывается в кулак, а затем... Мужчина заплакал, заплакал навзрыд:

— Ты прав, гнусное отродье Брукха! Да я сам готов отдать обе свои руки, только что бы вновь обнять Бранда.

Резко обмякнув, кузнец, нет соратник, уронил голову на руки и стал сотрясаться в рыдания, бормоча что-то неразборчивое. Какое-то гадкое чувство поселилось в моей душе, словно я сделал что-то настолько дурное, чему нет прощения.

Я приобнял этого здорового, но сломанного внутри мужчину и постарался утешить, как мог, из моих глаз катились слезы, сострадание переполняли мою душу, и слегка похлопывая, я сказал следующее:

— Прости меня за эти слова, я не хотел ранить твою душу еще больше. Ты мне нравишься, и Салеку нравишься, он хотел к тебе в ученики пойти и меня звал, только я не согласился, не мое это. В общем, мне жаль что так вышло с твоим сыном, искренне жаль. Отцы не должны хоронить своих детей. Но раз так получилось, вернись домой, назло всем богам и демонам и роди еще одного и вырасти, не хуже чем был Бран. Его это не вернет, но и твоя жизнь будет не напрасной!

Под конец я говорил громко и уверенно, испытывая некое вдохновение и потому, когда последние слова сорвались с моих уст, я не сразу понял, что же не так. Рыданий больше не было слышно.

Жер сидел, запрокинув голову к небу, направив взгляд полный мрачной решимости в синеву, а по его щека стекали остатки слез.

— Так и будет! Спасибо. — Последнее сказано было уже мне.

А дальше мы пили, и все стало каким-то смазанным и нечетким. Мы горланили песни о войне, все какие знали, потом пошли искать офицера, который не позволил перевестись Бранду в наш отряд, но кажется, так и не нашли. Последнее что я помню, то, как я иду в потемках, с трудом переставляя ноги, а в голове бьется всего одна лишь мысль. «Так вот какая ты — война».

* * *

Утро началось как всегда громко — с рева горнов. Я вскочил и принялся в спешке одеваться, закончив с этим, подхватил свое оружие и выскочил наружу, и только тут сообразил, что я не в своем отряде. Мимо меня пробежали воины, а я стоял и растерянно крутил головой по сторонам, силясь понять, куда же мне нужно бежать и нужно ли вообще.

— Я рад видеть тебя в добром здравии — раздался слева от меня голос графа Фальца, — Хорошо ли провел вчера вечер?

Вроде бы и тон спокойный и примесей в нем нет, кроме обычной вежливости, но почему мне кажется, что от него так и разит сарказмом?

— Лучше чем могло быть и хуже чем хотелось — попытался я соорудить хорошую мину при плохой игре. Конечно, мне было стыдно перед графом, но хмель видимо не совсем выветрился из моей головы и потому я был несколько грубоват и нагл. Граф, по всей видимости, понимал мое состояние, и потому сильно не докапывался и не спешил карать мою глупую голову, а я не сильно хорошо соображал на этот момент и не понял своей

ошибки. Надо было извиниться.

— Ну что ж, раз ты в порядке, то по коням и в путь — обернувшись, приказал, — Крам, прикажи подготовить лошадей.

— Будет исполнено Ваше Сиятельство! — отдал честь гигант и отправился исполнять указанное.

Пока проводились последние приготовления к отправки в путь, я с тоской рассматривал лагерь. Все же за столь долгий срок он стал мне почти родным, с его вечной суетой, звуками и запахами... Хотя нет, запахи, единственное, почему я точно не буду скучать.

Граф стоял неподалеку и о чем-то бурно переговаривался с Лансом. Мага-целителя я не видел с того самого момента, как он сидел у меня в палатке.

— ...я еду с вами! — донеслась особо громкая реплика лекаря — ...жалуйтесь кому хотите!

Граф размахивал руками, краснел, бледнел, но под конец махнул рукой и бросил в ярости:

— Сами будете разбираться с Его Величеством!

Не могу сказать, что последние слова графа оказали хоть какое-то влияние на мага, от Ланса так и разлило довольством, а когда он взглянул на меня, то его вид и вовсе стал напоминать кота, забравшегося на хозяйский стол и безраздельно им властвующего.

— Разберусь-разберусь — пропел под нос целитель, останавливаясь в трех шагах от меня и придиричиво разглядывая — А сколько тебе понадобилось выпить, чтобы захмелеть?

Чего-чего, а такого вопроса я не ожидал:

— Э-э-э... — растерянно протянул я, и по привычке потрогал половинку своего уха — не знаю, кружек пять.

— Хм... — маг стал кружить вокруг меня, словно волк вокруг своей жертвы — видимо лечение, плюс молодость организма и отсутствие опыта, да-да именно так, в целом устойчивость имеется. Нужны опыты!

Поведение целителя настораживало, а уж слова об опытах и того более. Хоть все мои знания о жизни и были из книг, но личный опыт подсказывал, что если уж в книгах эксперименты магов не приносили ничего хорошего, то в жизни, как пить дать, все намного хуже.

От ответа на столь сомнительное предложение меня спасло появление графа Фальца, а следом за ним Крама, объявившего, что можно выезжать. Все было по-военному четко, в считанные минуты, все оказались на конях, и мы тронулись в путь.

Лагерь мы покинули довольно быстро, народ расходился с пути, едва завидев знамя графа. Наша группа, возглавляемая Крамом, двигалась следующим образом. Трое воинов позади командира, следом шестерка всадников, держащая меня в центре, следом граф, под охраной из десятка солдат и в самом конце болтался на коне Ланс. Только один раз мне удалось оглянуться и рассмотреть легион «Проклятых», всего на мгновение, но мне он показался не таким большим как прежде. Остановиться и бросить долгий прощальный взгляд, ощутит щемящую тоску и грусть в груди, как делали герои всяческих романов, мне попросту было некогда. Все что оставалось это смотреть на спины моей охраны.

По началу, все мое внимание было сосредоточено на дороге, постепенно я расслабился и предался размышлениям. Почему-то вспомнился наш разговор с Салеком о том, что мы будем делать после войны. Я тогда сказал, что направлюсь домой в первую очередь. Ну почему у меня не получается сделать того, что было задумано? Почему все мои начинания и

мечты искажаются до неузнаваемости?

Однако, как бы сильно мне не хотелось домой, отказать королю было решительно невозможно. Такой шанс выпадает не каждому, хотя бы и раз в жизни. Мысли о Его Величестве Грегоре, настроили меня на мечтательный лад. Я старался представить столицу и дворец, в котором обитает правитель нашего королевства. Мое воображение рисовало картины величественных сооружений, гигантскую крепостную стену охватывающую кольцом великолепный город. Там, по широким улицам, медленно и плавно ходили горожане, одетые подобающе их статусу. То тут, то там, возвышались храмы, а в центре была огромная площадь с фонтанами, из которых высоко в небо взлетали тугие струи воды, создавая вечную радугу, игриво переливающуюся в солнечных лучах.

— О чем мечтаешь? — неожиданный вопрос, выдернул из этого красочного, волшебного мира и заставил вздрогнуть. Рядом со мной, каким-то неведомым образом оказался Ланс.

— Я не мечтаю — насупившись, буркнул я, дергая себя за правое ухо, точнее, его остатки.

— А что делаешь? — искреннее любопытство, сквозившее во взоре лекаря, заставило меня смутиться своей грубости.

— А какая она — столица? — решил я свернуть со смущающей меня темы.

— Тебе правду сказать или как? — задал маг странный вопрос.

— Правду конечно! — удивленно воззрился на Ланса я. Маг загадочно улыбнулся и сказал:

— Знаешь, лучше бы ты сначала увидел бы Солнечный Двор, а потом бы разочаровался. Описывать всю красоту этого города придется долго, да и не отразят слова тех чувств, что вызывает его вид в первый раз. Поэтому я расскажу тебе о том, какая жизнь бурлит внутри всего того великолепия.

«Внутри великолепных чертогов, ходят прекрасные и изящные люди, каждое их движение пронизано грацией и достоинством. Но внутри они черны и коварны, им нельзя доверить даже самую невинную тайну, так как из их уст она прозвучит не милосердное смертного приговора. Сколько жизней потеряли тут честные люди, не понявшие вовремя в какое логово гадов угодили? Блеск золота и драгоценностей, шум балов и шепот в темных уголках, все это создано, чтобы отвлечь внимание от главного — невыносимой вони гниющих душ».

Я слушал, открыв рот. От мага я не ожидал подобных сравнений и метафор. Я словно сам оказался среди улыбчивых лиц, что-то мне шепчущих и манящих к себе.

— Это слова моего хорошего друга — вырвал меня из грез голос Ланса, — сам я в жизни не смогу так сказать.

Я посмотрел на мага, тот мечтательно уставился в небо, слегка прикрыв глаза. Вот уж кто не создавал впечатления романтика, так это Ланс, о чем и сказал ему:

— А вы не похожи на романтика.

— Ахаха — звонко рассмеялся маг, — Всякий маг, личность творческая, а творческий человек не может не быть романтиком. Что бы создать что-то новое нужно иметь полет мысли, нужно уметь мечтать. Так что даже некроманты где в глубине души романтики.

От последней фразы я поперхнулся и закашлялся, недоуменно уставившись на целителя. Он что серьезно? Эти мрачны типы, о которых ходит немало жутких легенд?

— Не стоит так удивляться — улыбаясь, постучал мне по спине Ланс — большинство

историй распускают сами некры, так люди не очень любят повелителей мертвых, они предпочитают видеть в лицах боязливое уважение, а не отвращение и презрение. Кстати, я вырос на историях о берсерках — резко сменил тему лекарь — и моя давняя мечта узнать, как люди, не имеющие способности к магии, обретают столь невероятные силы. Для этого-то ты мне и нужен.

— Да я и сам ничего не знаю — немного опешив, ответил я.

— О! Тут ты ошибаешься — горячо заявил лекарь, порывисто наклонившись ко мне, почти шепотом сказал, — есть у меня одна теория, благодаря недавним исследованиям в области ментальной магии у меня появились некоторые мысли по этому поводу.

— Э-э — только и смог протянуть я, не зная, что сказать.

— Вот скажи мне, когда ты в первый раз почувствовал неконтролируемую ярость?

— Не знаю — задумался я, стараясь вспомнить подобный случай — наверное, в бою, хотя...

— Ну! — нетерпеливо спросил Ланс.

— Было нечто подобное, из-за чего я собственно и попал сюда — далее я поведал магу о происшествии в таверне, где мною были искалечены стражники. До сего дня, мне было абсолютно непонятно, как я, далекий от воинских искусств человек, смог сотворить подобное голыми руками, но теперь все встало на свои места.

— Интересно, интересно — протянул целитель, пристально всматриваясь в мое лицо, — а расскажи-ка мне о твоём детстве. Тебя обижали родители?

— Да нет — помотал я головой, для пущей достоверности, — папа и мама у меня хорошие.

— Может, были проблемы со сверстниками? — этот вопрос мне не понравился, не хотелось посвящать чужого мне человека в то, чего я не рассказывал и родителям, — Та-ак, похоже я угадал! — обрадовано протянув, потер ладоши маг.

Я отвернулся в сторону, говорить пропало всякое желание. Попытки развеселить меня и разговорить провалились. В прочем, мага не остановило мое молчание и показное игнорирование, казалось, это его только распаляло. Внутри нарастало раздражение, я хмурился все сильнее и сильнее. Заволновалась лошадь подомной, шедшая до этого спокойно, она стала ржать и трясти короткой гривой.

— А вот был еще такой случай! — сквозь покров злых мыслей пробился ко мне голос Ланса, внезапно прерванный окриком графа Фальца:

— Виконт Лансер Граург! Мне требуется с вами поговорить. Срочно! Дело касается государственной безопасности!

У меня вырвался вздох полный облегчения, мое терпения почти закончилось, вот-вот я мог сорваться и наругать мага, а это точно ни чем хорошим не закончиться, простолюдинов и за меньшее приговаривали к смерти.

Ланс ускакал вперед, о чем-то шепотом беседуя с графом, проводив их взглядом, я постарался расслабиться и устремил свой взгляд в небо. Чистая, глубокая синева, словно затягивала, казалось, что еще чуть, и нечто незримое проступит в глубине воздушного океана. Я смотрел вверх, пока не заболела шея и не закружилась голова. От резкого движения, в глазах потемнело, и я едва не упал с лошади, потеряв чувство пространства. Чьи-то сильные руки ухватили меня за плечо и помогли остаться в седле, когда я смог разглядеть, то увидел встревоженное лицо одного из сопровождающих меня воинов. Он развернулся и открыл рот, догадаться зачем, было не сложно, поэтому я поспешил его

остановить:

— Не надо! Я просто долго смотрел вверх — воин понятиливо кивнул и успокоился, остальные солдаты, окружавшие меня кольцом, даже не повернули голов в нашу сторону.

Спокойствие вернулось ко мне, мерное покачивание ввело меня в какое-то странное состояние задумчивости, мысли текли вяло и неохотно, а перед глазами в такт шагу кивал головой конь. Взгляд мой, скользил по деревьям. Листва понемногу начала наливаться осенним золотом, жизнь в городе имеет свои плюсы, но люди иногда не подозревают, как много они теряют в спешке. Природа так прекрасна, что стоит хотя бы изредка остановиться, отвлечься от повседневных забот и уделить хоть минутку на созерцание окружающей нас каждый миг красоты.

Так, мерно покачиваясь в седле, убаюканный цоканьем копыт, я и просидел в седле до самого вечера. Остановка на ночлег произошла посреди леса. Солдаты споро разбили лагерь и занялись готовкой ужина, мне же было непривычно сидеть, сложа руки, когда вокруг суетился народ. Я чувствовал себя лишним в этой компании, все они были при деле, перебрасывались шутками, в общем, в отличие от меня, они были на своем месте.

На меня волнами накатывала скука и апатия, когда рядом со мной присел маг.

— Скучаем? — и даже не став дожидаться ответа продолжил, — Я тоже. Знаешь, что я больше всего не люблю в дороге? Вот такие вот остановки, когда оказываешься не при делах. Будешь?

Ланс протянул мне открытую фляжку, из которой тянуло спиртным. Молча взяв её я сделал глоток, по горлу побежала горячая волна и ухнув в желудок стала медленно растекаться по телу, оставив на языке приятный ягодный вкус. Маг забрал у меня емкость и тоже отпил.

— Ну как? Полегчало?

— Еще нет — грустно ответил я.

— О! Процесс пошел! Давай еще глотни, глядишь и целыми предложениями заговоришь.

Отпив еще пару глотков, я действительно почувствовал облегчение. Мир больше не казался таким уж угрюмым местом, на лицо выползла улыбка.

— Ух ты! — восхищенно пробормотал виконт — А что ты чувствуешь?

Этот вопрос вызвал у меня легкое недоумение:

— В смысле?

— Ну что ты ощущаешь?

— Да то же что и все, наверное, когда выпьют — пожал я плечами.

— Будешь еще? — с нескрываемым любопытством уставившись на меня, спросил маг.

— Да можно — мне становилось все лучше и лучше, с каждым глотком в мое тело проникало хорошее настроение и потому, я был несказанно опечален, когда напиток закончился. Для верности я потряс фляжку и последняя капля, упавшая мне на язык, вернула хорошее настроение.

— Хорошо-то как! — воскликнул я, устремив свой взгляд в темное небо, где явственно проглядывали звезды:

— Тебя прекрасней нет на всей земле.

Твой лик прохладный и чудесный

Заденет струны Музы на душе

И унесет в неведомые дали.

И сколько раз глядеть мне на тебя?
Не в силах облегчить тебе скитанья.
Как долго оставаться в стороне?
Не смея нарушать твоё молчанье.
И нет такой звезды, что, как и ты
Подарит нам порывы вдохновенья
Ведь ты одна, несешь нам свет мечты.
Ведь ты одна — изгнанница немая.
И ночь за ночью, глядя на тебя,
Я предаюсь бесчисленным метаньям,
Тебя прекрасней нет — моя Луна.
Я говорю с тобой, ответ не ожидая.
Пройдут года, и слягу в землю я.
И память обо мне в сердцах погаснет.
И только лунный свет проведает меня,
Безмолвный разговор наш продолжая.

После минутного созерцания ночного неба, и светила, скользящего по необъятным просторам тьмы, Ланс несколько задумчиво поинтересовался:

— А кто твои родители ты говорил?

— Маму зовут Лада, а отца Гарус, еще у меня есть брат... — в голове было легко и хотелось излиться всему миру.

— Очень интересно, а кто они? Безземельные дворяне?

— Да откуда же? — полезли у меня глаза на лоб, от такого предположения — Папа и мама из крестьянских семей, отец у меня служил в гвардии, а мать...

— То есть — вновь перебил меня Маг, чем изрядно меня расстроил — они люди простые, не из благородного сословия? А откуда же ты знаешь стихи Арастана?

— Как откуда? — с каждой фразой лекаря мне все сложнее было поймать нить разговора — Прочитал, разумеется.

— А...? — открыл рот Ланс, но тут я не выдержал и оборвал его:

— Я запутался и мне скучно — я, наконец, понял, чего хочу — А давайте танцевать!

Сказал я это достаточно громко, что бы меня услышал весь наш небольшой лагерь. На меня устремились удивленные взгляды. Воины, сидевшие у костров в ожидании ужина, граф Фальц, Крам и Ланс смотрели на меня непонимающе. А мне было так хорошо, тело и душа рвались в пляс, так хотелось поделиться радостью со всем миром, что я не выдержал и пошел расталкивать это сонное болото.

Подхватив под руку мага и подняв графа, я ударился в пляс, не забывая подбадривать оробевших почему-то воинов. Сколько всего захватывающего можно сделать у костра! Мы прыгали через него по пояс голые и с оружием в зубах, правда, не у всех прошло это удачно. Споткнувшись, Ланс упал в него тросом, однако, это не остановило веселья. Пели песни, танцевали, я продекламировал пару стихотворений. Проще говоря — веселились! Спать легли только под утро.

Солнечный луч, отыскав дорогу в густой листве, упорно сверлил мой глаз. Встать решительно не хотелось, но осторожные шаги и тихий шепоток, не позволяли провалиться обратно в дрему. Повалявшись еще с минуту, я все-таки решил встать. Повернувшись на бок, я приоткрыл глаза и сквозь ресницы уставился на... закованного в кандалы Ланса. Сон как рукой сняло.

Резко сев я недоуменно огляделся. Первая мысль была сумасшедшей — нас взяли в плен! Однако все солдаты были свободны, только смотрели на меня настороженно с толикой опаски в глазах.

— А что тут произошло? — удивленно и почему-то шепотом спросил их я.

— Господин Мор, а вы не помните? — осторожно поинтересовался у меня Крам.

Я недоуменно нахмурился, стараясь понять, о чем может идти речь, а потом...

— Ох, ты ж Брукхово отродье! — вырвалось у меня — Это что вчера было?!

Не трудно было догадаться, кто стал этому причиной, мой взгляд уперся в скованного мага. Тот в ответ лишь слабо улыбнулся, едва заметный след от сошедшего синяка красовался вокруг правого глаза.

— Извини, мне было просто интересно, как на тебя подействует настойка для магов.

Судя по злобным взглядам со стороны солдат, они могли вполне прожить и без этого, несомненно, ценного знания.

— Проснулся ночной кошмар? — раздался за спиной голос графа.

Я, покраснев словно девственница, обернулся к Фальцу. Смотреть ему в глаза после того, что вчера натворил, было невозможно.

— А почему Ланс закован? — набравшись смелости, спросил я.

— Потому что его будут судить. — Жестко ответил Фальц.

За что судить было и так ясно, не дай боги я из-за его экспериментов поубивал бы всех, или того хуже, рассудок потерял бы и стал бы угрозой уже всему королевству.

Я был зол на мага, но в то же время и сочувствовал ему. Хотя думаю, он сможет выкрутиться, за тот короткий промежуток времени, что я с ним знаком, я успел понять одну простую истину, он чрезвычайно талантлив, упорен и изворотливей змеи.

Сборы были закончены еще тогда, когда я изволил почивать, так что ждали все только меня. Кстати с поведением конвоя произошли кое-какие изменения, теперь, они не стремились меня зажать в тесном круге, а очень даже наоборот, старались держать максимально разрешенную дистанцию от меня. Ну что ж, их понять можно.

Так как выдвинулись мы за полдень, то темп нашего движения возрос в разы. До самой ночи мы не сделали ни одной остановки. Судя по ощущениям, у всех моих спутников преобладало одно желание, избавиться от меня по соображениям личной, физической и моральной безопасности.

Мы выехали из леса. Впереди начинался плавный подъем на холм. Мне почему-то всегда представлялось, что столицу я увижу с горы, и она будет у меня на ладони, и я смогу насладиться её великолепием в полной мере. На деле же все обстояло совсем иначе. Солнечный Двор находился на возвышенности и кроме его стен, и шпилей башен, отсюда ничего увидеть нельзя. Хотя надо сказать, что уже одни стены производили неизгладимое впечатление. Сделанные из огромных блоков белого камня они возносились на высоту около двадцати метров, прямая широкая дорога вела к широким воротам, кажущимися на фоне стены игрушечными. Мощь этих стен подавляла. Ни какой безумец не станет их штурмовать, а если вспомнить, что они еще и зачарованны...

Закатные лучи солнца падали на стену, заставляя их словно пламенеть, это трудно описать словами. Башни словно факелы, блестели своими металлическими шпилями. Маленькими свечками, мерцали шлемы стражи стоящей на стене. Широко открыв рот, я доехал до самых ворот не в силах оторвать взгляд от столь потрясающего вида. Приходя в себя от столь впечатляющего зрелища, я даже не заметил, как мы миновали ворота.

Город встретил меня сильным гулом, множество людей, их голоса, топот ног, звяканье брони и подков, все это, сливалось в единый шум. Такого гомона не было даже в лагере. Глаза разбегались во все стороны, архитектура зданий заслуживает отдельного описания. Опрятные дома, с претензией на роскошь тянулись по обеим сторонам улицы. Они стояли парами друг напротив друга, создавая симметрию, и в тоже время найти два абсолютно одинаковых не представлялось возможным. По улицам туда-сюда сновало множество людей, превращаясь в настоящий поток, не было никакой неспешности, как представлялось мне ранее. У всех было множество забот, которые они стремились выполнить до захода солнца. Из-за величины стен, территория находящаяся близко к ним, окуналась в сумерки раньше времени.

Будучи мальчишкой, я мечтал увидеть этот город, узреть воочию те чудеса, о которых читал в книгах. И вот я, еду по одной из улиц этого города. Голова моя не успевает вертеться, глаза разбегаются, от желания увидеть все и сразу. Однако наряду с восторгом возникает ощущение давления.

— Господин Мор — отвлек меня от граф Фальц — сейчас мы едем в мой дом, а завтра к обеду нам предстоит явиться во дворец к королю Грегору на церемонию награждения, поэтому с вас, сегодня снимут мерки и сошьют платье. Но прежде... поход был долгий и от горячей ванны я так думаю, не откажетесь.

Я залился краской. То, что от меня «попахивает», знал видимо даже мой конь, так как отворачивал морду, стоило мне приблизиться. Может и конвой держится подальше не потому, что опасается меня...

Настроение было слегка подпорчено и меня более не тянуло на любованье городом с такой неодолимой силой. Больше не хотелось пробежаться по улицам, разглядывая их чудеса, так как меня преследовал образ сморщенных в презрении носов, чистых и приятно пахнущих горожан.

На перекресте, Ланса повезли в другую сторону от нас, ко мне в руки с неба упал маленький аккуратно сложенный листок с надписью «От Ланса». Развернув его, я прочитал следующее — «Если понадобятся услуги мага или лекаря обращайтесь по этому адресу...».

Пожав плечами и спрятав, на всякий случай, записку в карман я вновь посмотрел на дорогу, а посмотреть было на что.

Мы быстро добрались до места, которое граф Фальц (не иначе как из скромности) назвал домом. На мой взгляд, это строение больше напоминало роскошный гостевой замок. В таком «домишке» свободно разместятся полтысячи человек и вряд ли почувствуют себя стесненными. Огромный парк, с лабиринтом из кустов какого-то растения, маленький пруд с лебедями, раскидистые кроны деревьев, с уютными беседками, стоящими в их тени. Ковровая дорожка, расстеленная прямо к копытам жеребца Фальца и множество слуг, готовых по одному лишь жесту исполнить желание своего хозяина. Я попал в сказку.

Завороженный происходящим, я как во сне спрыгнул с коня, у меня осторожно попросили уздечку кто-то из слуг и я растерянно отдал. Граф кинул пару указаний и меня, подхватив, повлекли куда-то в сторону. Потерявшийся от всего происходящего я безропотно шел туда, куда меня подталкивали ретивые слуги.

Вы когда-нибудь видели ванную глубиной в половину человеческого роста и величиной с небольшой деревенский двор? Я нет. Вода в ней была изумительной, горячей, но не обжигающей. Множество баночек, крынок и всяких непонятных сосудов стояло по краям, их назначение было более-менее понятным. Но зачем столько? У моей матери было всего четыре штуки и это уже считалось избыточным количеством. Погрузившись в воду так, что над поверхностью возвышался один нос, я расслабился и стал придаваться блаженству.

Едва на меня стала накатывать дрема, как по телу пробежали волны, и донесся необычайно объемный звук шагов. Я открыл глаза и сел. Возможно, я сделал это слишком резко, так как позади меня вскрикнул женский голосок и раздавал звонкий шлепок о пол. Протирая глаза, я развернулся, отчаянно стараясь разглядеть происходящее, сквозь льющуюся прямо в глаза воду. На входе в ванную сидела испугано-удивленно хлопающая глазами миленькая девушка в форме служанки. Падая, она перевернула небольшой таз полный воды, и теперь вся форма плотно облегалась стройное тело. Немая сцена продолжалась не долго, так как я встал, что бы помочь подняться девушке и даже сделал пару шагов к ней (она, кстати, почему-то поползла в сторону двери) и тут я догадался проследить за линией её взгляда...

Я жил весьма замкнуто и видел девушек только на улице закутанных заботливыми мамашами по самые уши во все возможные платья и ленты. Пожалуй, впервые в моей жизни я смог различить очертания женского тела столь явно. Долгие бесчеловечные тренировки, постоянное напряжение... не удивительно, что хватило малой икры, и случился постыдный казус. Блаженствуя в теплой воде и наслаждаясь комфортом, я совершенно позабыл о своей наготе и ринулся помогать, в чем мать родила. И вот теперь взгляд бедной служаночки был прикован к одной из сокровенных частей моего тела, ведущей себя совершенно неприлично.

Я сидел, уставившись в пол взглядом. Даже не напрягаясь, я видел, как алел кончик моего носа, о цвете моего лица было даже думать страшно. Сзади мою спину усиленно терли крепкие женские руки, и слышались постоянные смешки, изредка переходящие в громкий смех. Плотнo сжав ноги, я прикрывался руками, как мог, однако стоило губки спуститься в район поясницы, как меня начинал бить озноб. Все происходящее видимо весьма забавляло девушку, так как та заливалась громким смехом и продолжала меня мучить.

А ведь вначале мне показалось, что все обойдется. Как оказалось, граф специально прислал эту девушку вымыть меня и правильно намазать благовониями. Ну, вроде как дело понятное, это в походе он воин и предводитель, а тут аристократ и нюхать солдатские тела

сам и тем паче оскорблять подобным короля не станет. Именно это послужило причиной того, что ко мне прислали служанку лучше всех разбирающейся в таких вещах. На все мои возражения против помощи в столь деликатном деле, был один неоспоримый аргумент: приказ графа.

И вот теперь я вынужден сидеть тут терпеть это пытку, сгорать со стыда, не в силах что-либо изменить. Не знаю что хуже, запредельное напряжение мышц в некоторых местах или несмолкаемые смешки со стороны одной особы. Какие боги дали мне сил это вытерпеть, мне не ведомо, но я смог продержаться до того... как она принялась натирать меня. Мягко и не торопливо ладони скользили по моей спине, старательно втирая какую-то пахучую мазь. Слегка задержались на плечах и медленно скользнули мне на грудь.

— Господин Мор, уберите руки, мне нужно натереть джалом вас всего — смешков я не слышал уже с минуту, а голос, казалось, изменился, стал ниже и слегка хриловатым. На шею я ощутил горячее дыхание.

Надо быть каменным человеком, что бы проигнорировать подобные действия, а я не был...

С воплем вскочив с табуретки, я рванул в сторону большой лохани с холодной водой, прыжок и, расплескав половину содержимого, я окунулся с головой. Холод кусал и терзал кожу со всех сторон, но, не смотря на это, места где её касались девичьи руки, горели огнем. Под водой до меня доносились удивленные возгласы и звуки собственного имени. Холодная вода подействовала на меня благотворно, постепенно убирая напряжение из мышц и успокаивая разум. Я вынырнул из лохани только тогда, когда легкие стали гореть от нехватки воздуха. Все тело было покрыто «гусиной кожей». Служанка была по-прежнему здесь. От чего кровь снова прилила к щекам, и я как можно быстрее направился к одежде.

— Мы еще не закончили! — решительно сказала, направляясь ко мне девушка.

Я заметался как раненый зверь, не зная, что именно мне предпринять. С одной стороны — я никогда не сражался с женщинами, с другой не хотелось конфликтовать с графом (я и так доставил ему кучу неприятностей, за которые меня уже можно было десять раз казнить), а с третьей... я ничего не мог поделать со своим телом, и смущение сжигало меня изнутри. Не в первый раз за свою жизнь я оказывался в положение, где мне оставалось только сжать зубы и набраться терпения, утешая себя мыслью, что все когда-нибудь заканчивается...

* * *

Я поднимался по лестнице вверх. Новая одежда казалась неудобной, она стесняла движения. Множество ненужных лент, бантов и рюшечек, были нелепы. Хотя на аристократах смотрелись уместно и изысканно. Все что мне пришлось вытерпеть и вынести я не пожелаю никому. После того как меня закончили натирать благовониями, я попал в руки портного. Сухонький старичок вертел меня и так и сяк, громко возмущаясь тем, что у меня откушено ухо, и оно портит всю композицию. Мерки снимались обстоятельно, все те движения, что мне пришлось выполнить, больше напоминали замысловатую гимнастику, нежели снятие мерок. После получив комплект одежды, я запутался в том, как все это одевается и где застегивается и пришлось прибегнуть к помощи. Как назло это оказалась та самая служанка, что приводила меня в порядок в ванной...

Я остановился перед большими двусторчатными, украшенными резьбой и

драгоценными камнями дверьми, они больше подходили для тронного зала, нежели для столовой, наверняка я просто заблудился во всех этих переходах.

— Господин Мор — словно из ниоткуда появился подле меня мужчина средних лет, одетый в ливрею слуги. — Прошу, Вас уже ожидает граф Фальц с домочадцами.

Двери распахнулись передо мной, являя моим глазам большой зал, освещенный огромной люстрой с множеством свечей. Посреди помещения находился длинный стол, накрытый на семь персон. За столом восседал хозяин дома, слева от него сидела, молодая женщина, круглое лицо было обрамлено двумя ниспадающими прядями каштановых волос, голубые глаза смотрели вежливо и цепко, прямая спина, разворот плеч, от нее прямо таки разило властностью и силой. Когда её взгляд упал на меня, то губы на мгновение сжались, выдавая непонятное мне недовольство. Помимо вышеописанной пары за столом так же находились двое статных юношей и две леди, одной из которых едва ли исполнил шесть лет отроду. Стол словно был разделен на мужскую и женскую половину. В самом конце мужской стороны стоял пустое место.

— Рад видеть вас господин Мор — вежливо обратился ко мне Фальц. Мне так и не удалось привыкнуть к подобному обращению, тем более со стороны графа — Прошу вас садитесь, сейчас начнется ужин. А пока есть время, я хочу представить вам мою семью. Это моя жена Азель. — Легкий кивок в сторону женщины сидящей слева — А это мои сыновья Ролан и Бриз. — Парни по очереди кивнули мне. — И мои горячо любимые дочери Анна и Люсия — легкий наклон головы от девушки и высунутый язык от малышки. Последнее вызвало светлую улыбку у графа, а вот мать, нахмурившись, строго взглянула на дочку, одним только этим заставив девочку виновато опустить голову.

Не успел кончиться представление членов семьи графа, как в зал стали входить слуги и расставлять тарелки с едой на стол. Мой живот дико заурчал, едва я учуял аромат супа. К лицу прилила краска, а девушки прыснули в кулачки, чем вызвали еще один строгий взгляд матери. Мне было жутко неудобно за случившийся казус, в глаза графини я явно упал до уровня дикаря, только что покинувшего стойбище родного племени. Старательно следя за тем, как и что, берут аристократы, я старался повторять за ними тоже самое, но к моему удивлению, ничего особенного я не заметил, не было ничего такого, чему не учили бы меня родители. Все ели неспешно, маленькими, я бы даже сказал, птичьими порциями, и мне приходилось следовать примеру, хотя дай мне волю, я бы просто выхлебал суп из тарелки, не прибегая к помощи ложек и прочих условностей. Когда черпать было нечего, я застыл, не зная, что предпринять.

У всех сотрапезников в тарелки оставалось еще как минимум треть, когда они жестом приказали сменить блюда. Неужели им этого хватило? Там же и так есть нечего было! Насколько я помню, граф в походе ел не меньше чем все остальные воина (за исключением разве что Крама). Следующим блюдом оказалось пюре с рябчиками и какими-то соусами. Подали вино. Трапеза продолжилась в том же тягостном молчании, одно хорошо, мой живот умолк, хотя голод казалось, и не думал уменьшаться.

Только когда было закончено и со вторым блюдом (у всех кроме меня опять было не доедено) граф заговорил:

— Господин Мор, я надеюсь, что в нашей бане вам удалось хорошо расслабиться и скинуть напряжение после столь долгих месяцев изнурительных тренировок.

Фальц что издевается? Кровь прилила к лицу с такой силой, что я смог это различить даже в едва заметном отражении на коже яблока, а ведь оно тоже было красным... Какое

тут расслабиться, особенно если тебя голого натирает молоденькая привлекательная девушка! И тут до меня дошло. Мне приходилось слышать пару раз о некоторых способах «сбросить напряжение». Видимо я заалел настолько, что граф не на шутку взволновался, а вот Анна прыснула так, что едва не перевернула бокал. Прижав руки к губам, она старалась сдержать смех, и медленно краснела, сотрясаясь в беззвучном хохоте. Даже строгий, негодующий взгляд матери не смог остановить юную леди. Парни, наблюдавшие эту картину, тоже, после безуспешных попыток сдержаться, разразились хохотом, но закрывать рот ладонями, как это сделала их сестренка не стали. Даже ничего не понимающая Люси и та была подхвачена общей волной веселья. Я мечтал провалиться сквозь землю, за столом смеялись уже все, разве что графиня метала взгляд один страшнее другого, но все безрезультатно. Пожалуй, за этим столом было всего два человека, которые не видели в этом смешного или хотя бы забавного.

— Скажите, а, правда, что вы победили всю лиданийскую армию? — когда смех утих, спросила меня Анна.

— Сестра, не стоит задавать такие вопросы — это не очень вежливо — укорил девушку Ролан, но при этом смотрел на меня с любопытством, явно ожидая ответа не меньше сестры.

— Нет — я покачал головой — не правда. — На лицах детей выступило разочарование — Я только прорвался к магам и отвлек их на себя.

Слушатели настраивались на другую историю, полную героизма и небывалых свершений, и мои слова стали для них разочарованием.

— Господин Мор, видимо в силу своей природной скромности забыл упомянуть о том, что между ним и магами находилось крыло тяжелой кавалерии и голема — две пары горящих глаз уставились на меня. Девушка взглянула на меня с интересом. Мне стало неловко, парни явно хотели узнать подробности, но вот лично мне совсем не хотелось вспоминать произошедшее.

Меня выручили следующие слова Фальца:

— Наш гость с дороги устал, потому мы не станем утруждать его излишними расспросами. Завтра будет трудный день.

Я встал, и с благодарностью поклонился графу, простившись со всеми присутствующими, пошел за знакомым слугой в отведенные мне покои.

Комната оказалась большой, насколько я уже понял, в этом замке вообще не было маленьких помещений. Строилось здесь все с королевским размахом. В посреди комнаты стояла кровать, на которой свободно могло бы уместиться и три далеко не самых маленьких человека. Я стоял, недоуменно озираясь, все это было мне в новинку, а много и вовсе не понятно. Вот скажите мне: зачем нужны десять подушек одному человеку? Или три одеяла?

— Сейчас придет Лиза и поможет вам приготовиться ко сну, она на то время пока вы гостите, приставлена к вам в услужение. Если буду какие-то пожелания, можете вызвать её вот этим колокольчиком — продолжил инструктировать меня мужчина — если она не будет иметь возможности их исполнить, то свяжетесь со мной. Покойной вам ночи.

Откланявшись, слуга покинул комнату, оставив меня в недоумении. Что значит приготовиться ко сну? Чего тут такого сложного? Скинул одежду и лег в кровать, велика наука. Решив не дожидаться служанки, я стал раздеваться и тут, на меня снизошло понимание, зачем мне нужна помощь... Я запутался во всех этих завязках и рюшечках. За этим безнадежным делом и застала меня служанка... Ею оказалась та самая девица, что мыла меня в ванной.

Кровь стремительно прилила к щекам. Видимо мой вид был настолько нелеп, что Лиза не выдержав, захихикала. Я сконфуженно опустил руки, предоставив ей разбираться в хитросплетении всех этих лент и бантов.

— Господин Мор, а что же вы так быстро удалились из ванной? — спросила меня девушка, стаскивая камзол — Мне показалось, что вы были не против провести там еще немного времени, а может даже много...

Рубашка спала с моих плеч и служанка уже нацелилась на завязки штанов, но была решительно мной остановлена.

— Благодарю за помощь, но дальше я и сам справлюсь — твердо (мой голос вроде даже не дрожал) сказал я девушке.

— Но!..

— Дальше я сам! — конфузов и смущения мне и так на год вперед хватит, не хватало, что бы и тут еще опозориться.

Пожав плечиками, вроде как даже обиженно, Лиза покинула комнату. Задув свечи я забрался в кровать.

Стоит ли говорить, что улегшись в постель, я не смог сомкнуть глаз. Ночь была безоблачной, луна была мне хорошо видна из кровати, и от делать нечего я смотрел на неё. Сон все не шел, напряжение не куда не делось, хотя девушка давно покинула комнату, мысли постоянно возвращались к ней. Я не дурак и не тугодум, как могло показаться со стороны. Мне все было прекрасно понятно, что принято делать с подобными служанками, особенно когда они вовсе не против. Но что-то внутри меня не давало совершить подобного. Может дело в воспитании, а может в том, что перечитал рыцарских романов, где все было возвышенно. Ранее мне думалось, что всю эту дурь выбили лагерь и сражение, но все оказалось не так просто. Не легко отказаться от мечтаний о большой и светлой любви, о том, что я, как герой романов, смогу дождаться свою единственную и неповторимую.

Не вытерпев безделья, я встал, наскоро натянув штаны и накинув рубашку, осторожно выскользнул в коридор. Мне хотелось выйти в сад прогуляться, развеется, полюбоваться природой, которая, не иначе как с помощью магии, тут не подверглась влиянию наступающей зимы.

Снаружи никого не оказалось, длинный коридор освещаемый свечами, был сумрачен и темен, навевая впечатления заколдованного лабиринта. Осторожно продвигаясь по нему, стараясь не издать лишнего шума, я старался найти выход в парк. Проходя мимо одной из двери, я случайно услышал голосок Лизы и замер. Разговор шел обо мне.

— Представляешь, я сижу вся такая растерянная, он на меня идет, а у него... — о женщины! Язык ваш острее всех мечей. Появилось желание войти и заткнуть ей рот...

— Ух, ты! А ты что? — воскликнул другой любопытный голос, принадлежащий тоже девушке.

— Ну а что я могла сделать? — сколько невинности в голосе, сколько безысходности.

— И он тебя...

— Он весь стал красным — слушательница ойкнула, я просто не знал что делать. — Ты не поверишь, он оказался девственником!

— Да ладно?! — товарка Лизы была шокирована резкой сменой повествования, она явно ожидала более пикантного продолжения.

— Он спрятался от меня в лохани с холодной водой, а потом мне с трудом удалось натереть его джалом. А как он покраснел, когда я стала заканчивать... — Лизи тихонько

захихикала, явно стараясь не сорваться на хохот во весь голос. — Он как большой ребенок, все тело в шрамах, а смущается, как девчушка едва увидит меня. А мне еще говорили с ним быть осторожной, выполнять все его указания, какие бы они не были, даже если прикажет лечь под... — челюсть моя просто отвисла, о таком я даже не слышал, ну и мерзость, да как до такого вообще можно додуматься! — Вроде как он берсерк, но знаешь, по-моему, это очередные игры господ.

— Ух, ты! Покажешь мне его? Ну, хоть одним глазком. — Голос любительницы сплетен стал умоляющим.

— Так он сейчас спит, вот проснется, тогда и налюбуйешься.

— Да ты мне только в щелочку покажи, от тебя не убудет!

— Ну ладно — Лизе явно доставляло удовольствие, когда её умоляли и упрашивали — Только тихо и только в щелочку!

— Конечно-кончено! Как скажешь.

Шуршание платьев, заставили меня отпрянуть от двери. Мой взгляд заметался в поисках укрытия и практически сразу зацепился за небольшую тумбу, на которой стояла разукрашенная ваза. Вот за неё-то я и укрылся, сделал я это как раз вовремя, едва присел, как дверь распахнулась, и оттуда на цыпочках выкрались две девушки, так как они стояли ко мне спиной, я не смог разглядеть лицо любительницы пикантных подробностей. Шелест и перешептывание быстро удалялись. Осторожно выглянув из своего укрытия, я, убедившись в том, что опасность миновала, отправился дальше. На душе было как-то гадко, будто меня предали.

Я довольно быстро нашел выход для слуг, и вынырнул в ночную прохладу. Парк, утопающий в ночи, скрашенной серебром лунного света, завораживал и отгонял плохие мысли, навевая легкую грусть и спокойствие. Я медленно брел между кустами лабиринта. В центре этого растительного царства, высилось раскидистое, могучие дерево, вот к нему-то я и держал путь. Легко касаясь кончиками пальцев листьев, я любовался удивительной гармонией созданной руками умелого садовника. Тело и разум остыли, расслабились, и я погрузился в мечтательное состояние. Довольно быстро дойдя до цели, я уселся под гигантом и устремил взгляд на луну. Сегодня случилось много странного и нелепого, я увидел столицу, оказался в замке графа, обедал за одним столом с аристократами, оказался темой для сплетен местных служанок. А ведь это мой первый день Солнечном Дворе...

Я не заметил, как погрузился в сон.

* * *

Сквозь сладкий сон я с трудом различил тихий голос:

— Господин Мор... Господин Мор...

Медленно разлепив глаза, я уставился мутным взором на знакомого слугу.

— Пора вставать, вы скоро отправляетесь на прием к королю, надо привести вас в порядок и приодеть.

Поднявшись, я с удивлением огляделся, оказывается, я заснул прямо в парке и как они меня нашли? Солнце только стало подниматься над горизонтом, окрасив небосвод в пламенеющие цвета. Я с хрустом потянулся и пошел за слугой.

Сперва я попал в ванную, только в этот раз, благоразумно запер её изнутри, мое

омовение прошло спокойно и без эксцессов. Потом меня одевали в сшитый (ни как за ночь) на меня костюм, и вот тогда-то я понял, что на вчерашнем одеянии рюшек и бантов было неприлично мало. Принесли большое зеркало, в котором мне позволили осмотреть себя. Впечатления? Весьма противоречивые. С одной стороны на мне был наряд, в котором ходили аристократы и сидел на мне так, будто я в нем родился, а с другой, все это на мне смотрелось столь нелепо, что показываться на людях и тем более перед королем не было ни какого желания. Но вошедший граф Фальц довольно улыбнулся и произнес:

— Ну вот, теперь я вижу, что вы готовы идти на прием к Его Величеству. Вы отлично потрудились мэтр Зарн, ваша работа как всегда великолепна. Господин Мор у вас все дела улажены?

Я утвердительно кивнул головой.

— Тогда нам пора отправляться, следуйте за мной — граф развернулся и вышел.

Внизу нас ждала карета, самая настоящая карета, я такие уже видел только издалека, а тут мне представился шанс проехаться, да не на простой, а графской, с гербами резьбой на дверце и прочими неотъемлемыми атрибутами.

Когда я влез вслед за герцогом, то увидел внутри его семью в полном составе. Я попробовал вежливо поклониться, но из-за тесноты у меня получилось, нечто отдалено смахивающие на извивание змеи. Я присел в уголок и старался не привлекать внимания, что у меня совсем не вышло. Меня постоянно пытались втянуть в разговор о бессмысленных вещах. Точнее, это я не видел в них смысла. В тех витках речи я не понимал и половины, все было слишком запутанно, разговоры о погоде, сменялись на обсуждение урожая в этом году, вскользь упоминалось пару имен, отношение которых к посевам или погоде я не сильно уловил. Однако глядя на них, я видел, что они прекрасно знаю, о чем идет речь. Я тоже не дурак, но что бы понимать Аристократов, нужно родиться одним из них, даже маленькая Люсия участвовала в обсуждении. Если меня спрашивали, то я отвечал, но видя, как морщит носик Анна, а в глазах графини Азель мелькает что-то такое, как у благородных, к которым обратился сиволапый крестьянин, я понял насколько между нами большая пропасть.

Наконец карета остановилась, и я смог выбраться наружу. Высокие стены дворца были ослепительно белыми и ровными, ни каких украшений и резьбы тут не было, но они в них и не нуждались. Высокая арка входа находилась примерно в ста метрах и к ней вела длинная широкая лестница. Высокие шпили башен едва можно было разглядеть снизу, а какой парк...

— Господин Мор, нам следует поторопиться — вырвал меня из созерцательного состояния граф.

Мы поднялись вверх. Граф и его супруга ступали степенно и величественно, их сыновья излучали уверенность и нетерпение, даже маленькая Люсия старалась не ударить в грязь лицом. Пристроившись в хвосте, я старался не подвести аристократов и держаться достойно.

Когда мы зашли, нас встретило множество взглядов придворных. Граф и Азель подходили и приветствовали одних, другие сами искали встречи с ним. Перекинувшись парой слов, поинтересовавшись здоровьем и успехами, они шли дальше:

— Я рад вас видеть живым и здоровым граф. Говорят, у вас была жестокая заварушка?

— И я рад приветствовать вас князь. Как жаль, что мне не удалось присутствовать на свадьбе вашей дочери, но — граф развел руками в жесте беспомощности — сами понимаете, война не будет ждать, даже такого знаменательного события.

И так далее, я не успевал запоминать ни имен, ни лиц, так много их было, они кружились в калейдоскопе князей, маркизов, виконтов графов и так далее. Коридоры и залы

мелькали, поражая своим великолепием и красотой. Такого множества аристократов я не видел за всю свою жизнь. И вот, наконец, мы поднялись к тронному залу, об этом мне, шепотом сообщил Ролан.

Около сорока людей находились в ожидании, когда же двери распахнутся, и мы сможем попасть к королю на празднование победы. Разбившись на небольшие группы они негромко вели беседы. Мы тоже недолго оставались в одиночестве. Подошедшая чета во главе очередного князя, завели разговор с графом, после обычных приветствий, граф представил и меня:

— Имею честь представить вам господина Мора, это тот самый юноша, который переломил битву.

— Рад с вами познакомиться — улыбнулся князь Харл — для меня честь приветствовать первого берсерка за последние триста лет. Вы уже вошли в историю, самим фактом своего рождения, я буду с интересом следить за вашими успехам.

Этот князь явно был сильным воином, сухое поджарое тело, ладони покрытые мозолями от рукояти меча, острый взгляд. С ним были его жена и старший сын. Наследник выглядел под стать отцу, высокий, поджарый, с цепким взглядом и немного угрюмый. Ему, как и мне, все эти разговоры были не особо интересны, но мы оба были вынуждены присутствовать тут. От нечего делать, я украдкой рассматривал аристократов.

На первый взгляд, казалось, что тут собрались старые друзья, почти все улыбались друг другу, вежливо общались, регулярно слышался смех то с одной, то с другой стороны. Не знаю почему, но у меня возникло чувство какой-то фальши, сам воздух был тут иным.

Говорят, глаза зеркало души. Так вот, редко в глазах кого-либо из присутствующих, можно было хоть что-то прочесть. Мне было очень не уютно, время тянулось долго. Граф и князь настолько увлеклись разговором, что забыли и моем присутствии. Её Светлость Азель с дочерьми примкнули к небольшому кружку дам и что-то тихо обсуждали. Безделье вынудило меня заняться обследованием местной обстановки, проще говоря, я стал медленно ходить вдоль стен и окон, рассматривая их украшения. Здесь были собраны поистине прекрасные гобелены и витражи, повествующие о великих битвах и знаменательных исторических событиях. Я не мог не отметить того факта, что они стояли в порядке развития истории нашего королевства. Оторвавшись от просмотра очередного шедевра, я украдкой бросил взгляд на графа, сказать, что увиденное мне не понравилось, значит неприлично смягчить. Практически все собравшиеся тут, следили за мной, пусть и украдкой, однако были и те, кто смотрел на меня как на какого-то диковинного варвара, которому не место в столь благородном обществе. Все это создавало ощущение, что я не человек, а диковинное животное в зверинце короля.

Мое недовольство росло, и не известно во что оно могло бы вылиться, если бы двери не распахнулись и не положили конец нашему столь долгому ожиданию.

Высокий человек — церемониймейстер, пригласил всех присутствующих проходить внутрь зала. Он громко выкрикивал имя и титул каждого кто входил туда:

— Граф Северных Просторов Берг Диронг с сыновьями, Герцог Кририанский Руфог Сивойк с супругой...

Мы стояли едва ли не самыми первыми, поэтому я внимательно слушал, ожидая, когда же представят нас.

— Граф Фальц Баер с супругой и детьми, простолюдин Мор Биндж герой сражения Пограничного Поля.

На меня и так бросали частые взгляды, а тут уставились разом все, кто уже находился в зале, мне стало столь неуютно, что захотелось оказаться как можно подальше от этого места. Всеобщее внимание штука очень болезненная и неудобная.

К моему удивлению, трон был пуст, я готовился увидеть величественного монарха восседающего на нем и внимательно наблюдающего за всем вокруг, в крайнем случае, выступающего в роли судьи, ну да конечно это все еще сказываются те сотни рыцарских романов, что я прочитал, будучи глупым мальчишкой.

Зал быстро заполнялся, сюда входили десятки дворян с семьями, все они жаждали лицезреть короля и наверняка мечтали обратить на себя его высокое внимание. Однако я не ожидал увидеть одного человека, ненавистного мне до самой глубины души, из-за его мерзости, я даже как-то забыл о его принадлежности к высшему сословию. Виконт Фрайн — эти два слова, произнесенные церемониймейстером заставили сжаться мои кулаки, а зубы заскрежетать.

В моей памяти мгновенно всплыли воспоминания о всех издевательствах, что он учинил надо мною. Шрамы на спине зачесались. Как-то разом вокруг стихли разговоры, и люди бочком стали отодвигаться от меня. Граф Фальц мгновенно подскочил ко мне и, осторожно положив руку на плечо, тихо сказал:

— Мор, прошу тебя, успокойся, мы во дворце у короля, у тебя еще будет много шансов свести с этим поддонком счеты.

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул, немного полегчало, желание убить не прошло, но стало терпимым. К счастью Фрайну хватило ума быстро затеряться в толпе и лишний раз не искушать одну очень ветреную даму, имя которой — Судьба.

* * *

Я стоял и нервничал, король Грегор лично награждал участников сражения. Это была очень пышная церемония, хоть в чем-то книги не ввали. В тот момент, когда он появился в сопровождении королевы, сыновей и дочерей я забыл обо всем на свете. Это был высокий мужчина, статный с небольшой проседью, небольшой золотой обруч легко покоился на его челе. Голубые пронзительные глаза мигмом охватили весь зал, мне показалось, что на мне его взгляд задержался на какое-то лишнее мгновение. Я уверен, что действительно показалось, слишком это было неуловимо, да и с чего ему смотреть на меня дольше, чем на остальных. Неброский, строгий костюм, с минимум украшений и рюшек, не пестрящий золотом и камнями, выгодно подчеркивал его властное, благородное лицо. На фоне придворных, собравшихся здесь, он выглядел настоящим волком, среди беспокойных петухов, разряженных в яркие перья. Лишь немногие подобные графу Фальцу и князю Харлу, смотрелись, словно частью его стаи, а остальные... так, падальщики, мечтающие поживиться остатками пиршества.

Королева идеально подходила супругу. Мягкий, но строгий взгляд зеленых глаз, внимательно наблюдал за нами, длинные золотистые волосы, казалось, принадлежали молоденькой девчонке, хотя ей уже давно минуло за двадцать, небольшие морщины в краешках глаз придавали строгое и одновременно ласковое выражение лицу.

Принцы и принцессы, были самыми обычными детьми, разве что, чуть заносчивы и одеты в атлас.

Король не разводил долгих речей, он просто поприветствовал всех собравшихся и поздравил страну с очередной великой победой. Я сразу понял, что сегодня явно не увижу обычный королевский прием, так как государь не собирался разбирать тяжбы или общаться с народом, он просто пришел наградить достойных.

— Эта победа показала всем нашим врагам, что сегодня мы сильны как никогда! — громовым голосом вещал стоя у трона, король Грегор — Благодаря мужеству и самоотверженности наших солдат, мы смогли остановить вторжения врага на наши земли! В тот миг, когда враг ударил по нашим рядам, люди, к которым давно намертво прилипло клеймо отребья, показали, что такое храбрость и верность стране. И по сему! Я сдержал свое слово, они получили полное прощение, и жалованье, как самые обычные солдаты, коими они в итоге и стали. Но не стоит забывать, что наши враги не успокоятся, пока дышат! И всякий сочувствующий им, пожнет то, что посеял! Верные же сыны Норвэла, будут награждены по заслуге, их имена прославятся в веках!

Сразу, как только король замолчал, главный глашатай стал громко зачитывать длинный список:

— Граф Фальц Баер — граф сразу вышел вперед и строя — за неоценимый вклад в победу награждается «Стальным Мечом»!

Граф вытянувшись по стойке «смирно» наблюдал, как король берет с бархатной подушечки блестящий стальной медали и прикрепляет к его костюму.

— Так же Граф Фальц награждается орденом «Алмазная звезда» — по рядам собравшихся пронесся изумленный гул — за огромный вклад в налаживании союзнических отношений и укреплении военной мощи страны.

— Служу Норвэлу и королю!!! — гаркнул в ответ граф Фальц.

Мои глаза едва не выскочили из орбит, так сильно я распахнул веки. За всю истории этой чести удостоились только три человека, и мне выпала удача увидеть четвертого! Что же он такого свершил, Империю, что ли, к ногтю прижал?

Я был так поражен и так внимательно всматривался в графа, что пропустил все последующие награждения и очнулся только когда услышал и вовсе невероятное.

— Виконт Фрайн! Награждается «Золотым Щитом», за великолепную подготовку военных кадров!

— Служу Норвэлу и королю!!!

Меня аж затрясло от зрелища награждения этого ублюдка. Это его-то награждать! Это порождение грязного соития бабки Брукха с самим Брукхом?!! Да я его сейчас уничтожу!!!

Чья-то ладонь стиснула мое плечо с такой силой, что мне послышался треск. Я уже хотел развернуться и посмотреть на наглеца, как случилось такое, от чего вся моя злость исчезла без следа, смытая потрясение от прозвучавшей фразы из уст главного глашатая:

— Простолюдин Мор Биндж!..

— Простолюдин Мор Биндж! — эта фраза эхом гуляла в моей голове, и ни как не могла найти место, где сумела бы приткнуться, она попросту не помещалась в моем сознании.

Меня буквально вытолкали в шею из толпы, рот мой был позорно открыт, словно у дурачка наблюдающего за действиями фокусника на ярмарке.

Я потрясенно смотрел на короля, стоящего от меня всего в пяти шагах. Младший из принцев, совсем еще ребенок, лет двенадцати от силы, подошел к подушечке.

— Награждается знаком «Берсерка»!!! И получает титул виконта! А также зачисляется в личный королевский отряд «Стальные Лисы»! Король награждает виконта Мора Бинджа

денежной премией в размере трехсот золотых!!!

Принц брал по очереди названные награды и вешал мне на грудь, а я так и стоял, плясая с открытым ртом то на короля, то на принца. Словно во сне я принял в руки какую-то бумажку и тяжеленный замшевый мешочек.

Наступила тишина. Я смотрел на короля, он (да и все прочие) смотрел на меня. Постепенно уголки губ короля стали подниматься вверх и тут до меня дошло!!!

— Служу Норвэлу и королю!!! — от волнения я заорал так сильно, что на середине фразы дал «петуха».

Краснея, словно голая девица, по ошибке попавшая в мужскую баню, где мылась рота солдат, я с ужасом и стыдом наблюдал, как король смеется...

Весь дальнейший прием, прошел для меня как в тумане, очнулся я только на выходе из дворца. Спускаясь по ступенькам, я зачарованно смотрел на грамоту, подтверждающую мое дворянство. Теперь я виконт! Так же мой взгляд то и дело перемещался с свитка на тяжелый мешочек. Триста золотых это гигантская сумма, да я на неё могу полгорода купить, не Солнечного Двора, конечно же, а своего. Да на неё можно все! Даже оплатить услуги мага-лекаря для омоложения организма моих родителей. И тут меня осенила мысль! Ведь я могу теперь вернуть руку Салеку, загладить хоть как-то мой поступок, ведь перед ним я в неоплатном долгу. У меня сегодня явно удачный день, потому что дельные мысли приходят одна за другой. Я вспомнил записку от Ланса и адрес, по которому он проживает, так что даже знакомый маг у меня есть, какая удача, что он мне её дал.

— Осторожнее виконт Биндж! — вовремя подхватил меня Фальц, я так размечтался, что едва не покатился по лестнице.

— Большое спасибо — смущенно пробормотал я — Граф Фальц, мне срочно нужно отлучиться по одному делу. Можно?

Как-то странно посмотрев на меня, граф уточнил:

— По какому такому делу?

— Очень срочному — промямлил я жалобно — мне вот деньги дали... и я вот решил... в общем хочу Салеку руку вернуть, теперь я смогу заплатить.

С каждой фразой я говорил все тише.

— Ну что ж — с какой-то непонятной интонацией произнес Фальц, доставая маленькую записную книжечку и что-то в ней черкая — вот адрес хорошего мага-лекаря, он меня лечит. Я дам тебе воина, он проводит.

— Да не надо, я знаю к кому обратиться, и провожатого не надо — мне совершенно не хотелось идти к Лансу с графским воином, не думаю, что его это обрадует. Более того, присутствовала уверенность, что хорошей взбучки мне в этом случае не избежать — я хотел бы прогуляться в одиночестве.

— Ну как знаешь — неопределенно пожал плечами Фальц.

Выйдя за ворота королевского двора и пройдя с сотню шагов, я понял, что совершенно не представляю, куда мне идти, где находится эта Зеленая улица дом пятнадцать. Но как говорить язык и до Чертогов Богов доведет. Поэтому, не откладывая дело в долгий ящик, я стал расспрашивать прохожих и напутсуясь их наставлениями двигался к своей цели. Единственной странностью во всем этом было то, как со мной разговаривали. Вежливо, некоторые и вовсе кланялись и называли меня господин и постоянно косились на мою грудь. Я долго ломал голову и пришел к выводу, что во всем виновата моя одежда, видимо в ней я выгляжу аристократом.

Как раз в тот момент, когда я разгадал причины столь почтительного отношения к моей персоне, передо мной оказался искомый дом. Хотя, как и в случае с поместьем графа Фальца, его сложно было назвать домом, скорее миниатюрный дворец, пусть он и уступал вышеназванному строению, но так был так же не менее великолепен. Большой фасад из белого мрамора, украшали причудливые узоры, свитые плющом под руководством умелого садовника, прилагался и маленький парк, даже ворота были украшены позолотой.

Робко и нерешительно я подергал странный колокольчик, который не звенел. Однако

те, кому надо услышали, так как не прошло и минуты, как из дверей дома появилась милая служаночка и, отворив ворота сказала:

— Господин Ланс вас ожидает, пройдемте за мной.

Недоуменно хлопая глазами, я двинулся следом за покачивающей бедрами девушкой, невольно прикипев взглядом к тому месту, что начинается пониже спины, уж больно зрелище было увлекательным. Так за любованием местными красотами я и не заметил, как оказался в небольшой уютной комнате, где развалившись в мягком кресле, обретался хозяин дома:

— Привет Мор, как жизнь? Не ожидал увидеть тебя так скоро — оторвавшись от толстой книги поприветствовал меня маг — какими судьбами?

— Добрый день виконт Ланс — я замялся, не зная, как именно лучше поведать о цели своего визита — у меня как вам личное дело.

— Ну-ну — подбодрил меня лекарь.

— В общем, у меня такая ситуация. Другу моему надо руку вырастить, он потерял её в бою, — мне было стыдно признаваться, при каких обстоятельствах это случилось и самое главное о моей роли в этом — а кроме вас я никого из магов-целителей не знаю.

— Давай переждем на ты — неожиданно предложил мне Ланс — все таки теперь ты виконт и всякие выканья можно отбросить, а то это так утомляет.

— Давайте — недоуменно ответил я, не совсем понимая о чем идет речь.

— Давай.

— Прочтите что? — захолопал я глазами.

— Прости что — снова поправил меня маг — раз решили перейти на ты, то начинай уже привыкать.

— А? Да, конечно, у меня вот и деньги есть — протянул я ему мешочек.

— Это ты брось и хватит уже стоять, падай сюда — указал на кресло стоящее напротив него целитель. — Я с тебя возьму другую плату и взамен не просто руку выращу, а проведу полную реабилитацию организма твоему другу.

— А чем же я могу еще заплатить? — весь этот разговор стал мне казаться каким-то ну очень странным.

— Деньги меня не интересуют особо, а в твоём случае так и вовсе было бы преступлением брать их в уплату. Я хочу договориться с тобой о проведении опытов.

— Каких еще опытов — я заподозрил неладное.

— На тебе, конечно же. — Расплылся в улыбке Ланс и, не давая и слова вставить, скороговоркой продолжил — Не беспокойся, ничего опасного или болезненного, поверь, я не стану делать что либо, не объяснив суть действий. Кроме того, ты будешь еще должен мне услугу, любую.

— Э нет — даже мне было понятно, что такое обещание давать глупость несусветная — я конечно уверен, что ты человек честный и благородный, но все же я не могу такое слово дать, а ну как тебя пленят или еще чего и заставят меня делать что-нибудь мерзкое. Да и всю жизнь ходить к тебе на опыты я не хочу.

— Ну хорошо-хорошо — замахал руками Ланс — давай заключим магическую клятву. Ты в течение года, при посещении столицы будешь ходить ко мне для проведения опытов и взятия анализов, и оказываешь одну любую услугу, которая не навредит тебе или королевству прямо или косвенно. Согласен? Поверь, я так все сделаю, что твой друг, до конца своей очень долгой жизни будет в ноги тебе кланяться и следы твои целовать. Не один

маг не станет так надирать, как я из-за этой сделки.

Меня после его пламенной речи, все еще мучили сомнения в правильности такого поступка, но и цена казалась мне не слишком высокой за возможность вернуть свой долг другу.

— Ладно — решившись, махнул рукой я — согласен, давай заключать.

— Сая!!! — заорал во все горло маг — Немедленно тащи два бокала и красное гаянское. — И потянувшись, сказал — Ну что, готов? Тогда произноси за мной...

Едва отзвучали последние слова клятвы, как появилась та самая служанка и, поставив перед нам бутылку с парой бокалов, удалилась так же тихо, как и пришла.

Заметив мой взгляд, провожающий Саю, а точнее одну определенную часть её организма, Ланс заговорщицки поинтересовался:

— Хочешь? Могу одолжить, тут есть отличная спальня, пусть будет бонусом с моей стороны к нашей сделке.

— Нет, что ты, что ты!!! — замахал я руками в ответ, стремительно наливаясь краской, мне было сложно представить, как вот так можно взять и воспользоваться девушкой как вещью, пусть, даже если она не против.

— Ну как хочешь — пожал плечами маг — было бы предложено, а дальше твоя воля, хотя должен тебе сказать, зря отказываешься, она такая умелица, не в одном бордели не сыщешь.

Выпили. Вино оказалось очень вкусным, но едва я сделал последний глоток, как маг изменился в одно мгновение, вот лежит ленивый, разнеженный аристократ в кресле, а через миг, на меня смотрит хищник учуявший добычу.

— А теперь, согласно нашему договору, я хотел бы для начала взять у тебя кровь, слюну и еще кое-что на анализ.

Теперь понятно, почему он ждал, а то бы все его вино оказалось на отличном ковре, я-то умудрился даже воздухом поперхнуться.

— Что? Вот так сразу? — постучав себя кулаком в грудь, спросил я.

— А чего тянуть? — удивленно посмотрел на меня собеседник — Сейчас быстро возьму жидкости и гуляй свободно до следующего раза, мне на недельку другую должно хватить.

* * *

Когда я вышел от Ланса, меня немного пошатывало, маг при взятии крови не скупился и выкачал из меня столько, что закружилась голова. После этого налил бокал вина и выпроводил вон. Постояв за воротами немного в растерянности, я покрутил головой, не зная куда направиться. Дорогу ко двору короля я помнил, но вот туда-то мы ехали в карете и я мало что видел. В моем состоянии, блуждать по городу пешком было черева-то последствиями. Так что, хоть я и зарекался, но решил попробовать, поступить как герои книг, а именно, приказать извозчику довезти меня до поместья графа Фальца.

Благо, извозчиков вокруг хватало, все же это далеко не бедный район города и подойдя к ближайшему я обратился:

— Любезный, мне надо попасть к поместью графа Фальца.

Здоровенный детина на козлах посмотрел на меня каким-то затуманенным взглядом и буркнул:

— Не могу молодой господин, я уже нанят, вот обратитесь к Петэру, вон тот мужик на красном возке.

Благодарно кивнув, я отправился по адресу.

Петэр, оказался самой любезностью, едва заметил кошель в моих руках и сразу поинтересовался куда ехать.

— К поместью Фальцев — сказал я садясь в кабинку.

— Сей момент — и, стегнув лошадей поводьями, крикнул залихватски — Но! Пошли родимые!

Возничий оказался разговорчивым и веселым человеком. Ехали мы не торопясь и он успел сразу вывалить на меня пару смешных историй.

— А вы кто молодой господин, сынок какого-то герцога али графа, а может незаконный самого графа Фальца? — обернувшись ко мне и сделав большие и «страшные глаза» спросил мужичок.

— Да нет! Что вы! — махнул я рукой — Я из простой семьи, вот просто по делам ехал, теперь возвращаюсь.

— А это что за цацка? — ткнул пальцем в мою грудь возничий.

— Где? — не понял я и посмотрел на указанное место, там медленно переливаясь, сверкал тот самый знак, который повесил мне на грудь принц — А, это, мне король его пожаловал.

Я и сам не совсем понял, что это за награда, что-то смутно-знакомое блуждало в голове, но все никак не желало вспоминаться.

— Ну, ты и здоров, врать! — рассмеялся возничий, сворачивая в маленький проулок.

Только сейчас я понял, что едем мы куда-то не туда, пусть я совершенно и не знаю города, но все же отличить район, где проживают благородные и зажиточные люди от не совсем благополучной части города, могу отличить.

— Простите, а мы не заблудились? — постарался уточнить я — Мне ведь надо к поместью Фальцев.

— Да нет, мы правильно приехали — как-то не очень хорошо ощерился Петэр — ты я смотрю, не бедствуешь, а вот мои друзья очень нуждаются в помощи.

И на негромкий свист, словно из-под земли образовались несколько молодчиков уголовного типа. Прожив немало времени среди этой братии, я теперь узнаю их даже в темноте с завязанными глазами.

— Этого оципать, тушку на корм — бросил возничий троим парням, стоящим с угрюмым видом.

Я конечно не тугодум, но сначала растерялся. Все происходящее было похоже на очередную историю из романов, когда зазевавшуюся жертву застают врасплох с целью ограбления. Мне стало очень страшно, когда я заметил в их руках длинные ножи, которые могли бы сойти за не большие мечи, благо ширина лезвия позволяла. Я струхнул крепко, смысл фразы «тушку на корм», не оставляла сомнений в их планах по отношению к моей персоне.

— Паря, не дергайся и больно не будет — как-то даже по-доброму сказал один из них, вытащив из кибитки и забирая из моих рук мешочек и взмахивая ножом...

Рассеченная щека полыхнула холодным огнем, я вскрикнул, прижимая руки к ране. Словно этого было мало, в бок вонзился еще один нож. Упав на землю, я скорчился от боли, словно сквозь толщу воды, до меня донеслась перебранка моих убийц:

— Косой, ты опять промахнулся, уroda кусок, в прошлый раз из-за тебя от нас чуть подранок не ушел, еще один такой косяк и мы тебя сами в нужнике утопим. Кончай с ним, гоблин криворукий.

Страх к концу их разговора у меня уже прошел, по телу вновь разливалась ярость, почему-то на ум пришло сравнение с вином, от неё так же веяло скрытым огнем. Я начал вставать, хрипя и рыча от боли в боку. Сильный удар по ране, заставил взвиться меня в высоком прыжке. Еще в воздухе, я оторвал ближайшему ко мне разбойнику голову. Приземлившись, я посмотрел в еще моргающие глаза и плюнул туда кровью.

— Вали его! — кто-то крикнул рядом со мной. Мир стал равномерно красным, звуки тянулись как тесто, медленно и долго.

Мне вполне хватило времени повернуть голову и увидеть несущийся к моей шее нож. Легко перехватив руку, и оторвал кисть с оружием, с разворота всадил его в грудь последнего грабителя. Злополучный Петэр оказался самым догадливым и со всех ног бежал к выходу из переулка. Ну, нет, тварь, не уйдешь, ухватившись за край кибитки, я бросил её вдогонку. Да!!! Точно в цель. Только жалобно заржала лошадь упавшая сверху на груды деревянных обломков, она была запряжена в повозку и весь этот путь проделала вместе с ней. Повертевшись в поисках врагов, я начал успокаиваться. Никого не было.

Едва я пришел в себя и стал собирать свои разбросанные вещи, как послышался топот многих подкованных ног и на место происшествия, прибыла тройка стражей.

— Именем короля! Всем оставаться на местах! — крикнул воин с сержантской бляхой на груди.

Угрюмо посмотрев на них, я поднял руки. Драться больше не хотелось, а в голове бродили очень нехорошие мысли по поводу работы стражи, раз посреди бела дня у них едва ли не под носом грабят честных людей. Это был мой второй опыт общения, с людьми представляющие закон и радости как и в первый раз я не испытывал, скорее уж наоборот.

— Руки за голову, лицом к стене — продолжал надрываться сержант.

— Господин стражник они меня пытались ограбить — раздраженно проговорил я.

— Руки за голову, лицом к стене!!! — буквально завопил страж — Без твоих сопливых речей разберемся кто, кого и за что.

Не желая вступать в очередной конфликт, я повиновался.

— Ну что там? — спросил сержант.

— Гар, да полная чушь тут. Три трупа, разнесенная повозка, покалеченная лошадь, и один урод без руки, потерял сознание и много крови.

— Ты ошибся — спокойно ответил сержант, названный Гаром — здесь четыре трупа.

— И вправду ошибся.

Раздался звук, с который сложно с чем-то перепутать. Я повернул голову, та и есть, один из стражей вытащил копьё из груди грабителя.

— Все пошли, вызывай труповозку и уборщиков, мы закончили.

Меня повели, подталкивая в спину изредка древками копий.

— Слушай, Гар, я вот не пойму, а кто их так, не этот же сопляк.

— Сейчас приведем его в управу и спросим подробнее, с нашим экспертом будет разговорчивее и честнее — с усмешкой ответил сержант.

— И все равно очень странно — не унимался все тот же воин — такое ощущение, будто кибитку вместе с лошадью кинули на Петэра.

— Ну, Бэл, ты как загнешь порой, рыбаки отдыхают, у тебя, наверное, и рыба в озере

ловиться с размером кракена — хохотнул молчавший до этого воин.

Дальнейший их разговор ушел от понятной мне тематики, и вился вокруг полочки, женщин и пива. В общем, ничего интересного.

Всю дорогу до управы болел бок, да и щека саднила немилосердно, но приходилось терпеть. Сама управа на меня не произвела впечатления, она была близнецом той тюрьмы, в которой мне уже доводилось сесть в памятные день прибытия в «Горбатую Ведьму». Вот только тогда я попал в камеру в беспамятстве, минуя всякие допросы, больно много свидетелей произошедшего было. В этот раз я оказался единственной живой душой, могущей поведать о случившемся. Именно поэтому я оказался в небольшой комнатке подозрительно напоминавшей пыточную. Это сходство увеличилось в тот момент, когда вошел лысый мужчина в кожаном фартуке с вместительной сумкой позвякивающий металлическими предметами.

— И так — начал сержант, когда меня усадили в кресло и стали сноровисто фиксировать мои конечности — имя, род, кто такой и что там делал.

Я все еще не отошел от боя и страха не почувствовал, хотя некий дискомфорт присутствовал. Поэтому отвечал спокойно без суеты.

— Мор Биндж, из города Норвэла, возвращался от мага-целителя Лансера Граурга в поместье графа Фальца, возникший Петэр, завез меня к своим сообщникам грабителям, где попытались убить меня и отобрать мои деньги.

— Что ты несешь! — внезапно взъярился страж — Кто ты такой, что бы знать графа Фальца! Ты посмотри на себя, нацепил тряпки подороже и считаешь, что теперь тебе все поверят? Ты еще скажи мне, что это ты убил их там всех. Да в тебя плюнуть и ты рассыпешься. И вообще, о каких деньгах ты там лопочешь? — ухмыльнулся сержант — Не было никаких денег. Так что давай колись, кто твои сообщники, с которыми ты промышлял грабежом честных людей, даже бедного извозчика не пожалели.

Подобная подлость со стороны представителей закона не стала для меня неожиданностью. О них у меня уже успело сложиться определенное мнение за столь краткое знакомство, да и в лагере успел послушаться разных историй о взаимоотношениях граждан и сих представителей власти. Само примечательное, что там люди не скрывали того, что они вполне справедливо в свое время попали в «Проклятые», но и о страже и их методах работы тоже были все одного мнения.

— Деньги у меня были — твердо отчеканил я — триста золотых, бумага подтверждающая то, что я являюсь виконтом и медаль.

Выпучив на меня злые глаза Гар открыл было рот, как в к нам в помещение ворвался худой и очень злой тип и сразу принялся орать:

— Ты помет дохлой суки, что натворил!!! — и тут заметив меня, низко поклонился — Прощу простить меня виконт Биндж. Развязать его, привести в порядок, вернуть вещи и сопроводить туда куда пожелает!!!

Отвесив пинка ошалелому сержанту, вытолкал его в коридор, где продолжил орать на него с еще большей силой:

— Да я тебя самолично на дыбу вздерну, ты у меня срать в штаны будешь от каждой тени, ты хоть знаешь кого ты схватил? А!..

Вопли затихли где-то вдали. Меня к этому времени уже освободили и вернули все вещи, так же принесли тазик с водой и аккуратно помогли мне смыть кровь и грязь.

Пребывая в задумчивости, я тем же путем, которым попал сюда, вышел наружу. Там

меня ждал десяток подтянутых воинов, левую руку заложили за спину, кулаком правой гулко ударили в грудь, отдавая честь, при моем появлении. Горячка сражения уже полностью отступила, и я очень сильно смутился, когда сержант, командовавший этим десятком, четко произнес:

— Виконт Биндж, мне приказано сопроводить вас до нужного вам места.

— Благодарю — сказал я смущенно и немного устало — мне хотелось бы попасть в поместье графа Фальца.

* * *

По прибытию к графу Фальцу мои приключения не закончились. Это я понял в тот момент, когда из дверей дворца мне навстречу вышел небольшого роста воин в дорогом, качественном доспехе на котором было изображение оскалившегося лиса...

— И где твое сиятельство носит! — первым делом рявкнул он, обращаясь ко мне.

— Меня? — я не нашел ничего лучше, чем задать самый наитупеший вопрос из возможных.

— Нет, я к Брукху обращался, конечно тебя, или ты видишь тут кого-то еще? — грозно нахмурив брови, ответил мне воин.

Я не стал говорить ему о том, что позади него как раз вышел сам хозяин сего дома.

— Прощу прощения, просто я немного растерялся — потупив глаза негромко ответил я.

— О боги!!! — картинно воздев руки, возопил неизвестный мне субъект — Они что решили что у меня отряд нуждается в монашках?! Ну зачем мне навязали это посмешище!

— Люц, — положил руку на могучие плечо воина Фальц — не перегибай палку.

— Баер, ты что издеваешься, мне подсунули какого-то песьего выкормыша, мне что с ним теперь нянчиться?

Последние слова меня сильно задели. Я многое могу простить, но не оскорбление родителей. Хотя, казалось бы после лагеря меня подобное уже и не должно задевать, но почувствовав вкус свободы и избавившись от метки, я вновь стал становиться прежним. Руки помимо воли собрались кулаки и подняв злой взгляд я тихо но четко прорычал:

— А вот родителей не советую трогать.

Внимательно посмотрев мне в глаза, воин кивнул и сказал:

— Ну может и будет толк. Смирно!!! — он крикнул так, что у собаки сидевший неподалеку от крыльца, случился приступ медвежьей болезни — Ты как со старшим по званию разговариваешь?!

Вбитые в голову рефлексy выпрямили мое тело за мгновение.

— Проще прощение господин капитан! — крикнул я отдавая честь.

— Совсем распоясались, почему не явился в казарму сразу после награждения? Проявляем неуважение?

— Никак нет, господин капитан! — с самого первого взгляда было понятно, что за мной явилось мое непосредственное начальство. Сбылась очередная моя мечта, теперь я в отряде «Стальных Лисов».

— Назначаю тебе штраф в виде половины зарплаты за месяц, две недели нарядов в казарме. Вольно! — все еще сердито сверкая глазами закончил распекать меня командир. — До вступления на службу у тебя есть месяц. Граф говорил, что ты рвался домой, советую не

терять времени. Свободен.

— Есть.

Отдав честь я бегом бросился внутрь дома, облегченно вздыхая. Наконец-то смогу отдохнуть, но первым делом искупаться и переодеться.

Только когда я полез в ванную, полную горячей воды, до меня дошло то, что меня смутно беспокоило уже давненько. Раны больше не болели. На правом боку красовался узкий шрам, а в отражении от подбородка до левого уха тянулся тонкий рубец. Все зажило не прошло и пары часов.

Мне стало грустно, от того, что со мной это не приключилось раньше, глядишь и ухо бы отросло. Развалившись в теплом бассейне, я прикрыл глаза и расслабился. Как-то незаметно меня сморил сон.

Разбудили меня шаги. В ванную пришла всё та же хорошо знакомая служанка. Только в этот раз я не смутился. Слишком многое произошло в один день. Я был в паре шагов от короля, стал аристократом, получил целое состояние, меня пытались ограбить, побывал в местном отделении стражи, оказался в отряде «Стальных Лисов» и увидел свое новое начальство. Моральных сил на смущение у меня не осталось. Поэтому я спокойно принял помощь в помывки и облачения в одежду, а после явился к ужину на который меня позвал все тот же слуга.

Ужин протекал бурно. Все поздравляли графа и меня с получением наград. Особенно радовались парни, они так оживленно обсуждали мое новоявленное дворянство, что было непонятно кто из нас его получил. Причина оказалась весьма простой, когда высказался Ролан, старший из них:

— Ну все, теперь мы сможем вместе ходить на званые вечера, так что Мор держись, мы тебе покажем настоящую жизнь в столице.

— Ага, а еще раз ты дворянин, то сможешь теперь драться на дуэли — и искренне улыбаясь добавил Бриз — Правда здорово?

Меня это почему-то не очень обрадовало и стараясь не обидеть своих добрых знакомых начал мямлить:

— Ну да наверное... я просто не знаю, как это драться на дуэли... да и зачем мне это, у меня врагов нет... — и вот тут-то я вспомнил кое-кого, и мне очень захотелось как можно скорее использовать это свое право. — Ребят, я не очень разбираюсь в дуэльном кодексе, а если я вызову человека, он может отказаться?

— Может, но не всегда — ответил мне Ролан — Если он оскорбил вашу даму, если он оскорбил ваш род и если он оскорбил вас, только когда это сделано все вместе по отношению к одному человеку, нельзя избежать дуэли.

Мои губы расплылись в счастливой улыбке. Правда, она не всеми таковой показалась, ребята отшатнулись, девочки тихо ойкнули, и только граф посмотрел на меня понимающе. Он тоже знал, чему я так сильно рад.

Оставшийся ужин прошел скомкано, но лично мне было на все плевать, в голове я уже выстраивал план для вызова на дуэль Фрайна.

* * *

Лес закончился. Тихо позванивая кольчугой, рядом со мной ехали воины. Я восседал на

своей кобылке, по-настоящему своей, сзади покорно следовала заводная, доверху нагруженная подарками. Я купил их в городе под присмотром графа Фальца. И я и он были заинтересованы в хороших, крепких и спокойных животных. Я больше не стремился к прообразу книжных героев на боевых, горячих скакунах, мне совершенно не хотелось на практике выяснять в чем опять соврали эти злосчастные авторы. Впрочем граф не оставил меня без присмотра даже в дороге, для этого он выделил десяток своих воинов, мои столичные приключения не прошли без последствий. Ни для меня, ни для него, он объявил, что до вступления на службу в «Лисах» мне придется мириться с его опекой. Собственно я был очень даже не против, скорее даже за. И вот теперь держась полукругом позади меня, едет десяток грозных воинов, зорко следящих за тем, что бы ни одно живое существо не досаждало мне своим существованием.

В подобной жизни есть свои плюсы, так что мне уже начинало нравиться быть аристократом. Уважение, охрана, минимум хлопот, что еще надо для хорошей жизни? С каждым мгновением я все ярче и ярче представлял, как сейчас въедем в родной город, какие лица будут у всех тех, кто меня знает, в какой восторг придут родители. Правда я себя одернул, фурор это хорошо, но сюрприз еще лучше.

— Джул — обратился я к главе отряда — оставайтесь здесь, ждите полчаса, потом можете въехать в город. Гостиница тут всего одна, так что отыщите её быстро, где я живу вы знаете если что. Все.

— Есть господин Биндж — отдал честь мне вояка.

Все таки как хорошо быть главным.

Остаток пути я проделал с трудом удерживаясь от того, что бы пустить галопом свою лошадку. В воротах стоял тот самый знакомый моего отца. Я даже успел огорчиться, но бросив на меня быстрый взгляд, он не проявил признаков узнавания. Неужели я так сильно изменился всего-то за неполных полгода? Как бы то ни было, но останавливаться и узнавать так ли это, не стал. Тихо проехав по до боли знакомым улочкам, я остановился перед высокими резными деревянными воротами. Сглотнув невольно вставший ком, спрыгнул с лошади и отворив калитку, шагнул внутрь.

Здесь все осталось практически как в тот день когда я убежал. Тот же сарай, тот же дом, даже похожий стог сена имелся. Едва сдерживаясь от того, что бы не заорать во все горло, оповещающая о своем приезде, я взошел по ступеням и оказался дома. Минуя узкий коридор, ориентируясь на негромкие голоса, я попал в столовую. Было время вечернего ужина.

За широким столом, ко мне спиной сидел брат, а во главе стола находился отец и рядом мать.

— Приятного аппетита — вот и все, что я смог выдавить.

Все те слова, что я так долго заготовливал, внезапно растаяли как дым, полностью выветрившись из мое головы.

Брат резко обернулся и уставился на меня удивленным взглядом. Родители тоже смотрели на меня. Удивление в глазах матери быстро сменилось узнаванием.

— Сынок! Мор!! — она с криком, едва не перевернув стол, бросилась ко мне, целуя и рыдая прижала к своей груди.

Иногда, в подобные моменты, в голову приходят очень странные мысли. Мне подумалось, что я очень вырос и теперь стал даже немного выше своей мамы.

— Где же ты пропадал? Где тебя носило бесстыдник ты этакий?!! Мы же тебя обыскали по всем весям и городам!!! — больше она не могла говорить и просто рыдала

прижавшись ко мне.

Мне было невыносимо стыдно за то, что заставил её пережить своим глупым поступком. Прижимая маму к своей груди, только сейчас заметил, что среди волос очень много седых прядей, а ведь ей нет и ста лет.

Отец и брат молча сверлили меня своим взглядом. Было заметно что они очень рады видеть меня в целости и сохранности, но помимо этого, в их глазах отчетливо читалось, что разговор у меня будет не из легких. Как говориться, все познается в сравнении и сейчас я с удовольствием нарезал бы круги со «шкуродеркой» всю ночь, вместо этой беседы.

Все еще продолжая рыдать, мать отстранилась и стала ощупывать меня:

— Как же ты отощал, что же с тобой приключилось? Ну чего ты молчишь?!!

— Мам, я тебя очень люблю — хриплым голосом ответил я — я так рад тебя видеть, я так скучал по тебе.

Эта простая фраза вызвала еще больший поток горячих слез, и такие объятия, что мне едва хватало сил дышать.

Через минут пять, она все же успокоилась и счастливо улыбаясь сквозь слезы, усадила меня за стол и стала хлопотать, накрывая ужин и на меня, благо один пустой прибор ждал именно меня...

* * *

Мать весь вечер просидела прижимаясь к моему плечу, порой хватаясь за мою руку, словно боясь что я растаю словно облако дыма, вновь покинув её. Только поздно вечером, окончательно устав от расспросов и слез она задремала облокотившись на меня. Отец очень аккуратно взял её на руки и едва дыша отнес в постель.

— Ну брат, готовься — только и сказал Стэл — сейчас тебе за весь год оптом влетит.

Я это и так прекрасно понимал и весь сжался в комок. То что отец не станет рыдать как мать и давить на мою совесть я прекрасно понимал, и честно говоря не был уверен, что лучше: тумачи или слезы мамы, наверное все же первое, от второго очень стыдно и больно душе.

— Ну сынок — тихо сказал отец войдя в комнату, дай-ка тебя обнять — с суровой улыбкой молвил отец.

Я не поверил своим ушам и глазам, порывисто вскочил шагнул на встречу, глаза подернулись влагой, вот чего я не ожидал от папы, так подобной фразы...

Мощный удар в солнечное сплетение, тут же доказал, что не зря. Меня согнуло в бесплодной попытке набрать в грудь воздуха. Я даже не мог разогнуться. Удар оказался таков, что приходило только одно сравнение, картина как наш кузнец дядька Бас поднимает молот и со всего размаху опускает на упрямую заготовку. Но после удара началось и вовсе странное, отец помог мне разогнуться и прижал к своей груди, стиснув столь крепко, что моя жалкая попытка набрать в грудь воздуха была пресечена на корню. Я почувствовал, как с его щеки мне на плечо упала одинокая слеза.

Я стоял пораженный это слезой пуще всех рыданий матери. Мне даже в самых больших фантазиях не могла придти та ситуация, которая заставила бы его заплакать. Образ стального, нерушимого воина треснул и из под него проглянул вполне живой человек, который может страдать. Мне всегда казалось, что тверже отца нет никого, что весь мир

может рухнуть но не выдавит из него даже зубовного скрежета. Оказалось, сын ему дороже всего мира.

Брат так же не остался в стороне, пусть его объятия и были слабее, но явно обладали не меньшим жаром.

— А теперь рассказывай все — сказал отстранившись от меня отец. Глаза его были сухими и только небольшая краснота доказывала, что мне все таки не показалось.

* * *

Наступил полдень, когда я открыл глаза. Разговор затянулся почти до утра, отец вытащил от меня все, включая такие мелочи, как состав кормежки в лагере «Проклятых». Во многих местах лицо у него становилось черным и ладони сжимались в кулаки, в других — глаза явно блестели гордостью за меня. Я говорил в захлеб, выплескивая все то, что накопилось за столь долгий срок. До этого момента, не было тех, кому я мог полностью и без остатка открыться, не боясь порицаний или непонимания. В конце он сказал простую, но очень важную фразу:

— Вот ты и повзрослел сынок.

Я немного полежал всматриваясь в потолок, изучая все те трещинки в дереве, что и так мне были знакомы, но теперь они выглядели иначе. Пусть возвращение в отчий дом и не прошло так, как я планировал, но все устроилось даже лучше.

Быстро одевшись, я спустился вниз. Мама уже всю хлопотала у плиты, явно намериваясь откормить меня до прежних габаритов. Едва заметив меня любующимся ею из двери, она всплеснула руками и затараторила:

— Сынок, быстро садись, тебе покушать надо, а то завтрак проспал. Наверняка всю ночь тебя мучили расспросами, теперь моя очередь.

Спорить я не стал и послушно уселся на лавку, есть действительно хотелось. Как-то незаметно нарисовался и братишка и укромно уселся за стол, мама и его не обделила вниманием. Завтракая, правда скорее уж обедая, я поведал маме свои приключения, правда в сильно отредактированной версии. По ней я сам записался в полк и добровольно пройдя тяжелое обучение попал на войну, где во мне проснулся дремавший до этого талант берсерка. Пришлось поведать и историю потери части моего уха, и как появился шрам на щеке в тяжком бою и многое другое. Брат сидел рядом и лишь изредка восхищенно цокая языком в особо живописных моментах моего вранья. Он не удержался и в конце таки высказался:

— Да братец, не ту стезю ты выбрал, надо было в сказители идти, ты так все живо рассказал, будто сам там оказался.

Фраза была не очень прозрачной и мать поняла её по своему, серьезно пригрозив пальцем Стэлу прикрикнула:

— Я тебе дам сам, хватит с меня седых волос и от одного горе-воителя. Ему вон еще нет полных пятнадцати, а уже ухо порвано и весь в шрамах. Смотри у меня!

— Мам да ты что! — по-настоящему возмутился брат — Ты же прекрасно знаешь, что мне все это не слишком интересно, тем более у меня могут открыться новые перспективы.

Я заинтригованно уставился на мать, ожидая пояснений и не ошибся, они последовали.

— Да тут наш местный кудесник Гер Вадис, недавно лечил Стэла от хвори и

обмолвился, что у него явно есть талант к магии. Поздновато немного конечно, да и уровень таланта определить он не может, больно сам слаб. Но приказал нам отвезти брата твоего в Академию, может что и выйдет, вот как раз через недельки две и надо ехать.

— Так это просто отлично!!! — обрадовался я — Мне тоже надо ехать в столицу через две недели.

— А тебе-то зачем — гневно нахмурила черные брови мать — Я тебя дам ехать, я тебе дам столицу!!! Никуда не пущу! Хватит, навоевался! Все! Из дому ни ногой!!

— Мам, ты же понимаешь, что я не могу. — Ответив спокойно, покачал я головой — Я теперь на службе короля, и не где-нибудь, а в «Стальных Лисах». Мне придется ехать.

Мама села и заплакала, бессильно опустив руки, как мне не было больно, но я осознавал неизбежность этого разговора и так же прекрасно понимал, что все нужно решить в один заход, дабы не растягивать мучение матери. Брат, прочувствовав момент, как-то очень профессионально растворился в недрах дома. Присев рядом с ней я притянул её голову к своему плечу и поглаживая как маленького ребенка стал тихо говорить:

— Ма, все будет хорошо. Я уже взрослый, мне скоро уже жениться надо, а ты рыдаешь вон из-за всяких мелочей. Ты пойми, я стал намного умнее и больше не стану творить всякие глупости. Тем более, ты же знаешь, что я всегда мечтал попасть к «Лисам». Я буду приезжать каждый раз, как только смогу, хоть на денек, хоть на часок. Тем более, что брат вон в Академию может поступить, кто-то же должен присматривать за ним? И учебу оплачивать надобно тоже, а она ведь не малых денег стоит, а у меня будет очень хорошая зарплата.

Рыдания с каждым словом становились все тише и тише, и постепенно перешли в всхлипывания:

— Да все я понимаю, но так не хочется расставаться с тобой едва отыскав!

— Да у нас еще уйма времени! — вскрикнул я в притворном энтузиазме — Целых две недели, успею еще надоесть, сама меня взашей вытолкаешь и еще и пинка отведешь, лишь бы не видеть мою шкодливую морду.

— Пинка, скажешь еще — слабо улыбнулась мама — скорее уж хворостиной дам по мягкому месту, что бы больше не вгонял в гроб родителей своих преждевременно.

— Ну вот, а то чуть что и сразу слезы, мне намного приятнее видеть твою улыбку — сказал я вытирая мокрые дорожки с щек мамы — А ты знаешь какие я вам подарки привез! Пойдем я тебе покажу...

Я радовался тому, что так тихо и быстро удалось замять протесты мамы по поводу моей службы в столице и теперь спешил увести от мыслей по этому руслу. Из седельной сумки заводной я словно волшебник вытаскивал один за другим подарки для матери: вечернее платье, парочку повседневных, браслеты, серьги, (цепочка с висюльками на голову). С каждым новым предметом, у мамы вырывался вздох удивления и восхищения, а когда последняя вещь оказалась у меня в руках, она сдавленно выдавила:

— Боги всемогущие, Мор сколько же все это стоит?!

— Мам, да сущие пустяки, ты же помнишь, что я получил из рук самого короля триста золотых — судя по сдавленному ойканью, она этот момент моего рассказа пропустила мимо ушей — а то что я теперь виконт помнишь?

— Да ты что?!!! — глаза матери так широко открылись, что мне стало даже немного страшно — Так мой сын теперь аристократ?!

— Да мама, да! — я крепко стиснул её в своих объятьях — Еще не вечер, я и вас сделаю

аристократами.

Так переговариваясь я вновь увел её в дом. Женщины поистине непознаваемые существа, еще мгновение назад она сокрушалась по поводу моего отъезда, а через миг уже планирует что же можно полезного приобрести на свалившиеся богатство. Я радостно улыбался, очередная трудность в моей жизни была успешно преодолена.

* * *

Разумеется, на следующий день мать меня потащила на рынок. Цель была проста. Раз у нас появилось много денег, то надо качественно подготовить моего брата к жизни в столице. Стэл конечно в восторге не был, да и какой нормальный мужчина может получить удовольствия, от бесконечных примерок различной одежды? В общем промучились мы до полудня, а потом, я поступил самым коварным образом. Дождавшись когда вещей наберется прилично, а мамина тяга к покупкам и примеркам только-только перевалила за половину, я самым наглым образом сославшись на большое количество купленных вещей, удрал домой.

Порой мне кажется, что нашу жизнь направляют боги, обязательно зайду в первый попавшийся храм бога Дара и принесу богатую жертву. Этот бог отвечал не только за смерть, но и за месть, и вот по последнему пункту и будут ему жертвы в благодарность.

В проулке меня ждала моя любимая компания во главе с Гилом. Разумеется весть о том, что я вернулся из мертвых в считаны часы облетела весь маленький городок, и врятли самый последний таракан пребывал в неведении о сем чудесном факте, вот и мои давние недруги тоже были о нем осведомлены.

— О жирок-ок! — протянул с глуповато-радостной улыбкой Гил — А мы тебя уже похоронили, по нам соскучился родной? Ну так и мы по тебе, давай поможем друг другу.

— О Гил! — радостно воскликнул я, роняя покупки на землю — Ты не поверишь, как долго я мечтал поговорить с вами вот так, наедине, сколько ночей не спал обдумывая, что же нехорошее с вами сделать. Но... вот смотрю я на вас, и понимаю что был дураком, так что бегите уже, играйтесь в своей песочнице, Брукх с вами, прощаю.

Дело в том, что я действительно так считал. Нет, это вовсе не значит, что мне не хотелось надавать им приличных тумаков, вот только... Это словно бояться бодливую козу и в один прекрасный день, когда ты уже подросток, придти в загон, дабы показать строптивому животному кто же тут хозяин, и понять, что это просто животное и оно возможно просто играло. Вот так и я понял, что бить их, это все равно, что сражаться с детьми, которыми они по сути и были, а дети бывают жестоки. Однако я уже не ребенок, не во всех смыслах, но все же, я стал смотреть на мир несколько иначе лишившись рыцарских бредней, навеянные книгами. Я больше не мечтал, как какой-то мятежный принц, вернуться в свое королевство и наказать всех и вся, это даже звучит смешно. Но все же, видимо где-то внутри меня все же осталась эта частичка, мечтающая о мести, потому как я точно знал, что они меня не послушают.

Так и оказалось.

— Слышь! — возмущенно ткнул в меня пальцем Карх, я не без злорадства отметил, что нос-то у него теперь кривой — Ты чего вообще берега потерял?! Мы тебе ща быстро напомним, как с нормальными парнями говорить надо.

Я широко улыбаясь смотрел как они подходят ко мне, когда осталось едва ли пять

шагов, резко пригнулся и зарычал, где внутри колыхнулась злость. Звук получился очень громким и низким, на мгновение мне показалось, что от меня пошла какая-то волна, слегка встревожившая пыль на дорожке. Я рассчитывал, что удивлю их, обескуражу, но уж точно не на то, что случилось дальше.

Вся группа замерла как вкопанная, лица стали бледными, а легкий, едва заметный ветерок принес весьма специфический запах. Мои глаза удивленно распахнулись. Все пятеро, мелькая пятками, с оттягивающимися штанами неслись от меня что есть сил. Как бы то ни было, но месть все же удалась, правда никакого удовлетворения я не получил, в душе остался неприятный осадок, словно сделал какой-то гадкий и неприглядный поступок. Немало расстроенный этим фактом, я продолжил свой путь.

* * *

Вот и пролетели две недели и настала пора отправляться в путь. Сборы получились не очень долгими. С нами поехали и родители, ведь неизвестно поступит мой младший брат в Академию или нет. Если я въезжал как неизвестный человек, то вот покидали мы в сопровождении едва ли не всего города. На выезде мне отдали честь стражники, теперь все знали, что я служу в Стальных Лисах и к тому же теперь имею дворянское достоинство. Мать вся светилась от гордости за свое чадо, отец тоже, но более сдержанно. Воины графа Фальца были нашей почетной охраной.

С самого начала брат крутил головой, восхищенно осматриваясь и поминутно задавал вопрос, проезжал ли я здесь. Пророй меня это так доставало, что хотелось объяснить ему, что дорога тут всего одна. Постепенно и мать присоединилась к расспросам и я сам того не заметив, стал подробно описывать все приключения случившиеся со мной в этом пути. Особенно их позабавило мое описание поиска воды и того, как я проклинал все те баллады что прочел в свое время.

На ночлег мы остановились на той самой поляне, где я набирал воду и мне пришлось показать тот родничок что спас меня от жажды, ямка которую я тогда выкопал бесследно исчезла. Брату такое путешествие было в новинку, и он с азартом собирал сушняк, помогал разводить костер и готовить пищу. Я только тихонько посмеивался и оставался в стороне, мне всего этого хватит на сто лет вперед.

Не знаю каким образом, но Стэл приглянулся солдатам и те с удовольствием брали его в помощники, отвечая на все его вопросы. Они показали, как нужно чистить оружие и доспехи, как ставить палатку, и прочее-прочее. Отец сидел рядом со мной и с немного грустной усмешкой наблюдал за всем этим.

— Знаешь, я должен у вас попросить прощения — тихо сказал он мне.

— За что? — я возрился на него ошарашено.

— За то, что сам не обучил вас всему этому, за то, что так мало уделял вам время. — Он все также с затаенной печалью смотрел, как Стэл с удовольствием пытается точить один из ножей, доверенных ему. — Ведь если бы я, в свое время научил вас сражаться и ухаживать за оружием, то ты бы точно не сбежал. Это мое упущение, как отца.

— Может быть — я согласно кивнул — но возможно это наилучший вариант, ведь неизвестно проснулась бы во мне эта сила, и не погиб бы я в сражении. Так что, как говорится, что бы не делалось, все к лучшему. Тем более, что со Стэлом у тебя есть шанс

наверстать упущенное.

— Ты и вправду стал взрослее — улыбнувшись похлопал меня по спине папа — и меня охватывает гордость, что ты именно мой сын.

В моем горле стал ком. Такие слова наверняка самая большая награда для многих сыновей. В ответ мне удалось только кивнуть.

— Каша готова — объявила мама, она заявила, что есть солдатскую стряпню не намеренна и таким образом осчастливила весь отряд.

Быстро поужинав мы легли спать.

Столица произвела на моих родных сильное впечатление, и я наслаждался не столько видами красот, сколько их ошалелыми лицами. Красота Солнечного Двора их просто поражала, как собственно и всякого впервые его увидевшего, да и не впервые тоже. Постоянные охи и ахи так и звучали из их уст. Единственным кто оставался спокойным, это мой отец, он и раньше бывал тут, когда служил в армии.

С воинами графа мы распрощались у ворот, на все их увещевания я ответил твердым отказом, сославшись на то, что я с родными не пропаду и не попаду ни в какие переделки, да и отец меня поддержал, пожалуй именно его слово оказалось решающим фактором.

Мама долго и придирчиво выбирала гостиницу, такую что бы было не дорого и опрятно. Задача была сложная, почти непосильная, но как всегда бывает с делами за которые берется моя родительница, завершилась благополучно, пусть и к вечеру. Сегодня был последний день моей вольной жизни, завтра с утра я должен был явиться в казарму, где был расквартирован отряд «Стальных Лис».

Вечером мы закатали небольшую пирушку, в честь приезда в столицу и начала новой жизни. Вступительное испытание начиналось после завтра, так что родные могли потратить завтрашний день на осмотр местных красот весь завтрашний день.

Спать мы легли поздно.

Утро всегда было моим самым нелюбимым временем суток, я его предпочитал пропускать в объятиях сна, но сегодня пришлось встать не свет не заря, пробираться в тихую мимо спящего брата и спешить в казарму.

Найти её оказалось не сложно, но вот слово казарма, у меня ни как не вязалось с тем что я увидел. Трехэтажный особняк, с небольшим парком и крепкой высокой решетчатой оградой. У ворот стояла пара охранников, которые пропустили меня сразу, по предъявлению двух значков, Берсерка и Стального Лиса.

Дом был сложен из белого мрамора, немного мрачноватый архитектурный стиль, на стенах красовались жизнеутверждающие сцены боев и сражений в полной красе.

Толкнув тяжелую деревянную дверь с массивными бронзовыми украшениями я вошел внутрь. Как оказалось меня уже ждали.

В большой гостиной находилось семеро человек. Я переводил взгляд с одного на другого стараясь узнать кто из них кто. Вот в углу на, заняв сразу весь обширный диван, сидит здоровенный воин, рядом с которым и медведи выглядят заморышами и дистрофиками, его кустистая борода закрывала половину груди, из его кожаной куртки можно было легкостью сшить небольшую палатку, это был несомненно Гарун Великан. По легенде он в одиночку вышиб своим молотом крепостные ворота и перебил гарнизон в тысячу человек, когда подавлял мятеж одного барона.

Вот франтовато одетый мужчина лет шестидесяти, утонченные черты лица, русые, практически белые волосы, легкая подвижная фигура, в руке держит недоеденное яблоко, пронзительные голубые глаза с примесью презрения к миру в ледяном взгляде, Йон Мучитель о нем ходят довольно жуткие истории, которыми пугают непослушных детей. Говорят, что он всегда прежде чем убить свою цель, подвергает жутким пыткам, лучший убийца Норвэла.

Закинув ноги на стол, восседает девушка, от силы лет тридцати, стройная, тонкая,

темнокожая, эту я не знаю. Черные волосы небрежно рассыпаны по плечам, черные глаза внимательно следят за тем, как Лаг Глаз метает в мишень на стене, один нож за другим. Оттенок кожи, свет глаз и прочее выдает в ней чистокровную имперку.

И наконец самые знаменитые в команде — Братья. Три воина, непревзойденных мечника, прославились тем, что втроем взяли штурмом неприступную имперскую крепость на перевале Кара. Они взобрались на стену и пробились к донжону, где засел командующий гарнизоном. Сумели прорваться внутрь и взяв в заложники генерала, заставили его сдать укрепление.

Едва я появился в дверях как на меня устремились все взгляды. Потянулось неловкое молчание, мной овладела робость. Я и до этого волновался сильно, а теперь вообще впал в ступор. Практически каждый из здесь присутствующих был героем сказок и легенд, на которых росли все мальчишки и вот теперь я вживую вижу их перед собой, даже более того, я буду служить с ними в одном отряде.

— По-моему королю моча в голову ударила — нарушил молчание Гарун — может он намерен завтра нас и вовсе устроить няньками в детский сад?

— Не могу не согласиться — поддержал реплику Великана убийца — нам только сопляков в отряде не хватало.

Каждое слово меня било словно кнут, я прекрасно понимал, что и в подметки не гожусь любому из присутствующих, и что их слова справедливы, вот только мне не было от этого осознания легче.

— Интересно, как Люц вообще согласился на такой шаг? — вставил свои два медяка Лаг Глаз.

Мои глаза смотрели в пол, мне хотелось провалиться под землю, и самое постыдное задрожали губы, так словно я сейчас зареву. По чести сказать, так оно практически и было. Меня душили разочарование и обида, мои герои оказались столь же ложными как и рыцарские романы. Есть ли в это мире хоть что-то, что выглядит хорошо и на бумаге и в реальности?

— Привет — раздался девичий голосок — меня зовут Тилария Мейдридж, но можно просто Тия.

Ко мне подошла та самая имперка и протянула руку, я не уверенно её пожал.

— Не бойся, они просто дурачатся — однако уверенности в её голосе не было.

— Меня зовут Мор Биндж — первый дружелюбный контакт предал мне смелости — меня прислали служить у...

— Да мы и так знаем — перебила меня Тия — только не забывай добавлять виконт, когда представляешься, а то нарушаешь этикет.

— Прошу прощения — признал свою вину я.

Одна из дверей в гостиницу с треском распахнулась, и в неё вошел мой начальник Люц. О нем я никогда и ничего не слышал, так что мне было совершенно не понятно как он оказался среди прославленных героев.

— А! Вижу вы уже познакомились с мелкотой, хочу вас всех обрадовать, что он две недели будет отрабатывать наряды, так что располагайте этим салагой как вам вздумается.

Спешу сообщить, что на ближайшее время у нас не предвидеться работы, так что тренировки по графику, тем более, у нас теперь новичок сопливый в команде, проверьте на что он годиться, а то сдаётся мне, что быть ему нашим полотером и поваром в одном лице.

Разойдись! Привести себя в порядок и приступить к тренировкам!

— Есть! — все вскочили и отдали честь, как полагается, стукнув себя в грудь кулаком.

Мне позволили скинуть свои вещи прямо в гостиной и тут же переодеться, а после мы прошли через несколько коридоров и оказались на заднем дворе.

Высокие стены окружавшие тренировочную площадку, не позволяли всяким любопытным узнать что же тут происходит. Сам двор представлял из себя большую хорошо утоптанную площадку без каких-либо сооружений. Тут не было абсолютно ничего, разве что в конце двора стояло пяток мишеней, и от этого я пришел в растерянность. Как тренироваться, если тут пусто? На этот вопрос я получил быстрый ответ.

Братья просто вынесли из дома утяжеленные тренировочные мечи и стали фехтовать друг с другом, я так увлекся этим зрелищем, что забыл про все на свете. Они словно игроки не раз игравшие в Тактику друг с другом, знали заранее, кто и что сделает в следующий момент, четко и безукоризненно отражали все атаки и сами пытались прорвать оборону противника. Безумный бой всех против всех гипнотизировал.

— Мелкий, ты что так и собираешься простоять тут? — раздался бас Великана — Или все же делом займешься?

— Да я не знаю что мне делать — растерянно ответил я поворачиваясь к Гаруну.

— А что ты умеешь? — спросила Тия, подходя сбоку.

— Собственно ничего — честно признался я — в легионе нас только копыя правильно держать научили.

Судя по кислым лицам остального отряда, примерно этого они и ждали.

— Ну и какой от тебя тогда прок? — задал резонный вопрос Йон.

Я растерянно озирался вокруг себя, весь отряд «Стальных Лис» окружил меня и смотрел оценивающе-скорбно.

— Ну, я берсерк — мне не оставалось ничего как только попытаться выкрутиться подобным образом.

— Ну так покажи что-нибудь, мы же должны знать, что ты можешь.

Я потупил глаза и ответил:

— Так оно само приходит, когда я разозлюсь.

— А если я стукну тебя, разозлишься? — вновь заговорил Великан.

— Наверное, но кто меня останавливать будет? — я испугался, что у него хватит глупости притворить в жизнь сказанное.

— Сейчас узнаем — хохотнул Гарун и нанес мне удар в живот.

До этого в моей жизни хватало всяких приключений с мордобоем и прочим, но даже когда в бою в меня со всего размаха врезался всадник, я не испытывал таких ощущений. Мое тело просто взлетело в воздух на пару метров. Будь я обычным человеком, упал бы на землю уже мертвым. Хруст ребер и кровавая пелена от боли перед глазами вспыхнули словно солнце после темного подвала. Упав на землю я старался погасить знакомый огонь и это мне почти удалось, когда кто-то слева нанес удар в тоже место. И тут меня прорвало.

Извернувшись словно змея, я вскочил на ноги и стал рыскать взглядом в поисках обидчика. Хотелось только одного — убивать. Увидев группу размытых красных силуэтов, я издал рык и кинулся на них. В считанные мгновения, оказавшись рядом я схватил первую из них, точнее мне так показалось. Они все оказались на удивление быстрые и увертливые, а самая большая попросту отбрасывала меня ударом в другой конец двора. Сколько это продолжалось я не знаю, пока наконец, неведомая сила меня не пригвоздила к земле и мое сознание не погрузилось во тьму.

Пришел в себя я незнакомой комнате, стоило мне пошевелиться, как в комнату вошла Тия.

— Что это было — с обидой спросил я.

— Проверка — лаконично ответила она.

— Что еще за проверка? — в груди стала разгораться злость. Что же у меня за судьба такая, вечно норвят избить и покалечить.

— На что ты годишься, поверь это не наша идея, мы всего лишь выполняли приказ начальства — девушка присела на стульчик рядом с кроватью — Видишь ли, мы занимаемся весьма опасными делами и нам нужно знать твои способности и как себя поведешь в бою. Для этой проверки пришел сам архимаг, он то в конце концов тебя и успокоил.

— И как? — вопрос не требовал уточнения, Тия поняла все правильно и скорчила жалостливую мину.

— Тебя можно использовать только как Огненный Шторм, кинуть во врага и бежать в другую сторону. Речи о каких-то тайных операциях, или деликатных делах быть не может. Ты не способен работать в команде в таком состоянии, без твоих способностей ты и вовсе бесполезен.

Мне с каждым словом становилось все паршивей. Размечтался, идиот малолетний, о славе, о работе в таком легендарном отряде, как «Стальные Лисы», а сам из себя ничего не представляешь, или того хуже, ходячий катаклизм замедленного действия.

— Ты только особо не расстраивайся — попыталась успокоить меня девушка — придумают что-нибудь наши начальники, они так просто ценным материалом не разбрасываются.

Надо сказать, получается у неё не очень.

Когда Тия ушла, я еще немного повалялся в постели жалея себя, но потом все же нашел в себе силы встать и одеться.

Когда я попал в гостиную, там никого не было. Пройдясь по дому, никого не смог обнаружить и выглянул на задний двор, тоже пусто. Не зная чем заняться, пришел в гостинный зал и уселся в кресло, и только тут заметил какую-то бумажку на столе. Прочитал:

«Мор, хватит бездельничать и так все утро провалялся в кровати, изображая из себя смертельно больного, отрабатывай наряды, бери тряпку, ведро, они в кладовке, третья дверь на право от входной двери, и помой полы в доме.

Люц»

Тяжко вздохнув я отправился заниматься отработкой наказания.

Странно, но именно за такой, простой и нудной работой я в последнее время стал успокаиваться и приводить свои мысли в порядок. Ну подумаешь неудача, велика проблема. Руки есть, голова есть, а значит надо просто работать над собой. Найти хорошего наставника, и научиться сражаться на мечях, а там глядишь и получаться что-нибудь будет. Да и вообще, на «Стальных Лисах» свет клином не сошелся, не так уж тут и хорошо, как мне казалось.

Когда я закончил с уборкой и полностью успокоился, дом все еще пустовал, и да бы не

скучать решил прогуляться и навестить своих родных. Быстро приведя себя в порядок, я выскочил наружу, кивнув охранникам пошел в сторону гостиницы, где остановилась моя семья.

Разумеется на месте их не оказалось, да я в общем-то и не сильно рассчитывал, так как они явно отправились бродить по городу и осматривать его. Шанс найти их был минимален, и потому я решил заскочить к Лансу и узнать когда он там собирается исполнять свою часть клятвы и отрастить руку Салеку.

Подходя к дому мага я вспомнил тот случай с ограблением и немного пожалел о том, что не обратил внимание на тот факт, что стража добила грабителя. Это было не просто подозрительно, а и вовсе преступно, надо было рассказать тому следователю о произошедшем, но как известно после драки кулаками не машут.

Здесь как и ожидалось все было так же как и в первое мое посещение, даже примерно столько же прошло времени как я подергал колокольчик и к воротам подошла Сая.

— Добрый день виконт Биндж — открыв ворота поприветствовала меня с полупоклоном служанка — я провожу вас в гостиную, господин Ланс скоро освободиться.

— И тебя рад я видеть Сая в здравии добром — не нашел ничего лучшего я для ответа.

По её непроницаемому лицу было совершенно непонятно чушь я сморозил или все правильно сказал.

В гостиной я прождал не долго, от силы минут пять-десять, а потом в комнату вошел виконт Граург.

— Где ты скотиньяка пропадал!!! — сходу начал маг возмущаться, на его колдовской мантии были заметны подозрительные следы, словно материал кто-то старательно пытался растворить в нескольких местах, а такие мантии зачастую крепче любого доспеха и повредить их тот еще не тривиальный труд. — Не на это я рассчитывал, когда с тобой договор заключал. МЕСЯЦ!!! Тебя не было тут целый месяц, хорошо я взял материала с запасом, как чувствовал!!!

От такого напора, я даже немного растерялся, всклокоченные волосы и немного раздраженно-предвкушающий взгляд заставил меня напрячься.

— И тебе привет Ланс — осторожно ответил я — к родителям ездил в отпуск, вот и не мог к тебе заглянуть, а как приехал почти сразу к тебе вот пришел, как и договаривались.

— В отпуск видите ли ездил — все еще ворча, Лан споро раскладывал на столе различные приспособления, чем-то напоминавшие мне пыточные инструменты — ну буду надеется, что ты отдохнул и готов к новым экспе... анализам.

— Ты погоди-погоди — всполошился я, больно мне не нравился внешний вид инструментов — прежде чем тыкать в меня пыточ... исследовательскими инструментами, скажи как там твоя часть следки?

— Ты про этого... — пощелкал пальцами Ланс — как его там? А! Точно! Салека? — я кивнул — Ну так все отлично через пару недель все будет закончено и ты сможешь с ним встретиться. Рука почти готова, и весь процесс находится на завершающей стадии. Ну так... — взял шприц со стола Граург.

— Стой ты торопыга — остановил я мага — а почему сейчас не могу?

— Так спит он — пожал плечами маг — такая операция выполняется в бессознательном состоянии, иначе от боли можно умереть раньше чем рука вырастит ну или, в лучшем случае, с ума сойти.

Больше оттягивать не получится и я со вздохом протянул руку.

Когда я вернулся в дом «Стальных Лисов» то было уже далеко за полдень, и первое что я увидел войдя внутрь, это заинтересованный взгляд Тии.

— Мор, мне вот интересно, ты что бессмертный? — задала девушка странный вопрос.

— Э-э-э... нет — растерялся я от такого вопроса.

— Тогда может у тебя есть склонность получать удовольствия от унижений? — все с тем же болезненным любопытством поинтересовалась она.

— Точно нет — мне все еще было непонятно к чему она клонит.

— Все. — веско припечатала она — У меня больше нет идей.

— Да в чем дело-то!!! — возмутился я — Что за странные вопросы?!

— Не-е-е, странные вопросы и тем более последствия ждали бы тебя, если бы тут сидела не я, а Люций, вот тогда бы мы и узнали бессмертный ты или унижения любишь.

И тут до меня дошло. Слишком сильно расслабился я после отпуска и нв наряды, нв «тренировка» мне не напомнили, что я в армии и тут все делается по приказу и самовольные отлучки есть дезертирство по сути, а я и так уже успел показать себя не в лучшем свете.

— А... а... а... вот я мог влипнуть — вырвалось у меня наконец.

— Ага — довольно улыбнулась Тия и поправила выбившуюся из-за уха прядку — и я некому не расскажу о том, что ты в самоволку ходил если...

Я напрягся, пытаюсь понять, чего от меня можно потребовать:

— Ну! Что если?! — не выдержал затянувшейся паузы.

— ...если ты, а Брукх его знает — беспечно махнула она рукой — потом придумаю, но ты мне должен желание.

— Если оно будет в пределах разумного — я тут же уточнил, мысленно дела заметку, что теперь я должен в общей сложности два желания и тенденция мне не нравилась.

— А какие пределы этого разумного? — тут же поинтересовалась девица.

— Не предавать страну, короля, не вредить друзьям и родне и что бы оно было в моих силах — мгновенно ответил я.

— А ну это легко — обрадовалась Тия.

— Кстати а где все? — поинтересовался я, в большой гостиной для двоих было слишком много места.

— По домам разошлись — ответила девушка и приподняв удивленно бровь добавила — ты же не думал, что мы все тут живем?

— Эм... — замешкался я — ну как бы да.

— Ахахаха — весело рассмеялась она — нет тут мы собираемся перед заданием, и заранее отвечая на твой незаданный вопрос, вчера мы пришли сюда из-за тебя, тут живу только я, да и то пока не найду себе подходящий дом.

— А я?

— Ну ты пока отработываешь наказание, да и присмотр за тобой опять же нужен — наставительно начала объяснять мне Тия — вот как немного оботрешься тут, тоже дом себе купишь, денег у тебя должно хватить.

В этот момент в гостиную зашел Люций, недовольно глянув на меня он сказал:

— Так салага, я на неделю вынужден буду покинуть тебя и твоей курицей-наседкой будет Тилария. Так же будешь каждый день тренироваться с ней и Гаруном. Тия ты знаешь

что надо делать.

Посверлив меня еще немного взглядом своих голубых глаз, словно раздумывая сказать что-то или нет, приняв какое-то решение, Люц развернулся и покинул дом.

— Тренировка? — вопросительно уставился я на девушку — Архимаг что будет сюда каждый день ходить?

— Да не бойся ты так — беспечно отмахнулась от моих внутренних опасений Тилария — то была проверка, а тут будут настоящие тренировки, все же надо как-то сделать тебя полезным. Но да, на первых двух занятиях будет и он.

* * *

Вечером Тия мне сообщила, что завтра архимаг не сможет прейти, так как у него есть более важные дела, чем любоваться на мою персону и потому если я успею отработать наказание, то имею все шансы поприсутствовать на экзамене брата. Разумеется я встал пораньше и усиленно вымыл полы, быстро приготовил завтрак и умчался в гостиницу к родным. К счастью, они не успели уйти когда я примчался туда.

— Мор, сынок! — обрадовалась при виде меня мама — Как жаль что мы вчера разминулись, знали бы тебя подождали бы.

— Да ничего страшного мам — отмахнулся я — я и сам не знал что смогу к вам забежать, зато вот сегодня смог вырваться и увижу как Стэла в Академию примут.

— Да там и смотреть-то будет не на что — ответил брат — подойти к магу, он проверит и все, или учишься или нет.

— Ну-у-у — протянул я — какая собственно разница, есть или нет на что смотреть, не каждый день брата в маги принимать будут.

— Смотрю веришь в Стэла ты — усмехнулся отец.

Мне показалось или он и в самом деле волнуется? Раньше я точно подумал что мне показалось, но с недавнего времени я понял, что папа весьма беспокоиться о нашем будущем. И правда, заметив мой пристальный изучающий взгляд, отец отвел взгляд.

— Ну все-все — поторопила нам мать, вот уж кто не скрывал своего волнения, так это она — пора уже идти, а то еще опоздаем.

Мы все вместе выдвинулись в сторону Академии, можно было конечно и экипаж нанять, но согласно неписанному правилу, на вступительные принято было приходить своими ногами. Скорее всего, из-за того, что каждый год со всей страны съезжались поступающие, и кареты и прочие средства передвижения создавали бы не преодолимый затор для большинства.

Я еще не разу не видел, как почти весь город движется в одном направлении, собственно этот день являлся праздничным в столице, так как после окончания приема новых учеников, корона и маги устраивали праздник. Вот и шел люд, кто поглазеть, а кто детей своих попробовать на стезе магов, у кого деньги есть конечно, или не боится последующие тридцать лет после обучения отработать на Академию практически задаром.

В общем-то дорога к Академии не представляла из себя никакого определенного интереса, самые обычные, немного нервные в преддверии поступления, разговоры.

Не смотря на то, что сам комплекс зданий для учебы магов я уже видел пару раз мельком, он все так же производил впечатление. Маги не скупилась и строили с размахом и

шком. Высокая, белая, каменная стена окружала двор, по размеру не сильно уступавший главной городской площади. По центру находилось относительно небольшое здание для приема желающих поступить, выглядело оно как миниатюрная копия дворца короля. Чуть левее вроде бы основной корпус для обучения, он то и занимал почти половину пространства, а с правой стороны различные постройки, скорее всего какие-нибудь лаборатории и прочие необходимые для практического обучения здания.

Описывать все украшения, и в каком именно стиле были выстроены здания я не стану, могу только сказать, что в них явно чувствовался дух имперской архитектуры. Оно и не удивительно, поскольку именно там и зародилось магическое образование в том виде, которое повсеместно принято у любого уважающего себя человеческого государства.

Стэл времени зря не терял, и немного позабыв о осмотре своего предполагаемого места учебы сосредоточился на наблюдении за прекрасной половиной человечества, сиречь на девушках и девочках прибывших так же как и он для поступления.

Я с усмешкой бывалого человека наблюдал за ним, но ровно до того момента пока не заметил такую же усмешку на губах моего отца при наблюдении за мной. Мда... я как всегда великолепен, возомнил себя Брукх знает кем, а ведь по сути не далеко ушел от брата.

Мы встали в очередь которая, несмотря на ранний час, успела вырасти до значительных размеров. Всюду слышался гомон голосов, то общались между собой поступающие, друзья и родственники. На нас не обращали особого внимания, поскольку мы не выделялись из толпы.

— А кем ты хочешь стать? — задал я вопрос Стэлу, который как-то не догадался спросить раньше.

— М... — задумчиво покосившись на мать протянул брат — не знаю пока, рано пока говорить об этом, что лучше будет получаться туда наверное и пойду.

Все поняли почему была эта задержка и троллю понятно, что обычно так и происходит, но мечтать-то не вредно, а сказать боевым магом или лекарем опасно, мать не оценит. Но судя по нахмуренным бровям, она и сама прекрасно поняла суть ответа Стэла.

Вскоре подошла и наша очередь и Стэла пригласили внутрь для проведения проверки, зайти позволялось только задающему и его близким родственником, так как несмотря на размеры мини-дворца, вместить в себя всех желающих он не смог при всем желании.

Быстро записав данные Стэла, один из учеников проводил нас в большой зал, там заседала приемная комиссия а посередине стоял маг весьма почтенного возраста. Все что потребовалось от брата, это подойти к нему и позволить прикоснуться к нему магу. Положив руку на грудь Стэла, старик в зеленой мантии словно присушивался к чему-то в течении двух десятков секунд а потом огласил вердик:

— Дар выше среднего.

Вот и вся проверка, ни тебе красочных эффектов или звуков, банально и где-то даже скучно. Но по лицу брата этого не скажешь, сколько облегчения и радости было на нем, я такое видел только в день своего возвращения.

Получив небольшой серебристый жетон и указания, на негнущихся ногах Стэл подошел к нам и мы дружно покинули зал.

Больше книг на сайте - Knigoed.net